

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2023 – 4

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
А.В. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора,
Д.В. Михель – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный секретарь,
Д.М. Бондаренко – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, ИАФР РАН,
Т.К. Кораев – канд. ист. наук, ИСАА МГУ,
М.С. Мейер – д-р ист. наук, ИСАА МГУ

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/rva/2023.04.00

ISSN 2219-8822

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Чайников Ю.В. Леонид Алаев о феномене индийской цивилизации. Рец. на кн.: Алаев Л.Б. Индийская цивилизация: опыт понимания. Москва: Леланд, 2021	5
Демидов К.Б. Тома Пикетти о неоднозначном движении к глобальному равенству. Рец. на кн. : Пикетти Т. Краткая история равенства. Москва: АСТ, 2023	21

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Алексян Л.М. Роль Южно-Кавказского региона во внешней политике Турции на современном этапе (на примере Азербайджана)	35
--	----

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Сидорова С.Е. Топографическое исследование Ориссы, 1763–1803: сквозное движение по чужой земле	47
Михель Д.В., Михель И.В. Санитарные реформы в колониальной Индии во второй половине XIX в.	66
Мозиас П.М. Экологическая ситуация и природоохранная политика в Китае	97
Самсонова В.Г. Межкорейские экономические отношения в XXI в.	129
Филиппов Д.А. Влияние окончания холодной войны на дебаты в Японии внешнеполитической стратегии страны в 1990-х годах	143

CONTENTS

FORMATIONS. CIVILIZATIONS. GLOBALIZATION

- Chainikov Yu.V. Leonid Alaev on the Phenomenon of Indian Civilization. Book Review: Alayev L.B. The Indian Civilization: A Trial for Comprehension. – Moscow, 2021 5
- Demidov K.G. Controversies of Global Equality in Thomas Piketty's «A Brief History of Equality». Book Review: Piketty T. A Brief History of Equality. – Moscow, 2023 21

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

- Aleksanyan L.M. The role of the South Caucasus in Turkey's Foreign Policy at the Current Stage: Turkish-Azerbaijani Relations .. 35

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

- Sidorova S.E. Topographical Survey of Orissa, 1763–1803: A Transit Movement Through Alien Land 47
- Mikhel D.V., Mikhel I.V. Sanitary Reforms in Colonial India in the Second Half of the Nineteenth Century 66
- Mozias P.M. China's Ecological Troubles and Environmental Policy 97
- Samsonova V.G. Inter-Korean economic relations in the XXI century 129
- Filippov D.A. The End of the Cold War's Effect on Debates in 1990 s Japan Regarding its Grand Strategy 143

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

ЧАЙНИКОВ Ю.В.* ЛЕОНИД АЛАЕВ О ФЕНОМЕНЕ ИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Рец. на кн.: АЛАЕВ Л.Б. ИНДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ОПЫТ ПОНИМАНИЯ. – Москва : Леланд, 2021. – 432 с.

Аннотация. Книга выдающегося отечественного историка Л.Б. Алаева – итог его 70-летнего изучения Индии и резюме многочисленных историко-страноведческих публикаций автора. В рецензируемом труде патриарх российской индологии подошел к феномену Индии с точки зрения ее цивилизационных особенностей. В противоположность господствующему историко-стадиальному подходу, в котором делается упор на эволюцию и социальные изменения, Л.Б. Алаев ищет некий цивилизационный «код», ту глубинную социокультурную основу, что не изменялась многими тысячелетиями и наложила свой отпечаток на современное индийское общество. В соответствии со своим подходом он выявляет недостатки общеисторических схем, некорректно, на его взгляд, приложенных к индийской истории. Рецензируемая монография особенно ценна в эпистемологическом отношении, поскольку многолетний опыт позволяет автору указать на те опасности, что поджидают исследователя индийских историко-культурных артефактов.

Ключевые слова: Индия; касты; сельская община; Л.Б. Алаев; индология, азиатский способ производства; восточный деспотизм.

* Чайников Юрий Викторович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

CHAYNIKOV Yu.V. Leonid Alaev on the Phenomenon of Indian Civilization. Book Review: Alayev L.B. The Indian Civilization: A Trial for Comprehension. – Moscow, 2021. – 432 p.

Abstract. The book by the prominent Russian historian Leonid Alaev is the result of his 70-year study of India and a summary of the author's numerous historical and country studies publications. In the reviewed work, the patriarch of Russian Indology approaches the phenomenon of India from the point of view of its civilizational peculiarities. In contrast to the prevailing historical-stadial approach, which emphasizes evolution and social change, L.B. Alayev searches for a certain civilizational «code», that deep socio-cultural basis that has not changed for many millennia and has left its imprint on modern Indian society. In accordance with his approach, he identifies the shortcomings of general historical schemes, incorrectly, in his opinion, applied to Indian history. The monograph under review is particularly valuable in epistemological terms, since the author's long experience allows him to point out the dangers that await the researcher of Indian historical and cultural artifacts.

Keywords: India; castes; rural community; “oriental despotism”.

Для цитирования: Чайников Ю.В. Леонид Алаев о феномене индийской цивилизации [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 4. – С. 5–20. Рец. на кн.: Алаев Л.Б. Индийская цивилизация: опыт понимания. – Москва : Леланд, 2021. – 432 с. – DOI: 10.31249/RVA/2023.04.01

История по самой своей сути обязана быть всемирной, такой и является, ее законы – едины для всего человечества, но везде они проявляются по-своему. Нет нужды говорить, что спецификой исторического дискурса Индия давно и прочно завоевала себе звание «страны чудес». Слишком много непонятого, привлекающего внимание для рядового стороннего наблюдателя, но – и в этом, может быть, парадокс – еще больше удивительного для профессионально подготовленного исследователя. Понять эти странности, непохожесть на наш повседневный опыт можно только при серьезном отношении к «чудесам», а для этого необходимо, пишет Л.Б. Алаев, «проникновение в механизм, производящий именно такую, а не иную историю, обеспечивающий, в частности, этниче-

скую преемственность на протяжении тысячелетий, гасивший внешние влияния и т.п. Особенности первого этапа исторического развития накладывают отпечаток на облик второго и т.д. Образуется особый путь развития, который сразу же или со временем получает цивилизационную окраску» (с. 7).

Одно то, что народы мира при единстве всемирной истории имели разные исторические судьбы, должно подталкивать исследователей к так называемому цивилизационному подходу. Л.Б. Алаев признает, что с самим термином «цивилизация» пока еще много неясностей, разночтений в его трактовке. Но при этом главное: один путь развития может качественно отличаться от другого настолько, что количественно представители обоих могут быть несравнимы, если не выделять внешние, по сути случайные признаки. При таком подходе сравнение цивилизаций грозит скатиться в «шовинизм и ксенофобию» (с. 9). К тому же, считает Л.Б. Алаев, «цивилизационному подходу крупно не повезло с названием. Слова *цивилизация*, *цивилизационный*, *цивилизированный* имеют сильную позитивную коннотацию. Толкают к поискам чего-то ценного, провоцируют к размышлению о степени цивилизованности, о критериях цивилизованности, о градациях популяций (обществ) по этой самой степени». Происходит возвращение к стадияльному подходу, который не плох сам по себе, но все же это другой подход, тогда как требуется перейти именно «к цивилизационному!» (с. 9–10).

Л.Б. Алаев предлагает свой подход, который состоит в том, чтобы «описать одну из цивилизаций во всех аспектах того, что можно назвать ее духовной жизнью, исходя из презумпции равнозначности всех цивилизаций, отвлекаясь от ценностных характеристик, от ранжирования цивилизаций по степени “развитости”». Главное – избежать «предпочтения одной системы ценностей другой» (с. 12). Впрочем, с сожалением отмечает российский востоковед, состояние умов в современном мире таково, что «презумпция равнозначности» и «отсутствие предпочтения» – удел единиц, а большинство, как и в прошлом, будет клеймить позором кровавые жертвоприношения индейцев Центральной Америки или обычаи *сати* в Индии.

Л.Б. Алаев с известной долей пафоса заявляет об отказе от традиционно-нарративного подхода: «Специально надо подчерк-

нуть, что подход в данном случае должен быть не *историческим*, можно даже сказать *антиисторическим*. Мы будем не проследивать возникновение того или иного феномена, его развитие и умирание, а главным образом его бытование в геноме данного общества в любой из периодов его существования». Главное для Л.Б. Алаева не эволюция, а «достаточно устойчивый культурный код» (с. 15–16)).

Тем не менее профессионализм историка берет свое, и он выявляет этот код по первоисточникам: Древнюю Индию – по священным книгам, раннесредневековую – по дарственным грамотам, позднесредневековую – по персоязычным хроникам, колониальный период – по британским официальным документам. «Получается так, что, переходя от одного периода индийской истории к следующему, мы оказываемся каждый раз как бы в иной стране» (с. 17). Однако во всех этих «странах» Л.Б. Алаев ищет и находит генетический код, общее на все времена для индийской цивилизации, которое в то же время отличает ее от всех иных цивилизаций. Его методологическая задача – подчеркнуть непохожесть, своеобразие, а не искать общее с другими цивилизациями.

Первую главу «Исторический взгляд. Истоки и влияния» Л.Б. Алаев начинает с развенчания расхожего мифа о том, что основы индийской цивилизации заложены в Ведах. «На самом деле она имела четыре корня: индский (хараппский), арийский, дравидский и мундасско-австралоидный» (с. 24). Возможно, добавляет он, при рассмотрении вопроса о генезисе индийской цивилизации следует учитывать и античное (древнегреческое) влияние, а также влияние буддизма и христианства.

«На протяжении 13 веков до н.э. ведийско-брахманические представления, впитав некоторые идеи предшествовавших культур, распространились по субконтиненту, наложившись на представления автохтонного населения, и изменились, чтобы эти представления инкорпорировать в нечто подобное системе. Именно к началу новой эры возникает индуизм» (с. 25).

Далее, индийская цивилизация облекается в одежды ислама, сохраняя в себе все, что было наработано прежде. Бросая общий взгляд на доколониальную историю Южной Азии, Л.Б. Алаев замечает два момента: подчеркнуто замедленный темп движения и подспудность динамики изменений. Так, если в других цивилиза-

циях Востока взлеты и падения династий, империй четко обозначены, то индийские колебания отличались вялостью, незаметностью для соседей.

Вывод, казалось бы, несенсационный, но он настолько прочен и высок как база, что воздвигнутые на нем дальнейшие построения открываются в ином ракурсе.

Вторая глава «Индусское восприятие реальности: Между отражением и воображением» затрагивает одну из важнейших проблем индологии – несоответствие письменных источников реальному положению дел. «Видимо, ни одна другая культура не была настолько склонна конструировать “реальность” по идеальным образцам... Вывод, к которому мы придем в конце главы, – *принципиально неадекватное восприятие реальности* индийцами (индусами), принципиальное предпочтение мифа реальности... В других культурах должное – идеал, который не существует. В Индии, напротив, должное как бы существует, а сущее как бы не существует. Реальные отношения, если они противоречат должному, не фиксируются сознанием» (с. 66).

То, к чему привык историк – воссоздавать прошлое по источникам, в Индии не работает, поскольку индуистские тексты, древние памятники, шастры (в том числе и, казалось бы, в высшей степени практичная Артахаштра – трактат, содержащий «конкретные советы конкретного министра конкретному государю») не отражают реальности. «Задачей составителей шастр было выстраивание цепочек классификаций всего и вся. Вместо изложения закона мы видим упражнения в ритуалистике и арифметике. Где-то в фундаменте этих упражнений, конечно, лежит реальность, но она камуфлируется такой массой схоластических упражнений, что вычлениить эти зерна реальности бывает трудно, а иногда невозможно» (с. 68).

Автор называет это «прорывом сквозь реальность к бессодержательному классифицированию» (с. 69), которое своей демонстративной четкостью (например, четырехчастное деление всего – варн, периодов жизни, статусов, и т.д.) смущает читателя и заставляет воспринимать себя как имевшую место в Древней Индии практику.

Не только количественные характеристики, но и схожесть формулировок с аналогичными европейскими источниками вводит

в заблуждение. «Фундаментальную ошибку сделали европейские индологи, приняв дхармашастры за кодексы права... Существует презумпция, что любое общество имеет свое право – свое особое, специфическое, но все же в основных своих формах и функциях – единое и претерпевающее единую эволюцию. Европейцы, уверенные в том, что общество формируется именно создаваемыми ими законами, ... увидели в дхармашастре Ману то, что хотели видеть, а именно – свод законов... В них искали “правовой материал”, (...) сегодя, что этот правовой материал разбавлен изложением ритуальных норм повседневного поведения» (с. 70).

Но даже в том, что касалось ритуала, европейцы, считает Л.Б. Алаев, ошибались: тексты священных книг не преследуют цель дать описание обряда, их цель классифицировать все, что можно. Причем, не то, что есть, а то, что должно быть. Знание в шастрах не выводится из изучения действительности, а предшествует ему. Оно существовало извечно. Авторы шастр пытаются выразить это изначальное знание, истину, которая лежит в основе мироздания.

Только вникнув в ритуальное предназначение шастр, читатель может понять крик души автора: «Издание перевода *Манавадхармашастры* на европейские языки под заглавием “Законов Ману” оказалось катастрофой: мы, индологи, никак не можем никого убедить, что это не законы» (с. 77). Индусы сакрализовали все вокруг себя. Мир представлялся им как упорядоченное пространство, каждая часть которого подпадала под магическую власть того или иного божества.

Сакральное классификаторство распространялось и на вполне физическое пространство. Оторванность от других стран позволяла индусам воспринимать себя жителями некоего острова Джамбудвипа – расположенного среди океана, но помещающегося четко между Гималаями и мысом Коморин. Это была священная территория, каждую область которой опекало свое божество и соединяло в единое мифологическое пространство священными текстами. Индия по сути состояла из множества стран-земель, но с единым культурным санскритским кодом и стремлением к овладению «всем миром» (именно такая цель ставилась в Артхашастре перед царем, а достигал он ее в случае, если становился добрым правителем), т.е. к объединению всего Индостана.

Такое оригинальное отношение к пространству, географии можно хоть как-то попытаться оправдать отсутствием потребности расширять производство, торговлю, изучать потенциальных контрагентов или даже, скажем конкретнее, – желанием стабильности в неизменности, неподвижности. А это не может не сказаться на мифологизации времени. «Еще в начале XI в. аль-Бируни отмечал, что индийцы относятся “легкомысленно к последовательности событий”, что они “беспечны к хронологическому порядку правления своих царей” и поэтому вынуждены “прибегать к созданию легенд”. Так, без истории, Индия вошла в европейскую мысль Нового времени» (с. 102).

Истории у индийцев не было вплоть до мусульманского завоевания с его летописной традицией (*тагрихи*). А до этого даже такое несомненное всемирно-историческое событие, как поход Александра Македонского, «не произвело на индусов никакого впечатления. Буквально: *не запечатлелось* в их памяти» (с. 103).

Допустим, в те времена не было национального нарратива и потому индийцы не помнят великого завоевателя, но такая «генетическая» забывчивость распространяется и на исторически недавнее время. Так, в XIX в. о своих национальных героях они частенько узнавали «из вторых рук» – от англичан, изучавших вопрос по разным, часто неиндийским источникам (например, персоязычным), равно как и о топографии этих событий. Но индийцы не стали бы интересоваться своим героическим прошлым, если бы у их элиты не возникла необходимость занять национальную историю в качестве легитимации своей власти в зарождающемся буржуазном (т.е. построенном на принципиально иных цивилизационных основаниях) государстве и не появилась бы в середине XIX в. среда, готовая воспринять эти сведения.

В индийских условиях для такой легитимации наряду с реальными историческими событиями, подчеркивает Л.Б. Алаев, прекрасно подходили мифы, безграничное доверие к которым совпало с модернистским («европогенным») стремлением доказать историчность мифа. «Стало модным искать истоки индийской государственности и всячески ее удревнять, используя научные методы» (с. 113). Этим, в частности, отмечена деятельность общества Акхил Бхаратия Итихас Санкалан Йоджана (Проект собирания истории единой Индии).

Никакой исторической традиции не было бы нужно, если бы власть в Индии так бы и держалась «божественным установлением», продолжала бы господствовать кастовая система с присущим ей кастовым сознанием. Такой образ жизни, доказывает Л.Б. Алаев, «не требует исторического сознания как точки опоры» (с. 115).

Невостребованность исторического сознания отражается, в частности, в восприятии времени: «С одной стороны, существует конкретное время – время жизни человека, время правления того или иного царя», которое можно отметить в известном всем календаре. Но, с другой стороны, индусы живут в других временных отрезках других временных периодов, измеряемых миллионами лет (махаюги – каждая по 4 320 000 лет, а две тысячи махаюг – одна калпа – т.е. сутки в жизни Брахмы, который живет 100 своих лет). При таких временных масштабах «фиксировать какие-то мелкие события реальной жизни особого смысла не имеет» (с. 116).

Тем более поражает исследователя не какой-то «особый смысл», а полнейшая бессмыслица фиксации некоторых количественных показателей: «Отношение индусов к числам трудно понять и оценить. Прежде всего бросается в глаза безразмерность чисел, предлагающихся для исчисления времени существования человечества» (с. 119). Но при этом имеет место какая-то болезненно гипертрофированная, а потому бессмысленная точность. Л.Б. Алаев приводит в качестве примера записи исчисления земельной площади в одной из деревень и налога на эту площадь. Не станем приводить оба числа, каждое из которых занимает больше строки. «Наибольшая точность, с которой выражена площадь земли в такого рода записях, составляет 1 : 52 428 800 000 *вели* (*вели* – мера площади. – Ю. Ч.)» (с. 122). И это в казалось бы практических сведениях о реальном налогообложении!

Такая же точность потребовалась индусам и в других мерах (веса, времени), чтобы иметь правильное представление об устройстве мира. Но не легче дело обстоит и в том случае, когда подаются вполне приемлемые, нормально воспринимаемые разумом цифры. Так, индолога насторожило неизменное круглое количество членов деревенского совета, которое не менялось на протяжении веков (с. 124). Частое повторение ритуально круглых чисел (4–8–16–32) наводит на мысль, что это всего лишь образная форма

выражения «много» (типа «сорок сороков»), а не конкретное количество. «Приходится предположить, что надписи, содержащие количественные данные, не столько сообщают реальные факты, сколько утверждают ту или иную идею: идею точности измерения земли и налогов; идею многочисленности общинного собрания или коллектива старост» (с. 126). Число здесь скорее качественная а не количественная характеристика.

Индолог-классик признается, что ему самому неясно, «какой вывод относительно вида ментальности, характерной для индусов (индийцев), вытекает из этой особенности мышления». Однако он уверен, что исследователь сталкивается всё с тем же стремлением «уйти от действительности, заменить ее схемой, категориями, разновидностями». А подспудно еще укреплялась уверенность, «что в этом мире все подсчитано, все уложено, нет проблем» (с. 127).

Развенчание мифов об Индии автор продолжил в третьей главе – «“Восточный деспотизм”. Индийский вариант».

Легенды о происхождении монархической власти у индийцев точно такие же, как и у многих других народов: увидели боги беспорядки среди людей и назначили им царя, который стал как бы исполняющим обязанности бога на земле. Есть и более приземленный вариант: сами люди, претерпев бедствия безвластия, избрали себе царя. В обоих случаях царь обязан был создать такие условия, чтобы каждый мог следовать своей дхарме. Божественность царской власти в таком случае не стоит преувеличивать, ибо в Индии все имеет божественную санкцию существования, а на таком фоне блеск власти немного тускнеет.

Главная черта появившегося таким образом царства – совершенство, которое не нуждается, чтобы что-то в нем поправлять. Вероятно, именно в силу самоочевидности такого совершенства «индусские цари не издавали законов. Нет государственных законов, нет кодексов права» (с. 135). Получается, что подобный социальный и государственный строй «не требовал установления правовых норм» (с. 137).

В отсутствие писаных правовых норм все дела в судах (а таковые были) решались, что называется, по совести, в соответствии с пониманием судьей божественного смысла происходящего. Суд в такой традиции не был институтом, он становился событием.

Л.Б. Алаев полагает, что империя Маурьев, в частности при Ашоке, вопреки бытующему представлению, не была централизованным государством (с. 149). А о более позднем периоде известно точно: «В период от начала н.э. до XII в. на территории Южной Азии существовало более сотни государств, каждое со своей традицией составления дарственных надписей» (с. 150).

Дарственная надпись фиксирует отношения собственности. Это важный документ для понимания истории Индии, и их изучению Л.Б. Алаев посвятил много времени. В этих сугубо практических документах домогольского времени он заметил одну неформальную особенность, которая выдает их принадлежность к индийской цивилизации: в них «отражение реальности мирно соседствует с воображением о реальности». «В отличие от древних трактатов, данные надписей не оторваны от реальности, они просто соединяют реальное и мифологическое... Надписи показывают, что от мифологического восприятия окружающего индусы и в Средние века отказываться не желали». К тому же языком фиксации и трансляции культуры стал мертвый язык, непонятный почти для всех, что продлило существование идеальных моделей в текстах, имевших вполне практическое применение. Приведенные автором отрывки из дарственных надписей вполне воспринимаются как примеры если не высокой, то во всяком случае, народной поэзии.

Очередной миф об Индии – это наличие там централизованного государства с «почти византийской структурой». Исследователь считает, что зафиксированные в шастрах иерархии (или то, что мы можем воспринять как иерархии) чиновников – скорее мечта о совершенном государстве, нормативная информация, поддерживающая представление о неизменности социального строя, чем фиксация реального положения дел.

Как же управлялись такие большие пространства? Л.Б. Алаев объясняет «социальное благополучие при слабом административном аппарате» всеобъемлющей кастовой системой (с. 168), превращением в касту каждой отдельной (этнической, профессиональной, конфессиональной и т.д.) группы с формированием в ней своего этоса, который заменял кодексы законов. «Самоуправление всех таких образований делало ненужным разветвленный административный аппарат, издание законов, указов и т.д. Социальный

порядок поддерживался сам собой». В этом смысле, пусть иронично, но по праву, такую систему можно назвать истинным самодержавием, когда все само собой держится.

Термин, предлагаемый мной¹, вполне гармонирует с не менее ироничным определением, данным Л.Б. Алаевым системе брахманского судопроизводства («Индия... дает нам классический пример “беззаконного” общества» (с. 140), когда дела решались не по писаному закону, а по совести. Отсюда недалеко до пресловутого «восточного деспотизма».

Тем не менее индусские цари, эти «восточные деспоты», на большей части своей территории имели лишь ритуальный сюзеренитет. Мало что изменило в этом отношении мусульманское завоевание, принесшее с собой нормативное право. «Можно сказать, что индусская реальность в итоге победила мусульманские представления о правильном»; «Из раннесредневековых документов явственно выступает тот факт, что индийские государи не обладали монополией на осуществление правопорядка и на законное применение насилия» (с. 170). Акбар, реальный основатель Могольской державы, создал видимость четкого функционирования административной машины. Но эта машина работала только при постоянных импульсах со стороны первого лица.

Моголы принесли с собой детально разработанную исламскую систему госуправления, которая в индийских условиях была по большей степени благопожеланием праведного исламского образа жизни, а не правовой директивой. Своеобразным аналогом Артхашастры Каутильи можно считать появившиеся полтора тысячелетия спустя наставления чиновникам Абу-л Фазла, и в них тоже Л.Б. Алаев находит признаки «индусского конструирования реальности» в соответствии с неким идеалом (с. 172).

Однако следует ли считать такой подход этнокультурной, или «цивилизационной» особенностью? И не следует ли в данном случае учитывать, что задача любого нормативного документа давать идеальную картину – как правильно, противопоставляя тому, что неправильно.

Подводя итог рассмотрению Могольской империи, автор говорит, что по ряду причин «ее нельзя назвать бюрократическим

¹ Рецензентом Ю.В. Чайниковым. – *Прим. ред.*

государством» (с. 177), и в доказательство приводит четыре довода. Замечу, что их можно интерпретировать и с обратным знаком, т.е. в пользу бюрократической государственности.

Итак, по Л.Б. Алаеву: 1) работа аппарата не была строго организована, многое решали взятки; 2) сохранялись вассальные княжества, включавшиеся в имперскую структуру на основе своего рода договоров; 3) Могольская империя не бюрократическое, а военное государство. «Любая должность, даже связанная с выполнением чисто гражданских функций, понималась как военная»; 4) значительная часть правящей верхушки получала жалование не непосредственно из казны. Чиновнику выделялась территория (джагир), «налог с которой и был вознаграждением за службу». Часть дохода должна была идти на оплату войска, с которым владелец джагира выполнял поставленные шахом перед ним военные задачи.

И вот здесь самое интересное. Суммарная численность джагирдаровских воинских образований периода Акбара, пишет Л.Б. Алаев, составляла 4,5 млн человек, в то время как имперская армия насчитывала 250 тыс. человек: «Имперская власть держалась только на том, что заминдары не могли объединиться в масштабах страны и выходили из повиновения не все сразу» (с. 180). Так же, как и с бюрократией, вопрос силовой компоненты во внутренней политике моголов требует дополнительного рассмотрения.

Любимая тема Л.Б. Алаева – критика концепции «азиатского способа производства». С этой критикой он выступал в дискуссиях советских востоковедов, оживившихся в 1960-х годах после идеологического разгрома в 1930-х, когда утверждалась так называемая «пятихвостка» – формула пяти стадий-формаций всеобщей истории. Однако в книге об индийской цивилизации он задумывается о реальных основаниях для обобщенного определения государств Востока.

«Понятие *восточный деспотизм*, – пишет Л.Б. Алаев, – вошло в обиход всех европейских (“ориенталистских”) размышлений и сочинений о Востоке еще со времен Древней Греции... Оно воспринимается как обозначение жесткого и жестокого режима, безграничного своеволия и всеобщего рабства». И речь здесь не о масштабах жестокости, которой хватало и в западноевропейском Средневековье, а о «разном отношении населения и правителей к

праву... Для восточных режимов нужен некий особый термин. В этом смысле все азиатские империи можно назвать деспотиями. Может быть, Индия с ее неповторимой кастовой системой и особой склонностью к общинности представляет собой особый случай. Но в основе ее государственности лежит тот же принцип всевластности государства, что и в других странах Востока» (с. 184).

Четвертая глава «Общество каст» посвящена одному из самых сложных и в то же время ключевых для понимания индийской цивилизации вопросов. Автор рассказывает историю появления каст в Индостане, подробно разбирает терминологию и, верный взятому в монографии курсу, указывает на основные заблуждения, имеющие место в трактовке темы. Формат рецензии не позволяет подробный пересказ главы, а специфика предмета не позволяет упустить хоть какую-то подробность без ущерба для понимания целого. Ограничусь общими («промежуточными», как сказал Л.Б. Алаев, ибо тема не закрыта) выводами из нее.

А они таковы: «Кастовая система в свое время обеспечивала социальный порядок, внутрикастовое сплочение за счет большей или меньшей сегрегации других. В Новое и Новейшее время ритуальная иерархия каст размывается; современный образ жизни (рабочего, интеллигента, даже крестьянина в деревне) все более не соответствует традиционным критериям “чистоты”. Кастовая группа сохраняет только свою функцию сплочения. Она оказывается структурой, готовой вступить в конкуренцию с другими подобными группами за ресурсы, власть и престиж» (с. 249). Для политиков касты – банки голосов, социальные базы политических партий. В Индии действует мажоритарная система выборов, когда борьба идет в каждом избирательном округе отдельно. Поэтому необходимо учитывать кастовый состав населения каждого округа и выдвигать такого кандидата, который вызовет наименьший протест среди «не своей» касты.

Не менее значимую, чем каста, роль в объяснении индийской цивилизации играет индийская сельская община. Ей посвящена пятая глава. Вообще надо сказать, что автор книги об индийской цивилизации – один из ведущих в мировой науке исследователей этого вопроса, а ряд его публикаций на эту тему нашли отражение на страницах нашего журнала.

Община всегда играла важную роль в размышлениях о Востоке. Теория «азиатского способа производства», собственно, и заключается в том, что постулируется наличие особой, восточной сельской общины и эксплуатирующего ее государства. И в качестве примера чаще всего приводилась именно индийская община, которая отличалась от всех остальных наличием кастовости и поэтому в сущности не годилась на роль типичной «восточной» общины (с. 252).

Вывод Л.Б. Алаева категоричен: «Главный порок всех писавших об индийской общине XIX века – забвение касты и кастовой системы. Игнорирование того, что индийская община – это не коллектив крестьян, а совокупность каст, из которых одна занимает ведущее (доминирующее) положение, а остальные находятся от нее в той или иной зависимости» (с. 253).

Еще в начале XIX в. некоторые функционеры британской Ост-Индской компании отметили поразившие их факты взаимодействия в деревне людей разных специальностей, обменивавшихся продуктами и услугами и, казалось, совсем не нуждавшихся в связях с внешним миром. Стало расхожим представление, что каждая деревня в Индии – это «маленькая республика» во главе со старостой и что вся Индия состоит из таких «республик». Жители деревни обеспечивают себя всем необходимым и совершенно не интересуются тем, что происходит за пределами деревни (с. 255–256).

Автор считает, что давно следовало бы преодолеть эту благостную картину, изобилующую мифами, список которых он помещает на странице 258:

- 1) утвердившееся в науке мнение, что любая община – так или иначе – ведет свое происхождение из первобытности;
- 2) презумпция, что сельская община основана на принципе равенства своих членов, что это «по определению» крестьянская организация;
- 3) убеждение, что характер индийской общины уже известен и вполне выражен в упоминавшихся кратких описаниях;
- 4) превращение индийской общины в символ исключительной благодати индийской цивилизации.

Прежде всего индийская община не может быть примитивной и первобытной, это не крестьянская община, а община каст, а последние – вторичные социальные группы высокой степени сложности. Далее: формулировки о значительной патриархальности и демократичности могут быть применены к индийской общине, но тоже с обязательной поправкой на многокастовость: «Многокастовая община есть община многоклассовая. Значительная доля общинников, имеющих землю и решающих все вопросы, или даже все землевладельцы данной общины, являются не крестьянами, а рентополучателями» (с. 260). Такую структуру, формировавшуюся и расширявшуюся в интересах, прежде всего, верхнего слоя общины, вряд ли можно назвать крестьянской.

Чуть расшифруем формулировку третьего мифа: речь идет о бытующем представлении о коллективно-общинном ведении хозяйства, или общинной собственности на землю. По К. Марксу, собственником здесь была община, а отдельное лицо – лишь владельцем, пользователем. Однако такого общинного хозяйства на территории Индии не было никогда. Причину неверного мнения об общинном землевладении Л.Б. Алаев видит в неудачной формулировке М. Уилкса (с. 268), который, цитируя канонический текст о «маленькой республике», дополнил его фразой о том, что *иногда* земли деревни обрабатываются совместно и урожай делится в пропорции к приложенному труду. И несмотря на то что Уилкс делал акцент на том, что *обычно* такого нет, читатели увидели то, что хотели – благодатную идиллию. Точно так же и с общинными правами на землю: коллектив распоряжался только пустошами, выгонами, лесами; община выступала в роли коллективного землевладельца только если сдавала землю в аренду, но при этом каждый полноправный общинник считался индивидуальным собственником идеальной доли общей земли или же – определенной доли получаемой с этой земли общей ренты.

«Наиболее романтический миф, окутывающий индийскую общину, это миф о самообеспечении, самодостаточности, экономической замкнутости, о самодовлеющем характере ее экономики» (с. 272), базирующейся на взаимном обмене услугами – на системе *джаджмани*. Это не внутриобщинное разделение труда, а скорее общинное соединение разных видов труда не столько ради обмена продуктами и услугами самого по себе, сколько ради оп-

тимизации социального общения. «Система джаджмани имела целью не полную натуральность общинного производства, но лишь ограничение связей с рынком, сведение этих связей к приемлемому для общины уровню» (с. 282). Общинная экономика не была враждебна рынку, и рынок ее вовсе не разрушал. «Община жила в нем как в предложенных обстоятельствах» (с. 283).

Представление об абсолютной экономической замкнутости общины неверно еще хотя бы потому, что община платила налоги государству деньгами, а для этого часть произведенного продукта должна была реализовываться на рынке. Собственно, с этого, с уплаты налогов, и началась романтическая история индийской общины, когда англичане составляли списки налогоплательщиков, они обнаружили, что налог здесь платит не частное лицо, а коллектив. Такова была традиция, а вопрос об общей собственности на землю не стоял.

Логика общины и системы джаджмани хорошо просматривается в выдвинутой автором в самом начале книги парадигме индийской цивилизации, как стремящейся к внутреннему равновесию. То, что английские сборщики налогов увидели как отсталость, имеющую в западной культуре ценностей явно отрицательную коннотацию, можно представить как сдерживающий экономическую дифференциацию и блокирующий развитие социальных антагонизмов механизм. Он прочно встроен в индийский тип цивилизации и является органической чертой цивилизации, что собралась существовать вечно.

ДЕМИДОВ К.Б.* ТОМА ПИКЕТТИ О НЕОДНОЗНАЧНОМ ДВИЖЕНИИ К ГЛОБАЛЬНОМУ РАВЕНСТВУ. Рец. на кн.: ПИКЕТТИ Т. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАВЕНСТВА. – Москва : АСТ, 2022. – 384 с.

Аннотация. В «Краткой истории равенства» французский экономист Тома Пикетти суммирует идеи, высказанные в двух предыдущих работах – «Капитал в XXI веке» (2013) и «Капитал и идеология» (2019). Пикетти демонстрирует, насколько стремление к равенству на Западе было обусловлено западной колониальной экспансией во всем остальном мире. Фактическое превращение западных обществ в акционерные компании, осваивавшие ресурсы остального мира, сделало необходимым возможно большее устранение внутренних противоречий – отсюда попытки повсеместного внедрения равенства. В настоящее время, согласно Пикетти, борьба за равенство подразумевает как необходимейшие меры прогрессивный налог на богатство (в особенности на прибыли ТНК) и создание коалиций стран с целью выработать новые формы мирового законодательства.

Ключевые слова: глобальный Север; глобальный Юг; Европа; Ближний Восток; Сахель; равенство; колониализм.

DEMIDOV K.B. Controversies of Global Equality in Thomas Piketty's "A Brief History of Equality". Book Review: Piketty T. A Brief History of Equality. – Moscow: AST, 2023. – 384 p.

Abstract. New work by French economist Thomas Piketty is a summary of his earlier books, «Capital in the XXI Century» (2013) and «Capital and Ideology» (2019). While showing to what an extent colonial expansion abetted global capitalism, Piketty argues that disparities

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

both within western societies and between global North and global South are primarily an ideological construction and product of a definite world – view originating in XVI century Europe. Outstanding movement toward equality cannot obfuscate the fact that it was necessitated by the very fact of transformation of western societies into a simile of joint – stock companies. Property owners applied their new – fangled might over governments to create systems of military and colonial domination. While advocating for overwhelming change to mitigate inequality, Piketty views as necessary such measures as progressive tax on the wealthy, notably TNC; government and public intervention is of paramount importance since inequality is understood as immanent to capitalism preying on the world.

Keywords: Global North; Global South; Europe; Sahel; equality; colonialism; Th. Piketty.

Для цитирования: Демидов К.Б. Тома Пикетти о неоднозначном движении к глобальному равенству [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 4. – С. 21–34. Рец. на кн.: Пикетти Т. Краткая история равенства. – Москва : АСТ, 2023. – 384 с. – DOI: 10.31249/RVA/2023.04.02

«Краткая история равенства» [6] суммирует идеи, высказанные профессором Высшей школы социальных наук и Парижской школы экономики Тома Пикетти в ранее опубликованных книгах «Капитал в XXI веке» (2013) и «Капитал и идеология» (2019). Данная работа, однако, оказалась противоречивой – в силу того обстоятельства, что реальная динамика капитализма была увидена Пикетти сквозь «розовые очки» его собственных ожиданий и надежд социалистического толка. Так, Пикетти отмечает тенденцию долгосрочного движения к равенству начиная с XVIII в. Особенно заметной она стала в прошлом столетии – если в начале XX в. 10% от всего населения планеты располагали 85% совокупного богатства, то к началу 1980-х годов эта доля снизилась до 50% (правда сразу же наметилась обратная тенденция – к 2020 г. она опять возросла и составила 55%) [6, с. 69].

Проблема современного глобального капитала как системы воззрений и практик, выходящей за пределы элементарной экономической логики, была подробно раскрыта Дж. Арриги [1], указавшего на значение гегемонистской экспансии в поступательном

развитии капитализма, по необходимости вмешивающегося в политические процессы во всем мире. Данные выводы всецело подтверждены Д. Харви, который в своем «Новом империализме» [11] попытался обосновать необходимость силового изъятия прежде созданных ценностей (дополненного хищнической эксплуатацией природы) в силу плачевной ситуации с прибылью в США. Неравенство не просто сопутствует данной системе отношений – оно ей имманентно. Капитализм с точки зрения его генезиса и представляет собой институализированное неравенство: будучи «верхушечным» явлением в том, что касается иницирующих, движущих сил (располагавших необходимым ресурсом, прежде всего, финансовым), он развивается на основе «торговли на большие расстояния» (термин Ф. Броделя) – его не следует смешивать ни с той системой мелких и средних рынков, которая спокон века используется человечеством, ни с буржуазностью – культурными особенностями средних слоев городского населения.

Пикетти не учитывает данных особенностей – он просто отмечает как факты, что: 1) индустриальная революция, приведшая к пауперизации масс населения, до крайности обострив неравенство, сделала его социально значимым (более заметным и часто намеренно обостряемым богатыми – об этом ярко повествует, например, английская литература XVIII–XIX вв.); 2) именно в это время появляется осознание неравенства как социальной проблемы и попытки разобраться в его причинах – так, Руссо считал, что в основе неравенства лежит изобретение частной собственности.

В конце XVIII в. обнаруживается ощутимая уравнительная тенденция (вызванная вполне прагматическими соображениями политического свойства) – хотя на тот момент населению вполне могло показаться, что дело обстоит совершенно противоположным образом; об этом ярко свидетельствует самый факт Великой французской революции. Тем не менее это время следует рассматривать как точку отсчета если не ощутимого улучшения, то, во всяком случае, попыток улучшения жизни значительных масс населения Западной Европы – именно здесь начинается «прогресс в деле достижения равноправия, во всем, что касается статуса, владения средствами производства, уровня доходов, расовой и половой принадлежности» [6, с. 9]

Однако данный прогресс на Западе в конечном итоге последовал цели сплочения западных обществ, превращавшихся в своего рода акционерные компании: «Становление и развитие западного промышленного капитализма неразрывно связано с международной системой разделения труда, необузданной эксплуатацией природных ресурсов, а также с военно-колониционным доминированием ведущих европейских государств над всей остальной планетой» [6, с. 11].

Таким образом, достижения, касавшиеся равенства и благоденствия широких слоев населения, стали возможными благодаря колоссальным прибылям, полученным не вполне приглядным путем: «Основополагающую роль в обогащении Запада сыграли рабство и колониализм» [6, с. 79]. Пикетти ссылается на новейшие исследования К. Померанца [7], продемонстрировавшего, что природные и трудовые ресурсы, хищнически поставленные на службу колониалистов, оказались главным фактором, в частности, английской промышленной революции (рабский труд в колониях обеспечивал низкие цены на сырье; вкупе с контролем над мировыми торговыми путями это давало колоссальные прибыли). «Азиатский импорт с XVI в. в значительной мере оплачивался деньгами, поступавшими из Америки» [6, с. 83], в то время как одежда рабов производилась из индийского хлопка.

Западу удалось создать колоссальную, причем замкнутую на себя (никакие новые адепты не приветствовались), экономическую систему. То, что иногда подается как следствие увеличения эффективности, на деле было не чем иным, как экстенсивным увеличением ресурса – так, вплоть до начала XX в. баснословно дешевый импорт играл ключевую роль в западной экономике, а добавленная энергия отнюдь не была следствием качественного энергетического перехода – ее гарантировало увеличение количества ввозимых дров, угля и нефти.

Представления об изобретении Западом некоего экономического «рецепта», якобы обеспечивавшего его превосходство над всем остальным миром, как показывает Пикетти, должны быть отброшены – наиболее развитые области Китая и Японии в XVIII в. находились примерно на том же уровне развития, что и Запад; процессы первичной индустриализации и накопления капитала – равно как и социально-экономические структуры – имели анало-

гичный характер. То, что проповедовал А. Смит, – низкие налоги, единые и конкурентные рынки, сбалансированный бюджет, уважение прав собственников, мобильная рабочая сила – в полной мере наличествовало как в Китае, так и в Османской империи.

Самые развитые страны Востока в значительной мере пострадали из-за излишнего миролюбия (вне зависимости от того, чем оно было продиктовано) и исторически более высокого уровня интеграции между развитыми и неразвитыми территориями внутри этих государств – дело в том, что европейские войны привели к увеличению военных и фискальных возможностей стран Европы, что способствовало взрывному развитию технологических инноваций; все это в совокупности позволило извлекать максимальную выгоду из мирового рынка труда и ресурсов, которые подверглись колониальной реорганизации в интересах Запада.

Примечательно, что проповедь А. Смита была обусловлена именно тем обстоятельством, что Запад исторически развивался несколько иначе, нежели Восток – точнее, прямо противоположным образом относительно того, к чему Смит призывал. Огромные государственные долги и высокие налоги в западных странах, с одной стороны, были следствием конфликтов между странами, а с другой – порождали все новые и новые конфликты, как внутренние, так и внешние. В то же время это способствовало развитию новых фискальных, финансовых и военных возможностей. Таким образом, жестокая конкуренция между отдельными странами способствовала росту совокупного европейского могущества.

Высокие налоги также имели колоссальное политэкономическое значение – 1% национального дохода в виде налогов позволяет призвать на военную службу 1% населения. Это ведет к тому, что государство не в состоянии гарантировать жителям безопасность и вынуждено опираться на местные элиты; лишь тогда, когда эта цифра возрастает до 6–8%, страна может себе позволить военные операции за пределами собственной территории [6, с. 87]. Если в середине XVI в. армия Османов примерно соответствовала совокупным англо-французским силам (около 140 тыс.), то в конце XVIII в., сохранив почти то же число войск, Османская империя уже не могла соперничать с Европой (450 тыс. войск у Англии и Франции – причем необходимо учитывать тот факт, что их флоты

обладали огромной огневой мощью – и еще 250 тыс. у Австрии и 180 тыс. у Пруссии) [6, с. 86].

Историческое поражение глобального Юга повлекло за собой возникновение «новообразований» нищеты и бесправия. Пикетти демонстрирует, насколько политически обусловленным может быть феномен неравенства. Там, где – как на Ближнем Востоке и в Северной Африке – Запад с целью контроля над ресурсами установил собственное господство, диктуя правила игры, стравливая своих соперников и уничтожая неугодных, – и по сей день господствует тенденция, прямо противоположная мировой. Ближневосточный регион отличается самым большим неравенством в мире – Западу выгодно, чтобы природные ископаемые, приносящие огромные прибыли, находились в руках олигархических структур, так как последние легче поставить под контроль [6, с. 347].

В настоящее время борьба за равенство сталкивается с новыми угрозами. Так, глобальный капитализм вынужден справляться с новыми вызовами, ставящими под вопрос его существование. Главным из них представляется «авторитарный капитализм Китая» [6, с. 350]. Данные обстоятельства побуждают западные элиты к нерациональному образу действий – они прибегают ко все более изощренным формам дезинформации, призванным обосновать их видение реальности: «Яростно отстаивая принципы гиперкапитализма, выходящего за любые временные рамки, они попросту рискуют не добиться своего» [6, с. 350].

Чтобы проиллюстрировать, чем могут быть чреваты данные тенденции, Пикетти приводит пример Италии первой половины XX в.: объективные различия – и взаимное непонимание – между югом и севером страны вызвали обоюдное отторжение. В результате попытки создать общее историческое сознание – с целью объединить страну – возник «мифологизированный нацизм фашистского типа» [6, с. 335].

С целью что-либо противопоставить очевидному безумию Запада Пикетти призывает к поиску новых – равноправных – форм международного сотрудничества; для этого требуется «выстраивание коалиций стран, желающих двигаться в этом направлении» [6, с. 338]; данные страны должны заключить договоры нового типа – не чисто коммерческого и финансового характера – т.е. те, что ле-

жали в основе глобализации, а целевые, иначе говоря, учитывающие важнейшие задачи, стоящие перед всем миром (не в последнюю очередь – обложение ТНК налогами).

Действия такого рода необходимы и в свете негативного влияния глобального капитализма на нарождающиеся экономические системы: «масштабное использование мировых богатств и дешевой рабочей силы в странах периферии» [6, с. 334], оставляя за скобками грабительскую природу данной практики, влечет за собой разрушение социальной и институциональной инфраструктуры.

Пикетти отмечает катастрофическое по своим последствиям «вмешательство в налогообложение стран глобального Юга» [6, с. 333]. Данное вмешательство создает «помехи на пути становления государства, особенно в регионе Сахеля, где после деколонизации так и не был установлен территориальный суверенитет, принятый различными общественными группами... на местах» [6, с. 330]. Деятельность НПО, спонсируемая Западом, лишь создает впечатление чего-то прогрессивного, принесенного «добрыми людьми» из-за океана, чтобы люди повсюду могли приобщиться благам цивилизации, – на деле данная активность лишь способствует оттоку капитала.

Пикетти отмечает первостепенную роль институтов в деле достижения равенства – фискальное обложение, права профсоюзов, правила обращения капитала имеют для экономики столь же большое значение, что и денежное обращение: «Во властных отношениях, на которых строятся отношения собственности, нет ровным счетом ничего естественного: уровень доходов зависит от многочисленных механизмов и социальных институтов» [6, с. 328]. К сожалению, первостепенное значение «искусственности» в современном мире (в смысле сложной системы равновесий и взаимовлияний) не получила в работе Пикетти достаточного освещения (хотя он и отмечает, например, что «каждая статистика представляет собой социальную конструкцию» [6, с. 49]).

Призывая к поиску новых форм всемирного общежития, Пикетти оставляет читателя (если таковому недосуг дополнить его книгу трудами других историков и экономистов) в недоумении по целому ряду вопросов. Показательной следует считать трактовку в книге такого явления, как средний класс.

Со времени публикации Б.Ю. Кагарлицким¹ книги «Восстание среднего класса» [5] многочисленные события подтвердили главный тезис этой работы – что главным мотором повстанческой активности («оранжевых революций») в настоящее время являются отнюдь не голодающие, а сравнительно преуспевающие люди. Азиатская проблематика показывает, что подобное их поведение часто обусловлено не столько реальной оценкой происходящего, сколько восприятием – в частности, ощущением неблагополучия, возникающим у большой группы людей и толкающим их на протест. В этой связи крайне интересными представляются выводы Пикетти относительно того, как происходило оформление среднего класса – в его современном виде.

Средний класс представляет собой отнюдь не самостоятельное явление – это побочный продукт индустриальной революции и колониализма в их органическом единстве. Хотя правящие круги Запада (с фискальной, военной и полицейской точек зрения) с конца XVIII в. и были заинтересованы в сокращении числа нищих и увеличении среднего класса, тем не менее резкий рост доходов последнего и соответствующее возрастание его политического влияния не входили в их планы – в XVIII–XIX вв. покупательная способность средних слоев оставалась примерно на одном уровне [6, с. 35]. Лишь рост организованности и политической активности низов побудил правящие круги озаботиться увеличением политических и экономических возможностей тех, на кого они самым непосредственным образом опирались. Отсюда ставшая вполне явной с начала XX в. тенденция роста влияния среднего класса. Данное веяние было усугублено «глубинной ребалансировкой права в пользу неимущих» [6, с. 59], необходимой для создания противовеса идеологическому могуществу СССР. Именно здесь следует искать причины таких явлений, как деколонизация, прогрессивное налогообложение и социальное обеспечение [6, с. 28].

Если принять все это во внимание, то можно понять следующий тезис Пикетти: «Становление среднего класса собственников... представляет собой радикальную трансформацию во всех без исключения отношениях – социальном, экономическом и политическом... До начала XX в. среднего класса как такового прак-

¹ Признан миноюстом РФ иностранным агентом. – *Прим. ред.*

тически не существовало, в том смысле, что 40% тех, кто занимает промежуточное положение между 10% самых богатых и 50% самых бедных (с точки зрения их доли в общем объеме частной собственности), были почти так же бедны, как последние. Но в конце XX – начале XXI в. средний класс собственников представляли те, кто был... не умопомрачительно богат, но и не совсем беден (их накопления составляли... в совокупности 40% в общем объеме частной собственности» [6, с. 72]. Таким образом, Пикетти показывает искусственный характер современного среднего класса, однако ему, похоже, не приходит в голову, что в настоящее время верхи уже не столь заинтересованы в его существовании. Итак, все надежды Пикетти на долговременность уравнительной тенденции оказываются под вопросом.

Современное целенаправленное воздействие правящих элит на средний класс – отчасти затронутое в книге Г. Стэндинга «Прекариат, или Будущность труда» [8], где показано превращение части среднего класса в обслуживающий верхи «салариат» (тогда как остальные камнем пойдут на социальное дно), – резко изменило его самоощущение: едва ли в настоящее время можно представить себе книгу о среднем классе, написанную в столь бодром духе, как «Бобо в раю» Д. Брукса [2]. Чтобы продемонстрировать масштаб трансформации, постигшей сознание среднего класса, приведем (с сокращениями) следующий «документ времени» – пост Р. Коллингтон [9], заявляющей о себе как о типичной представительнице британского среднего класса. Ее признания демонстрируют радикальную трансформацию в самоощущении среднего класса. Примечательно также, насколько экономическая среда может быть определена чисто психологическими мотивами: «В силу того обстоятельства, что я выросла в рабочих кварталах, я никогда не задумывалась о том, что принадлежу к среднему классу. Моя мама была... учительницей... мой папа... менеджером среднего звена производственного предприятия. Большинство моих школьных друзей были вынуждены пересдавать экзамены; поступить в университет им не представлялось возможным – они едва ли могли позволить себе заплатить 9000 фунтов за обучение – при том, что их родители не зарабатывали в год больше данной суммы: приличные рабочие места были уничтожены финансовым кризисом, так что в Бриджуотере можно было рассчитывать лишь на вакан-

сии парикмахеров, уборщиц, электриков. Что до меня, то хотя я и располагала правом на годичную отсрочку, однако, после того как коалиционное правительство увеличило плату за обучение... едва ли это имело бы смысл – ведь год спустя мне пришлось бы заплатить за обучение в три раза больше... Кроме того, хотя в моем городе есть на что посмотреть... мне просто не терпелось куда-нибудь уехать – настолько все стало располагать к клаустрофобии. Мне хотелось чего-то большего, а вера в то, что все это можно обрести лишь расставшись с друзьями детства... это желание, как мне кажется, и есть тот признак, по которому можно судить о принадлежности к среднему классу... Об этой идентичности свидетельствует моя убежденность в том, что нет никакого смысла в прохождении дезориентирующих кругов ада – с целью избавиться от моей подлинной принадлежности, реальных корней – в том Оксфорде, который представлялся моему воображению» [9].

Именно по этой причине, поступив в Оксфорд, Р. Коллингтон меняет решение в пользу менее «пафосного» университета – отчасти изначально почувствовав там себя не в своей среде, отчасти осознав, что приобретенные там знания могут оказаться слишком оторванными от той версии действительности, на которую она в силу своей принадлежности может претендовать: «Взрослея, я много раз встречалась с рабочими, которые некогда учились в Оксфорде – данный опыт им казался абсолютно безумным, даже если они и получали там хорошие оценки. Происходя из рабочей среды, они с самого начала испытывали сомнения относительно учебы в этом университете, однако отказаться им было просто невмочь» [9].

Коллингтон находит удобное жилье неподалеку от места учебы, однако и там ее преследуют проблемы, связанные с идентичностью: «Мне показалось, что будет удобно жить в Бодингтон Холлс – поскольку цены там были наиболее приемлемые. Однако все было заполнено богатой молодежью – их старшие братья и сестры посоветовали им это место, так как по их опыту все там располагало к вечеринкам. Все они знали друг друга – вместе учились в частных школах, вместе весело проводили время в Таиланде и так далее, и тому подобное... В очередной раз моя принадлежность к среднему классу была поставлена под вопрос – если

они были “нормальным” средним классом, а у меня с ними не было ничего общего, то кем же была я» [9].

Коллингтон с удивлением обнаружила, что ее новые знакомые склонны выдавать себя за кого-то еще: «Лишь в силу того обстоятельства, что эти отпрыски богачей, учившиеся в частных школах, “косплеили” менее респектабельную жизнь, чем их собственная, я едва ли могла думать, что мое положение изменилось – ведь я всегда была представительницей именно среднего класса, и никакого другого». В результате ей пришлось вспоминать истории, услышанные в рабочих кварталах родного города, чтобы таким образом создать себе на новом месте приемлемую психологическую нишу. В то же время Коллингтон остро ощущала собственную привилегированность – ведь у нее была та «страховочная сетка» [9] (обеспеченные родители), которой подлинный рабочий класс не имеет. «Принадлежность к рабочему классу означает, что тебе очень сложно или невозможно рисковать тем, что может поставить под вопрос возможность платить за необходимые вещи» [9].

Признания Р. Коллингтон высвечивают важную в становлении среднего класса тенденцию, которая была проигнорирована Пикетти, хотя она и имеет к истории неравенства самое непосредственное отношение. Речь идет о феномене самоощущения, определяющего ориентацию во времени и пространстве, – можно сказать, о новой мифологии, некогда изобретенной средним классом. Возникновение нового понимания жизни в XIX–XX вв. – независимо от того, насколько оно может быть сочтено верным реальности, – особенно ярко отразилось в неумеренном социальном оптимизме (насаждение просвещения как панацеи, создание общедоступных медицинских и образовательных учреждений и тому подобная активность). Важно отметить изменения акцентировки (по сравнению со «спиритуалистическим» прошлым) – главным стало достижение нового, превосходного по сравнению с предыдущим, вещественного состояния – что должно было проявляться в подгонке вещей (и людей, понимаемых как вещи) друг к другу, телесной собранности [4].

Именно в этом смысле следует понимать слова Ф.С. Фитцджеральда о «стародавней мечте о становлении цельного человека – в традиции Гете, Байрона и Шоу» [12, с. 55] (особенно если учиты-

вать его описания прочих, помимо телесной, оболочек человека – одежды и т.д.). Сказанное можно проиллюстрировать романом «Полуночный брак» А. Де Ренье – замечательного французского писателя конца XIX – начала XX в., где одна из героинь о браке по любви произносит следующие примечательные (поскольку они говорят об оформившейся тенденции) слова: «Это несколько отвратно – эти браки, заключаемые лишь ради того, чтобы делить постель – на протяжении всей жизни! Это же просто примитивно! В современных браках эта мелочь – не более чем деталь, аксессуар. Главное – это согласовать приличия и имущественные вопросы. Иначе это просто бесстыдно» [10, с. 292].

Новое понимание тела (в его стремлении перейти на новый уровень энергии) [4, с. 315] – уже не как механического сопряжения частей, а как собранного, спаянного единства, энергетического сгустка – повлекло за собой и эксперименты с общественным устройством. То, что начиналось как упорядочивание и «хронометризация» всего и вся, кульминировало в нацистских концлагерях с их научными экспериментами и тотально безотходным «производством» смерти – утилизацией негодных тел как не соответствующих арийскому идеалу.

В настоящее время средний класс все еще жаждет «прогресса», однако уже начинает понимать, что рычаги управления – отнюдь не в его руках и никаких надежд до них дотянуться более не существует. Разочарование усугубляется и «противоречивым» опытом прошлого – получившему на короткое время власть «фронтмену» среднего класса (Гитлеру) удалось наломать немало дров (причем «щепками», летевшими во все стороны и были в значительной степени представители средней и мелкой буржуазии). Что же до «фронтмена», то он был сначала кооптирован «сильными мира сего», а после выполнения требовавшихся работ – утилизирован.

Как отмечает П.С. Гуревич, «когда-то, в период восхождения буржуазии как класса, ей были свойственны иллюзии, будто общество предоставляет каждому руководствоваться соображениями собственной выгоды и открывающимися возможностями полезного применения своих сил и личной инициативы» [3, с. 253]. После того как окончилось послевоенное благополучие – когда процветающий и многочисленный средний класс служил доказа-

тельством правильности экономического курса и превосходства системы в целом – он с изумлением обнаружил, что его существование (в наличествовавших формах) было ничем иным как пропагандистским приемом. Современным ТНК – монополиям, все более превращающимся в олигополии, – мешают в настоящее время даже те рудименты самосознания, которые сохраняются у среднего класса – теперь нужны не сознательные члены общества, обладающие видением всей «карты реальности», а «винтики», готовые мириться с той ее версией, которую им предлагают средства массовой информации.

Превращению всего и вся в прекариат сопутствуют существенные психологические изменения. Весьма показательной представляется тенденция к социальному «нисхождению» – своеобразная «игра в поддавки»: в свидетельстве Р. Коллингтон показательны и попытки богачей выдать себя за средний класс, и ее собственные выдумки, понадобившиеся, чтобы соответствовать общему настроению социального «кенозиса» – в то время как для поступательного развития капитализма было характерно, напротив, стремление казаться более преуспевающим, нежели это было в действительности.

Интересно отметить, что арабский Восток являет пример аналогичного процесса «прекариатизации» – начавшегося, однако, много ранее. На сегодняшний момент торговля – историческая основа ближневосточного среднего класса – в значительной мере монополизирована: она тяготеет, с одной стороны, к государственным структурам, с другой – к криминалитету (часто имеющему связи с государством). На Ближнем Востоке лишь Иран сохранил остатки прежнего великолепия своего рода цивилизации среднего класса, а именно – торговой цивилизации: «базари» и по сей день сохраняют свои позиции, поскольку правящие круги прекрасно понимают, что данная социальная сила – в целом аполитичная, однако весьма сплоченная и обладающая хорошими связями в среде средней и крупной буржуазии – способна смести любую не пришедшуюся ей по вкусу систему правления (как это было после кампании 1975–1977 гг., направленной на ослабление их влияния). Данное обстоятельство может служить объяснением удивительной стабильности иранского режима.

Список литературы

1. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. – Москва : Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
2. Брукс Д. Бобо в раю: откуда берется новая элита. – Москва : Ad Marginem, 2013. – 391 с.
3. Гуревич П.С. Массовая буржуазная пропаганда и злоключения американской социологической теории // Массовая культура – иллюзии и действительность : сборник статей / составитель Э.Ю. Соловьев. – Москва : Искусство, 1975. – С. 233–254.
4. История тела. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 3 / под ред.: А. Корбена, Ж.- Ж. Куртье, Ж. Вигарелло. – 412 с.
5. Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. – Москва : Ультра. Культура, 2003. – 331 с.
6. Пикетти Т. Краткая история равенства. – Москва : АСТ, 2023. – 384 с.
7. Померанц К. Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики. – Москва : Дело, 2017. – 592 с.
8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – Москва : Ad Marginem, 2014. – 374 с.
9. Collington R. What is Middle Class. – 2021. – 25.01. – URL: <https://rosiecollington.medium.com/what-is-middle-class-49d9c9580f25> (дата обращения: 10.07.2023).
10. De Regnier H. Le mariage de minuit. – Paris : Mercure de France, 1903. – 316 p.
11. Harvey D. The New Imperialism. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 288 p.
12. Scott Fitzgerald F. The Crack-up. – London : Penguin books, 1977. – 156 p.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

АЛЕКСАНИЯН Л.М.* РОЛЬ ЮЖНО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА)

Аннотация. Южный Кавказ является одним из важных, сложных и конфликтогенных регионов мира, на политическую картину которого влияют тектонические сдвиги глобальной трансформации. Этот регион, занимающий центр Евразийского континента, на протяжении столетий являлся ареной противостояния интересов разных государств. На современном этапе значение Южного Кавказа определяется его геостратегическим расположением с потенциалом превращения в важный узел транспортно-коммуникационных систем и заинтересованностью различных стран мира в установлении контроля над углеводородными ресурсами Каспийского бассейна. Место Южно-Кавказского региона во внешней политике Турецкой Республики приоритетное. Стратегическое значение этого региона для Турции определяется рядом политических, экономических, культурных, исторических и этнических факторов. Цель южнокавказского направления внешней политики Турции заключается в превращении страны в регионального лидера.

Данная статья посвящена анализу содержания южно-кавказского вектора внешней политики Турции на современном этапе. Особое внимание уделено азербайджанской составляющей данного вектора, определены основные особенности турецко-азербайджанских отношений. Автором делается вывод о том, что

* Алексанян Лариса Мгеровна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

турецкое присутствие в Азербайджане и в регионе в целом усилилось на фоне Второй карабахской войны.

Ключевые слова: Южный Кавказ; Турция; Азербайджан; геополитика.

ALEKSANYAN L.M. The Role of the South Caucasus in Turkey's Foreign Policy at the Current Stage: Turkish-Azerbaijani Relations

Abstract. The South Caucasus is one of the important, complex and conflict-prone regions of the world, the political situation of which is influenced by tectonic shifts in global transformation. This region is located in the center of the Eurasian continent, has been an arena of confrontation of foreign interests for centuries. At the present stage, the geopolitical importance of the South Caucasus is determined by its geostrategic location with the potential to become an important hub of transport and communication systems. The South Caucasus is one of the priorities of the foreign policy of Turkey. The strategic importance of this region for Turkey is determined by a number of political, economic, cultural, historical and ethnic factors. The aim of Turkey is to achieve its political goal of becoming a regional leader.

The article is devoted to the analysis of the content of the South Caucasian vector of Turkey's foreign policy at the present stage. Special attention is paid to the Azerbaijani component of this vector. The main features of Turkish-Azerbaijani relations are identified. The author concludes that the Turkish presence in Azerbaijan and in the region as a whole has increased against the backdrop of the Second Karabakh war.

Keywords: South Caucasus; Turkey; Azerbaijan; geopolitics.

Для цитирования: Алексанян Л.М. Роль Южно-Кавказского региона во внешней политике Турции на современном этапе (на примере Азербайджана) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 4. – С. 35–46. DOI: 10.31249/RVA/2023.04.03

Введение

Эволюция южнокавказского вектора внешней политики Турции включает в себя два продолжительных этапа: 90-е годы XX в. и первые десятилетия XXI в. [3, с. 131]. В начале 1990-х го-

дов турецкая политика на Южном Кавказе была построена согласно амбициям страны в плане становления лидера тюркоязычного мира и внедрения «турецкой модели» развития для этих стран. Турция рассматривала Южный Кавказ в единстве с Центральной Азией и акцентировала свои отношения с тюркоязычным Азербайджаном для продвижения пантюркистских идей. Установление тесных отношений с Грузией в сфере безопасности, как единственного коридора для проникновения в Азербайджан и тюркоязычные страны Центральной Азии, вписывалось в общую турецкую стратегию. Дипломатические отношения с Арменией так и не были установлены в силу исторических факторов (Геноцид армян в Османской империи в 1915 г.) и карабахского конфликта.

После неудачи проекта «турецкой модели» руководство Турции принялось за реализацию более осмотрительной политики в регионе. От пантюркистской стратегии Турция перешла к неопантюркистской, которая в свою очередь стала составной частью неофициальной внешнеполитической доктрины страны – неоосманизма [3, с. 132]. Внешнеполитический курс Турции стал выражаться в создании зоны турецкого влияния в регионе при помощи инструментов «мягкой силы». Объектом этой политики стали Азербайджан и Грузия, а отношения с Арменией оставались сложными. Во втором десятилетии XXI в. южнокавказский вектор внешней политики Турции был скорректирован. Турецкая политика в отношении данного региона стала более агрессивной и наступательной. Турция перестала воспринимать Южный Кавказ и Центральную Азию как единое целое и разработала различные подходы. В рамках этой стратегии Анкара, усилив отношения с братским Азербайджаном, стала акцентировать реализацию механизма стратегического сотрудничества «Турция – Азербайджан – Грузия» как противостояние стратегической оси «Россия – Армения». Таким образом, отношения с Грузией превратились в составную часть турецко-азербайджанского тандема. После Карабахской войны (2020) турецкие позиции в регионе еще больше усилились в политическом и военном плане.

Политика Турции в отношении Азербайджана

Азербайджан занимает ключевое место во внешней политике Турции и является сильной опорой для распространения турец-

кого влияния как на Кавказе, так и в Центральной Азии. Эта близость обусловлена не только культурным и языковым сродством, но и совпадающими политическими и стратегическими интересами, существующими между двумя странами [22, р. 44]. Турция является стратегическим союзником Азербайджана и на постоянной основе оказывает ему всестороннюю поддержку. Развитию двустороннего сотрудничества способствует также имидж Турции в Азербайджане, как единственного государства, безоговорочно поддерживающего Баку в карабахском конфликте. Список более 20 визитов Г. Алиева в Турцию является показателем особых отношений между двумя государствами. Показателем также тот факт, что после переизбрания на пост президента Турции (май 2023 г.) Р.Т. Эрдоган совершил первый официальный зарубежный визит именно в Баку [25]. Президенты двух стран публично демонстрируют идейно-политическое, военно-техническое, энергетическое и экономическое единomyслие [11]. На их эпоху приходится стремительное развитие сотрудничества между Турцией и Азербайджаном. Соответственно можно предположить, что в ближайшие два года (в Азербайджане президентские выборы пройдут в 2025 г.) эти отношения сохранят свой темп развития и его содержание.

Турецко-азербайджанские отношения, основанные на принципе «один народ – два государства», выражаются в политической, экономической, военной и социально-культурной сферах [4]. Место Турции во внешней политике Азербайджана укрепляется ролью Анкары в транспортировке азербайджанских энергоресурсов на мировой рынок. Основой нефтегазового вектора турецко-азербайджанского сотрудничества являются такие проекты, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (2005), газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум (2007), Трансанатолийский газопровод (2018), которые, кроме экономического, имеют также политическое и стратегическое значение. Одним из основных факторов углубления двустороннего сотрудничества между Турцией и Азербайджаном является также железная дорога Баку – Тбилиси – Карс (2017), которая является прямой транспортно-коммуникационной связью между двумя странами, с потенциалом повышения региональной роли Турции и превращения ее в перекресток торговых путей между Азией и Европой.

Развитие торгово-экономических отношений с Азербайджаном является важной составляющей региональной политики Турции. Основы двусторонних турецко-азербайджанских экономических отношений заложены в Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве, подписанном в 1992 г. Важное значение имеют такие документы, как Соглашение о развитии экономического и технического сотрудничества (1992), Договор о предотвращении двойного налогообложения (1994), Преференциальное торговое соглашение (2021) и т.д. На сегодняшний день Турция выступает в качестве одного из крупных торговых партнеров Азербайджана. По данным 2022 г. товарооборот между двумя странами достиг 5,83 млрд долл., при этом экспорт в Азербайджан составил 2,29 млрд долл., импорт из Азербайджана – 3,54 млрд долл. [21]. За период с 2010 по 2022 г. товарооборот между этими странами в денежном выражении вырос почти в 3,3 раза [30]. По мнению бывшего министра торговли Турции Р. Пекджан товарооборот между Турцией и Азербайджаном не отражает истинного потенциала двух стран [12], и цель заключается в увеличении показателей до 15 млрд долл. [23]. Турецкий экспорт в Азербайджан увеличился в годовом исчислении на 10,9%, с 161 млн долл. в 1995 г. до 2,37 млрд долл. в 2021 г. [20]. В качестве основных товаров турецкого экспорта выступают ядерные реакторы, котлы, электрические машины и устройства, пластмасса, железо, устройства для телевидения, чистящие средства [31] и т.д. Экспорт из Азербайджана в Турцию увеличился в годовом исчислении на 20,8% – с 20,8 млн долл. в 1995 г. до 2,83 млрд долл. в 2021 г. [20]. 80% азербайджанского экспорта в Турцию составляют энергоресурсы. Среди основных статей экспорта Азербайджана также можно указать хлопок, хлопчатобумажные нити и ткани, необработанный алюминий, пластмассы [26] и т.д.

Турецкие компании, число которых в Азербайджане достигает 4000, инвестировали в азербайджанскую экономику 12 млрд долл. [5]. При этом Турция возглавляет список инвесторов нефтяного сектора Азербайджана (2,8 млрд долл.). Турция активно инвестирует также в сфере строительства дорог, мостов и туннелей. Турецкие компании-подрядчики реализуют в Азербайджане 455 проектов общей стоимостью 15,5 млрд долл. [13]. Турецкие компании проявляют интерес к военному производству, фармацевти-

ке, восстанавливающей энергетике и т.д. Баку, в свою очередь, делает крупные капиталовложения в Турции (порядка 19,5 млрд долл.), в частности в энергетической сфере. Общий объем инвестиций Государственной нефтяной компании Азербайджана (SOCAR) в Турцию составляет 18 млрд долл., при этом инвестиции в нефтеперерабатывающий завод STAR составили 6,7 млрд долл. [9]. В целом доля SOCAR на рынке нефтехимической продукции Турции достигает 12%, обеспечив 25% спроса страны на нефтепродукты.

Военно-политическая сфера является важнейшим компонентом турецко-азербайджанского сотрудничества. С 1992 г. между двумя странами подписано 100 соглашений и протоколов в данной области. Качественно новый уровень турецко-азербайджанского сотрудничества обеспечили Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи (2010) и Декларация о создании Совета стратегического сотрудничества. Эти документы стали мощным импульсом для развития военно-политических и военно-технических отношений. Турция активно принимала и продолжает принимать самое непосредственное участие в процессе становления и укрепления Вооруженных сил Азербайджана [8, с. 132]. Анкара является основным поставщиком вооружения в Азербайджан, обеспечивает подготовку азербайджанских военных в турецких учебных заведениях, реализует совместные проекты с Азербайджаном в сфере производства военной техники и т.д. С этой точки зрения, особого внимания заслуживает Соглашение о сотрудничестве в сфере оборонной промышленности, подписанное в 2017 г. между правительствами Азербайджана и Турции и предусматривающее подготовку командного состава азербайджанской армии на учебной и материальной базе ВС Турции [19]. Турция и Азербайджан формируют единую – туркоцентричную – систему безопасности на пространстве Южного Кавказа таким образом, что Турция оказывается в той или иной мере вовлечена практически во все процессы, связанные с участием ВС Азербайджана [1, с. 93].

Эффективность двустороннего сотрудничества в военно-политической сфере была наглядна в ходе Второй карабахской войны, когда Азербайджан, благодаря военной и дипломатической широкой и открытой помощи Турции, начал войну против непризнанной Нагорно-Карабахской Республики и одержал победу над

армянскими войсками. Эта война, которая была завершена в пользу азербайджано-турецкого тандема, не разрешила карабахский конфликт, однако усилила позиции Турции как в Азербайджане, так и на Южном Кавказе в целом. В июне 2021 г. Баку и Анкара подписали Шушинскую декларацию о союзничестве, которая поднимала двусторонние отношения на высший уровень сотрудничества. Основная часть документа посвящена именно сотрудничеству в военной сфере и безопасности. Параллельно Турция и Азербайджан начали вести переговоры по созданию совместной тюркской армии [14]. Действия Турции в рамках Второй карабахской войны вписывались в ее пантюркистскую политику, направленную на объединение тюркских государств и преодоление «армянского клина». Эта война, спровоцированная Турцией, послужила катализатором турецко-азербайджанских союзнических отношений, усилила и расширила рычаги влияния Турции в Азербайджане, а также создала основы для реализации пантюркистских идей Анкары. Кроме того, инициируя столь тесный интеграционный процесс с Азербайджаном, Турция стала показывать другим тюркоязычным народам свой путь интеграции в некое масштабное тюркоязычное сообщество [15].

Параллельно с экономической и военно-политической активностью Турция успешно наращивает свое культурно-образовательное присутствие в Азербайджане. Анкара приложила большие усилия для учреждения учебных заведений, «налаживания сотрудничества между турецкими и азербайджанскими университетами, а также укрепления взаимодействия между СМИ двух государств» [2, с. 17]. Еще в середине 1990-х годов. Турция получила право принимать участие в реформировании азербайджанской учебной системы. Именно тогда были открыты первые турецкие образовательные центры: Бакинско-турецкий анатолийский лицей и Бакинско-турецкий тюркоязычный центр, открытые Министерством образования Турции, а также Бакинский турецкий лицей и факультет теологии при Бакинском университете, основанные Турецким религиозным фондом (Диянат).

В 2012 г. при Бакинском государственном университете был открыт центр турецкой культуры имени Юнуса Эмре, занимающийся пропагандой турецкой культуры, истории, языка и литера-

туры. Этот центр ежегодно организывает летние школы по изучению турецкого языка в Турции для азербайджанских студентов [24].

В начале 2021 г. Турция достигла договоренности об открытии офиса Турецкого фонда образования и основании турецких школ «Маариф» в Азербайджане [16]. Уже в 2022 г. в Баку открылась первая такая школа [6], одной из важных задач которой стало укрепление и расширение протурецких настроений среди азербайджанской молодежи. Посол Турции в Азербайджане оценивал открытие таких школ как инвестиции в человеческий капитал Азербайджана [10]. Таким образом, Турция старается приобрести влияние в образовательной и государственной системе Азербайджана. В 2023 г. Турция и Азербайджан также анонсировали проект создания совместного университета [17].

Анкара предпринимает активные действия для укрепления двустороннего взаимодействия в сфере СМИ. В сентябре 2020 г. Азербайджан и Турция достигли договоренности о формировании совместной медиаплатформы двух государств [32]. Стороны акцентировали борьбу с дезинформацией как внутри двух стран, так и на международной арене. И показательно, что эта договоренность была достигнута накануне Второй карабахской войны. Уже в декабре того же года был подписан «Меморандум о взаимопонимании между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой о стратегическом сотрудничестве в области СМИ» [18]. Цель Турции заключается в усилении своего влияния на общественное мнение в Азербайджане, а также укрепление имиджа турецко-азербайджанского тандема на международной арене. Такое двустороннее взаимодействие имеет потенциал превращения в ядро сотрудничества тюркских государств в области СМИ, инициированного Турцией.

Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (TİKA) – одно из основных ведомств в политике «мягкой силы» за 30 лет реализовало в Азербайджане 1276 проектов [27]. В рамках этих проектов около 6 тыс. человек в Азербайджане прошли обучение или повышение квалификации [28] (медицинские работники, работники туристской индустрии, представители СМИ и т.д.). Реализованные проекты распространяются на здравоохранение, образование, культуру, сельское хозяйство, туризм, административную инфраструктуру. Среди этих проектов 191 свя-

зан с образованием, 109 связаны со здравоохранением, 51 – с коммуникацией и НПО и т.д. Агентство оказывает также гуманитарную помощь нуждающимся азербайджанцам. Только в 2022 г. агентство раздало продукты питания 2500 малообеспеченным семьям по случаю Рамадана в Азербайджане [29]. Масштабы, количество и содержание реализованных программ ТІКА подчеркивает особое место Азербайджана в региональной политике Турецкой Республики.

Суннитская Турция активно укрепляет свои позиции в религиозной жизни шиитского Азербайджана. Правовой основой турецко-азербайджанского сотрудничества в религиозной сфере является «Протокол о сотрудничестве в сфере религиозного образования между Комитетом по работе с религиозными структурами Азербайджанской Республики и Министерством по делам религии Турецкой Республики». Турецкая политика выражается в основном в организации религиозного просвещения, а также в строительстве и ремонте мечетей при участии различных духовных фондов и частного бизнеса. Эту деятельность координирует Турецкий религиозный фонд (Диянат). Интересен тот факт, что очень часто управлением построенных мечетей сначала занимаются граждане Турецкой Республики, а в дальнейшем азербайджанские кадры, подготовленные или прошедшие повышение квалификации в Турции. Таким образом внедряется турецкая интерпретация суннитского ислама в целях предотвращения влияния шиитского Ирана.

Заключение

Суть турецких интересов на Южном Кавказе, которая выражается в обеспечении турецкого присутствия в регионе, столетиями не изменялась. Если в историческом плане Турция старалась завоевать эти территории для обеспечения своего присутствия в регионе, то на современном этапе для достижения этой цели она распространяет свое политическое, экономическое, военное и культурное влияние. При этом следует отметить, что стратегические интересы Турции и ее претензии на роль регионального лидера в определенной степени входят в противоречие с жизненно важными интересами России [7]. После Второй карабахской вой-

ны Турция вступила в новую фазу укрепления своих позиций в регионе за счет уменьшения влияния России.

В южнокавказском направлении внешней политики Турции особое место занимает Азербайджан. За годы независимости этой южнокавказской страны Турции удалось создать мощные рычаги влияния на внешнюю и внутреннюю политику официального Баку. Опираясь на них, Анкара продолжает формировать на территории Азербайджана протурецкий аппарат управления и подконтрольную ему властную элиту [1, с. 97]. В таких условиях после победы при помощи Турции во Второй карабахской войне Азербайджан сталкивается с риском потери возможностей маневрирования на международной арене и усиления евроатлантического, в частности турецкого, компонента во внешней политике страны. Такая тенденция может привести к созданию союзного государства, в котором Азербайджан де-факто может лишиться своего суверенитета.

Список литературы

1. Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Том 66, № 2. – С. 90–100.
2. Аватков В.А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. МГИМО. – 2014. – Выпуск 2 (8). – С. 13–21. – URL: https://mgimo.ru/files2/2015_06/up0/file_03a21e4e99303bb787920a5f39252400.pdf (дата обращения: 1.05.2023).
3. Алексанян Л.М. Грузия во внешней политике Турции на современном этапе : диссертация на соискание уч. степени канд. полит. наук. – Москва, 2019. – 180 с.
4. Алексанян Л.М. Эволюция внешней политики стран Южного Кавказа: итоги и новые вызовы // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Том 24, № 4. – С. 66–79.
5. Баку и Анкара обсуждают возможность совместных инвестиций в нефтегазовые проекты в третьи страны – Эрдоган // Интерфакс–Азербайджан. – 2021. – 15 июня. – URL: <http://interfax.az/view/837460> (дата обращения: 12.05.2023).
6. В Азербайджане состоялось открытие международной школы «Маариф» // Телеканал Мир 24. Азербайджанская Республика. – 2022. – 3 октября. – URL: <https://az.mirtv.ru/news/135759/> (дата обращения: 1.05.2023).
7. Григорян И.В. Внешняя политика Турции в отношении государств Южного Кавказа: новые вызовы и угрозы национальной безопасности // Национальная безопасность. – 2012. – № 3 (20). – С. 67–75.

Роль Южно-Кавказского региона во внешней политике Турции на современном этапе (на примере Азербайджана)

8. Марабян К.П. Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – № 16 (4). – С. 130–138.
9. Обнародован объем инвестиций SOCAR в Турции // SPUTNIK Азербайджан. – 2023. – 12 мая. – URL: <https://az.sputniknews.ru/20230512/obnarodovan-obem-investitsiy-socar-v-turtsii-454766847.html> (дата обращения: 21.05.2023).
10. Посол в Азербайджане начнут действовать турецкие международные школы «Маариф» // Азертадж. – 2022. – 29 августа. – URL: https://azertag.az/ru/xeber/Posol_V_Azerbaidzhane_nachnut_deistvovat_tureckie_mezhdunarodnye_shkoly_Maarif-2269622 (дата обращения: 13.06.2023).
11. Тарасов С. Кому нужно союзное государство Азербайджана и Турции // Регнум. – 2018. – 16 июня. – URL: <https://regnum.ru/article/2432386> (дата обращения: 7.06.2023).
12. Турция ратифицировала соглашение о свободной торговле с Азербайджаном // SPUTNIK Азербайджан. – 2021. – 19 января. – URL: <https://az.sputniknews.ru/20210119/turkey-azerbaidjan-soglashenie-425997597.html> (дата обращения: 5.06.2023).
13. Турецкие компании реализуют в Азербайджане проекты на 15,5 млрд долл. // REPORT : Информационное агентство. – 2022. – 17 ноября. – URL: <https://report.az/ru/biznes/tureckie-kompanii-realizuyut-v-azerbajdzhan-proekty-na-15-5-mlrd-dollarov/> (дата обращения: 9.06.2023).
14. Турция и Азербайджан решили создать совместную тюркскую армию // РБК. – 2021. – 28 июля. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/07/2021/610111d89a794702833cd138> (дата обращения: 01.07.2023).
15. Турецко-азербайджанская интеграция. Против России, Армении, Арцаха // Лазаревский клуб. – 2021. – 10 июля. – URL: <https://lazarevsky.club/analitika/turecko-azerbaydzhanskaya-intergraciya/> (дата обращения: 01.07.2023).
16. Турецкие школы в Азербайджане и Кыргызстане – шаг Анкары по созданию Великого Турана // russia-armenia.info. – 2021. – 19 февраля. – URL: <https://russia-armenia.info/node/73721> (дата обращения: 1.05.2023).
17. Турция и Азербайджан создадут совместный университет // МК Турция. – 2023. – 13 июня. – URL: <https://mk-turkey.ru/life/2023/06/13/t-turciya-i-azerbajdzhan-sozdadut-sovmestnyj-universitet-erdogan.html> (дата обращения: 15.06.2023).
18. Турция и Азербайджан договорились о дальнейшем развитии сотрудничества // Большая Азия. – 2020. – 11 декабря. – URL: <https://bigasia.ru/turciya-i-azerbajdzhan-dogovorilis-o-dalnejshem-razvitii-sotrudnichestva/> (дата обращения: 15.06.2023).
19. Azerbaijan and Turkey 2021 // The Observatory of Economic Complexity. – URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/aze/partner/tur> (дата обращения: 5.06.2023).
20. Шумилов М.М., Шумилов Ю.М. Военное сотрудничество Турции и Азербайджана в контексте реализации проекта создания пантюркистской армии // Большая Евразия: развитие, безопасность и сотрудничество. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennoe-sotrudnichestvo-turtsii-i-azerbaydzhana->

- v-kontekste-realizatsii-proekta-sozdaniya-pantyurkistskoy-armii (дата обращения: 21.05.2023).
21. Azerbaijan. Imports and Exports // Trend Economy. – 2023. – URL: <https://trendeconomy.com/data/h2/Azerbaijan/TOTAL> (дата обращения 25.05.2023).
 22. Balcı B. Strengths and Constraints of Turkish Policy in the South Caucasus // Insight Turkey. – 2014. – Vol. 16, N 2. – P. 43–52.
 23. Cumhurbaşkanı Erdoğan'ın Azerbaycan Ziyaretinin Yansımaları // SETA. – 2023. – 13 Haziran. – URL: <https://www.setav.org/cumhurbaskani-erdoganin-azerbaycan-ziyaretinin-yansimalari/> (дата обращения: 7.06.2023).
 24. Bakü'de Azerbaycan-Türkiye İş Forumu düzenlendi // TRT AVAZ. – 2022. – 4 Kasım. – URL: <https://www.trtavaz.com.tr/haber/tur/avrasyadan/bakude-azerbaycan-turkiye-is-forumu-duzenlendi/636545fe01a30a3aac0847e1> (дата обращения: 5.06.2023).
 25. Bakı Dövlət Universiteti. – URL: http://bsu.edu.az/ru/content/institut_imeni_unusa_emre (дата обращения: 1.05.2023).
 26. Economic Relations between Türkiye and Azerbaijan // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/economic-relations-between-turkey-and-azerbaijan.en.mfa> (дата обращения: 9.06.2023).
 27. TİKA'nın Gözdesi Azerbaycan // TRT Haber. – 2023. – Nisan 9. – URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/tikanin-gozdesi-azerbaycan-718219.html> (дата обращения: 1.05.2023).
 28. TİKA, Azerbaycan'da 1200'den Fazla Projeyi Hayata Geçirdi // TİKA. – URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_azerbaycan_da_1200_den_fazla_projeyi_hayata_gecirdi-65051 (дата обращения: 1.05.2023).
 29. TİKA'dan Azerbaycan'da 2 bin 500 aileye yardım eli // Hürriyet. – 2022. – Nisan 16. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/tikadan-azerbaycanda-2-bin-500-aileye-yardim-eli-42044937> (дата обращения: 1.05.2023).
 30. The Foreign Trade of Azerbaijan // The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. – URL: <https://www.stat.gov.az/source/trade/?lang=en> (дата обращения: 5.06.2023).
 31. Turkey Exports to Azerbaijan 2022 // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/exports/azerbaijan> (дата обращения: 14.06.2023).
 32. Türkiye ile Azerbaycan Ortak Medya Platformu Kuruyor // SDE. – 2020. – Eylül 9. – URL: <https://www.sde.org.tr/medya-calismalari/turkiye-ile-azerbaycan-ortak-medya-platformu-kuruyor-haberi-18259> (дата обращения: 15.06.2023).

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

СИДОРОВА С.Е.* ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ОРИССЫ, 1763–1803: СКВОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПО ЧУЖОЙ
ЗЕМЛЕ

Аннотация. Статья посвящена тому, как Орисса, регион, расположенный на восточном побережье Индостана, был представлен в британских нарративах второй половины XVIII в. В это время Ост-Индская компания начала участвовать в жизни субконтинента как новая полития, прочно обосновавшаяся в Бенгалии. Расположенная по соседству Орисса, находившаяся под властью маратхов, волей-неволей оказалась пространством, которое лежало на пути британцев, устремлявшихся с административными, дипломатическими или военными целями в Центральную и Южную Индию. Поэтому они в подробностях интересовались тем, как эта часть субконтинента была устроена с точки зрения быстроты, удобства и безопасности ее пересечения. Такому специфическому «сквозному» восприятию региона способствовал и господствовавший тогда «маршрутный» метод топографических исследований. Именно из совокупности пройденных, измеренных и описанных линейных маршрутов и их сопоставления рождались первые современные карты Индии, на которых свое место обретала и Орисса. Добытые в дороге с помощью специфических европейских методов и инструментов знания делали ее знакомой, наполненной узнаваемыми объектами, предсказуемой, «видимой» и «проходимой» для английских гражданских и военных экспеди-

* Сидорова Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

ций. Сведения о регионе в целом, хотя и сводились к перечислению того, что можно было увидеть вдоль дороги или с дороги, демонстрировали британский интерес к его геополитическому и экономическому потенциалу. Во второй половине XVIII в. это была фрагментарная репрезентация территории, практически используемой или рационализируемой колонизаторами в качестве зоны транзита, но теоретически уже осмысляемой как возможный источник доходов и мостик к территориальной целостности британских владений в Индии. Статья основана на анализе сведений об Ориссе, представленных в нарративах Томаса Мотта, Даниэля Леки, Джеймса Рэннелла.

Ключевые слова: Британская Индия; Орисса; топографические исследования; маршрутный метод; Томас Мотт; Дэниэл Леки; Джеймс Рэннелл; Томас Пирс.

SIDOROVA S. Topographical Survey of Orissa, 1763–1803: A Transit Movement Through Alien Land

Abstract. The paper is devoted to how Orissa, a region located on the eastern coast of Hindustan, was presented in British narratives of the second half of the 18 th century. At this time, the East India Company, territorially entrenched in Bengal, began to participate in the life of the subcontinent as a new power. As a part of Maratha confederation Orissa, neighboring with Bengal, willy-nilly turned out to be the land that lay in the path of the British, who moved to Central and South India for administrative, diplomatic or military purposes. Therefore, they were mostly interested how this part of the subcontinent was arranged in terms of its speedy, convenient and safe crossing. Such a specific «cross-cutting» perception of the region was also facilitated by the «route» method of topographic research that dominated at that time. It was from the summation of the linear routes passed, measured and described and their comparison that the first modern maps of India were born, on which Orissa also found its place. The knowledge obtained on the road with the help of specific European methods and tools made Orissa filled with recognizable objects, predictable, “visible” and “passable” for English civilian and military expeditions. However, information about the region as a whole, although limited to listing what could be seen along the road or from the road, showed British interest in its geopolitical and economic potential. In the second half of the 18 th

century it was a fragmentary representation of the territory, practically used or rationalized by the colonizers as a transit zone, but theoretically already comprehended as a possible source of income and a bridge to the territorial integrity of British possessions in India. The paper is based on the analysis of information about Orissa presented in the narratives of Thomas Mott, Daniel Lecky, James Rennell.

Keywords: British India, Orissa, topographical survey, route method, Thomas Mott, Daniel Lecky, James Rennell, Thomas Pearce.

Для цитирования: Сидорова С.Е. Топографическое исследование Ориссы, 1763–1803: сквозное движение по чужой земле // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 4. – С. 47–65. DOI: 10.31249/RVA/2023.04.04

С обретением во второй половине XVIII в. значительных земельных владений в Индостане английская Ост-Индская компания закрепила там как политическое образование, которое со временем заняло большую часть полуострова и получило название Британская Индия. Если исходить из идеи Анри Лефевра о том, что пространство не существует как априорная категория, а является производной социальных практик [1], то процесс формирования Британской Индии можно охарактеризовать как превращение «пустой» земли, о которой у британцев не было знаний и которая уже была устроена определенным образом до их обоснования там, в территорию, организованную сообразно целям, интересам и способам существования британской колониальной культуры. Одним из способов «производства» *желаемого* пространства было создание его дескриптивного и визуального образа, к числу которых относится и географическая карта. В центре внимания сюжет о том, как британцы описывали и картографировали Индостан на примере исследования во второй половине XVIII – начале XIX в. земель Ориссы, региона, расположенного на восточном побережье субконтинента. В более широком контексте анализ посвящен тому, как формировалась колониальная территория и колониальная провинция.

Материальное освоение пространства людьми обеспечивается их движением / перемещением в нем вместе с сопутствующими вещами, идеями и технологиями. Появление на карте Индостана государства Британская Индия было бы невозможно без физиче-

ского появления на полуострове пришлой британской культуры, которая в процессе циркуляции устанавливала отношения разного уровня как с самими землями, так и с живущим на них населением. Соответственно речь пойдет о мобильности как способе постижения пространства и накопления информации о нем с помощью специфических познавательных моделей и материальных предметов европейской культуры, в результате чего складывался, по выражению Бернарда Кона, «репертуар образов и типичных клише, которые показывали, что было важно для европейского взора» [5, с. 6], что фиксировали британцы в окружающем мире. Траектории и характер британской мобильности в Ориссе определялись статусом ее политической принадлежности. До 1803 г. она входила в состав Нагпурского княжества. В 1803 г. в результате Второй англо-маратхской войны (1803–1805) Орисса стала частью Британской Индии.

Эндрю Стирлинг¹ в очерке об Ориссе 1825 г. сообщал, что ее территория простиралась от 18 до 22 градуса северной широты, на севере ее границей являлась Бенгалия, на юге – река Годавари, на востоке – Бенгальский залив, а на западе провинция Гондвана [15, с. 7]. Географически Орисса делилась на три части: болотистая лесополоса вдоль морского побережья, ширина которой колебалась от пяти до двадцати миль; расположенная между этой полосой и горами ровная, открытая местность шириной от 10–15 миль на севере и достигающая в других частях максимума в 40–50 миль; и горные районы [15, с. 14]. О последних Стирлинг отозвался как о «непродуктивных» и описал их так: «Внутренние части провинции остаются дикими – скалистые горы, необитаемые джунгли, глубоководные реки, окруженные непроходимыми пустынями, лесами или долинами, наполненными пагубным воздухом. Они образуют естественное препятствие на пути к прибрежным землям, которое можно преодолеть только в сухой период года с февраля по май на вьючных животных» [15, с. 8]². Преодоление этого препятствия возможно было через едва ли не единственный горный проход Бармул [12, с. 2]. То есть именно на западе области граница была наименее внятной.

¹ Эндрю Стирлинг (1793–1830) – чиновник на службе Ост-Индской компании, с 1814 по 1828 г. секретарь английского уполномоченного в Каттаке.

² Подробнее о топографии Ориссы см.: [4, т. 1, с. 1–13].

В разное время Орисса имела разные очертания. В состав Могольской империи она вошла во второй половине XVI в. в качестве отдельной *субы*¹ и на протяжении следующих полутора веков уменьшалась по площади за счет присоединения ее северных земель к Бенгалии, а южных к Хайдарабадскому княжеству (подробнее см.: [12, с. 1–2]). Именно срединная, равнинная часть Ориссы была основным источником налогов Могольского двора, в то время как труднодоступные прибрежная и гористая местности, населенные племенами и находившиеся под управлением местных вождей / раджей, выплачивали фиксированную дань могольскому наместнику в Ориссе. Провинция регулярно доставляла беспокойство центральным властям, которые испытывали трудности с взиманием налогов.

Территория, с которой Орисса граничила на западе, составляла сердцевинные земли Нагпурского княжества, одного из могущественных членов Маратхской конфедерации. Как пишет автор двухтомного труда «Орисса» У.У. Хантер², «когда в 1742 г. маратхи напали на Бенгалию, они прошли через земли Ориссы, которую нашли отличным плацдармом для ежегодных вторжений... Девять лет спустя, в 1751 г. *наваб*³ Бенгалии⁴ был рад продать им постоянно беспокойную провинцию. Он успокаивал себя тем, что ничего не потерял, избавившись от территории, которая с незапамятных времен оказывалась гнойной язвой на боку Империи» [6, т. 2, с. 29]⁵. До 1803 г. Орисса оставалась под властью маратхов в составе Нагпурского княжества.

Для британцев вторая половина XVIII в. в Индии была транзитным периодом, когда колониальная коммерческая культура трансформировалась в политическую. В это время Ост-Индская компания из чисто торгового предприятия превращалась в подобие политического тела с правом взимания налогов, отправления пра-

¹ *Суба* – в Могольской Индии: провинция, фискальная территориальная единица.

² У.У. Хантер (1840–1900) – историк, писатель, состоял на Индийской гражданской службе с 1862 по 1887 г.

³ *Наваб* – правитель, наместник, титул мусульманского феодала.

⁴ Аливарди-хан (1671–1756) – *наваб* Бенгалии, Бихара и Ориссы в 1740–1756.

⁵ Подробнее о завоевании маратхами Ориссы см.: [4, т. 2, с. 116–262; 12; 14].

восудия, ведения войн и т.п. В 1764 г. Компания одержала победу над объединенными силами могольского императора и *навабов* Бенгалии и Ауда в битве при Буксаре, итогом которой стало получение в 1765 г. *фирмана*¹, предоставившего британцам право *дивани*, т.е. сбора налогов от имени императора с территорий Бенгалии и Бихара. С этого момента векторы подвижности служащих Ост-Индской компании, локализованных в Калькутте, стали определяться среди прочего необходимостью устанавливать и налаживать отношения с непосредственным соседом – Нагпурским княжеством, а также поддерживать связь с другим колониальным центром, расположенным южнее – Мадрасом. Путь к обоим географическим целям лежал через Ориссу, где еще в 1633 г. Ост-Индская компания основала факторию (в Харихарпуре) с тем, чтобы «расширить торговлю хлопчатобумажными товарами и увеличить их поставки» [11, с. 242].

Став обладателями земель (Бенгалии и Бихара), британцы задались целью не только понять их размеры, очертания, пропорции, но и соотнести свои приобретения с остальным субконтинентом и политическими игроками. Этим занималась Топографическая служба Индии, основанная в 1767 г. Джеймсом Рэннелом, с помощью обученных сюрвейеров, в руках которых были специальные приборы, предназначенные для измерения расстояний, углов и астрономических наблюдений с целью определения координат местности, прежде всего широты и долготы (измерительные цепи, перамбуляторы, секстанты, квадранты, телескопы, компасы, буссоли, теодолиты, хронометры). Сюрвейерам вменялось в обязанность вести подробные дневники путешествий. Они должны были не только производить замеры, но и описывать местность, которую пересекали, продукцию, производимую там, перечислять названия всех без исключения деревень, и фиксировать все, что могло показаться примечательным. На основе собранных ими сведений в Топографической службе создавались карты Индии. И одной из первых, стала подробнейшая карта Бенгалии и Бихара 1776 г., нарисованная в масштабе 1 дюйм : 5 миль, на которой практически отсутствовали лакуны.

¹ *Фирман* – в Делийском султанате и Могольской Индии: указ правителя.

Если в Бенгалии и Бихаре проводились целенаправленные обследования территории, то за их пределами знания о землях добывались во время перемещения войск и дипломатических миссий, и до 1790 г. специально снаряженных с целью изучения местностей экспедиций не было [10, с. 184]. Именно по таким маршрутам, совпадавшим с траекториями следования миссий и войск к пунктам конечного назначения, обследовалась Орисса во второй половине XVIII в. Учитывая, что эти пункты – Нагпур и Мадрас – находились за ее пределами, они проходили провинцию насквозь по кратчайшим или наиболее удобным путям. Такому специфическому «сквозному» восприятию региона способствовал и господствовавший тогда «маршрутный» или «пересеченный» метод топографического исследования, при котором географические объекты привязывались к измеренным, высчитанным и прочерченным *линиям*.

В западном, нагпурском, направлении через Ориссу шли дипломатические миссии. Одна из самых первых в составе г-на Маллока и капитана Генри Эллейна, отправленная в 1763 г. генерал-губернатором Генри Ванситартом (1760–1765), до Нагпура не добралась, но освоила путь от Каттака до Самбалпура. Про их поход мало что известно, но Рэннел в пояснениях к карте Индостана 1788 г. сообщал, что они вычислили долготу городов Каттака и Самбалпура [10, с. 153].

В 1766 г. из Калькутты по направлению к Самбалпуру отправился Томас Мотт. Поводом для путешествия стало приглашение раджи Самбалпура, переданное им в середине марта 1766 г. генерал-губернатору Бенгалии Роберту Клайву (1758–1760, 1765–1767) с посланным в Калькутту слугой, прислать доверенного человека для покупки алмазов [9, с. 1]. Испытывая финансовые трудности, Клайв предложил Томасу Мотту создать на пару совместное предприятие по торговле алмазами, в котором доля Мотта составляла бы треть, а Клайва – две трети, на что Мотт, невзирая на «трудности такого похода и дикость страны», сразу же согласился [9, с. 1]. Однако Клайв, будучи не только коммерсантом, но и административным деятелем, имел и другие цели, отправляя компаньона в путь. Мотт получил инструкции изучить положение дел в стране маратхов. Кроме того, он должен был войти в контакт с маратхскими представителями нагпурского раджи Джаноджи

(1755–1772), чтобы выяснить, «не уступит ли раджа Ориссу британцам взамен ежегодной контрибуции, что обеспечит непрерывность британских владений в Индии и укрепит их безмерно» [9, с. 1–2]¹. Последнее в свете рассматриваемого здесь сюжета примечательно, так как отражает отношение англичан к этой части субконтинента как промежуточной между их основными владениями / форпостами, лежащей на пути и предназначенной для пересечения, а не для остановки. Свой маршрут Мотт зафиксировал в «Описании путешествия к алмазным копиям в Самбалпуре в провинции Орисса» [9], выстроив его на основе измеренных расстояний и показаний компаса.

Во время Первой англо-маратхской войны (1775–1782) в Нагпур в 1778 г. отправилась через Ориссу политическая миссия во главе с Александром Эллиотом, которую сопровождал сюрвейер Уильям Кэмпбелл. Первые три сотни миль пути до Каттака, столицы Ориссы, были уже хорошо знакомы британцам и не нашли отражения в дневниковых записях. А после они начали вести «Журнал путешествия из Каттака в Нагпур, начавшегося 11 августа 1778 г.»². Спустя 12 лет, в 1790 г., тем же путем туда добирался Джордж Форстер, первый официальный британский резидент в Нагпуре. Топографические наблюдения делал глава его эскорта Джеймс Дэвидсон, а сопровождавший их Дэниэл Леки вел «Журнал путешествия в Нагпур по дороге через Каттак, Баросамер и южные Гхаты Банджаре» [8]. Леки также пропустил первую часть маршрута, сообщив, что она знакома, будто это путь от Виндзора до садов Кью [8, с. 1]. Затем миссия шла буквально по следам Мотта и Эллиота, изменив маршрут только в районе Сарангарха

¹ С. Коларкар в книге «Джаноджи Бхосле и его время» описывает эпизод с Шивбхатом Сатхе, *субедаром* Ориссы, назначенным на этот пост маратхами, который в качестве рычагов воздействия на британцев препятствовал хождению английской почты (*дак*) через этот регион и терроризировал коммерческих агентов Ост-Индской компании, занимавшихся сбором готовой продукции у местных производителей и переправкой ее в прибрежные фактории. Зато следующий *субедар* Чимна Сао, сменивший Сатхе в 1764 г., в целях улучшения отношений с англичанами, наоборот предоставил им возможности для налаживания бесперебойного почтового сообщения между Бенгалией и Мадрасом [7, с. 347, 364]. Для этих целей калькуттские власти наняли Чарлза Эллейна в качестве почтмейстера. Его-то и повстречал Мотт, добравшись в мае 1766 г. до Ориссы [9, с. 17].

² Выдержки из журнала приводятся в [16].

[8, с. 27]. В источниках встречаются упоминания еще двух путешественников, фамилии которых Томас и Уайт, двигавшихся в 1782 г. из Нагпура в Каттак^{1,2}.

Таким образом, все миссии во второй половине XVIII в. в западном направлении следовали по одному и тому же наиболее проторенному и безопасному пути вдоль реки Маханади, обеспечивавшей путников водой, и далее сквозь единственный проход Бармул через горы, отделявшие прибрежную Ориссу от центральных областей Индостана, где располагалось Нагпурское княжество.

Ко второй цели – Мадрасу, и обратно в этот период двигались преимущественно войска. В 1780 г. началась Вторая англо-майсурская война (1780–1784) между Ост-Индской компанией и правителем Майсура Хайдаром Али³. Для подкрепления сил Компании генерал-губернатор Бенгалии Уоррен Хейстингс (1772–1785) выслал войска. Часть из этих войск, укомплектованных европейцами, были отправлены из Бенгалии по морю. Сипайские же подразделения двинулись по суше. Шесть батальонов под командованием полковника Томаса Пирса⁴ выступили из Миднапура 21 января 1781 г. и спустя шесть с половиной месяцев достигли Мадраса [10, с. 40]. У Пирса не было никаких прежде зафиксированных знаний об этой дороге. Вступив на нее, он записал: «Я двигаюсь через мало известную страну, будто она расположена в центре Китая. Мы всегда понимали, что вся страна от Джелласора до Балласора представляет собой дикую местность» [10, с. 40]. В пути

¹ Об этом упоминается в книге К. Уиллса, которому удалось раздобыть копию дневника Томаса [16], а также в Исторических записках [10, с. 39].

² То, как все эти исследователи описывали траекторию своих продвижений, что и чем измеряли по пути, какие ландшафтные маркеры фиксировали и как на основе этих данных Топографическая служба Рэннела впоследствии заполняла карту Индостана, подробно изложено в моих работах, посвященных картографии Центральной Индии [2; 3].

³ Хайдар Али (1720–1782) – правитель княжества Майсур, возглавлял свои войска во время Первой (1767–1769) и Второй (1780–1784) англо-майсурских войн.

⁴ Томас Дин Пирс (1738–1789) – полковник артиллерийского подразделения Бенгальской армии Ост-Индской компании, доверенное лицо генерал-губернатора Бенгалии Уоррена Хейстингса. Увлекался астрономией, в своей резиденции в Калькутте вел регулярные астрономические и метеорологические наблюдения. Служил в Индии с 1768 г. до смерти.

Пирс сталкивался с проблемами дипломатического характера с местными вождами и маратхскими правителями, испытывал трудности с обеспечением людей провизией. В Ганджаме в войсках началась холера, много людей умерло, а Пирс отзывался о пересекаемой им местности, как о стране, будто состоящей из «клочков и осколков мира, подобранных в Лавке природы и не производящих ничего, кроме песка, каменистых скал, солоноватой воды и чумных ветров». Он завершал этот пассаж словами: «Если когда-нибудь еще надо будет отправить армию в Мадрас по суше, это должно быть сделано через Нагпур и земли низама¹» [10, с. 41]. Топографические наблюдения на марше (на отрезке от Миднапура до Ганджама) осуществлялись Патриком Дугласом, который высчитывал протяженность каждого перехода. Подсчеты грешили неточностями из-за неполадок с перамбулятором, а также потому, что войска во враждебной стране передвигались преимущественно в ночное время [10, с. 41].

Спустя три года, в январе 1784-го, Пирс с войсками выступил в обратный путь, на этот раз занявший почти девять месяцев. Сюрвейером к нему был назначен Роберт Колбрук², который на протяжении всей дороги делал точные замеры расстояний с помощью перамбулятора и под руководством Пирса, опытного астронома, высчитывал долготы и широты основных географических пунктов, мимо которых они проходили³. Представляя финальный отчет правительству, Пирс писал: «Я считал своим долгом составить регулярный план моего маршрута (я знаю способы)... Это исследование превосходит все, о чем я когда-либо слышал, по точности, если не по объему... Оно может служить примером для других, как следует проводить такие измерения и как они на самом деле могут быть проведены сюрвейером любого воинского подразделения, отправленного в отдаленные районы...» Рэннел, отмечая выдающийся вклад Пирса в заполнении лакун на восточном сегменте карты и выставлении на ней основных географических объектов, говорил о высчитанной и задокументированной им *линии* [13, с. 8–9].

¹ Низам – титул независимых правителей княжества Хайдарабад.

² Роберт Колбрук (1762(?) – 1808) – глава Топографической службы Бенгалии в 1794–1808 гг.

³ Подробнее об этом см.: [10, с. 154–155].

Еще одной такой линией в Ориссе, прорисовыванием которой занимались британцы во второй половине XVIII в., была береговая линия. Эти исследования были частью большого проекта по созданию внешнего контура субконтинента. Так, в 1770 и 1771 гг. морской сюрвейер капитан Джон Ричи в общих чертах определил координаты Балласора и расстояние от Мадраса до него. Между 1771 и 1778 гг. Уильям Кэмпбелл, который сопровождал миссию Александра Эллиота в Нагпур, обследовал побережье от Пури до Ганджама, а также озеро Чилку и дорогу от него до Балласора через Каттак. Лепту в определение береговой линии внес и полковник Томас Пирс¹.

Во второй половине XVIII в. именно из совокупности линейных маршрутов и их сопоставления рождались карты Индии, на которых свое место обретала и Орисса. Они все еще грешили неточностями и зияли пустотами. Например, на ранней карте Бенгалии и прилежащих к ней земель Индии Рэннела, как сообщают «Исторические записки топографической службы», «маршрут от Балласора через Каттак к Самбалпуру выглядит совершенно изолированным и выведен очевидно из отчета Мотта» [10, с. 223]. В комментариях к карте Индии 1788 г. Рэннел сокрушался, что на ней «между известными частями Берара, Голконды, Ориссы и Сиркаров остается незаполненное пространство длиной около 300 миль и шириной около 250 миль» [13, с. 168–169]. Он также сетовал на то, что «не мог определить точное местоположение Каттака, потому что перамбулятор Кэмпбелла испортился где-то между Каттаком и Балласором» (10, с. 199). Несмотря на то что привезенные путешественниками сведения не всегда были достаточными для построения точной графической картины Индии и, в частности, Ориссы, они делали исследованные маршруты страны знакомыми, наполненными узнаваемыми объектами, предсказуемыми, «видимыми» и «проходимыми» для последующих гражданских и военных экспедиций. Неслучайно наблюдатели в своих записях особое внимание уделяли инфраструктурной оснастке местностей, состоянию дорог, наличию мостов, водоемов и колодцев, мест привалов, источников пропитания. Например, Леки в своем дневнике постоянно упоминал Томаса Мотта и сверялся с

¹ Подробнее об исследовании линии восточного побережья Индостана см.: [10, с. 13–17, 43–47; 13, с. 8–12].

его описаниями местности. А Пирс после его возвращения из Мадраса через Ориссу отметил: «Записи сюрвейера (Роберта Колбрука. – С. С.) очень подробны, и они укажут любому будущему отряду все трудности, с которыми ему придется столкнуться при переходе более 1124 миль; я мог бы сэкономить много времени и сил, если бы располагал такой информацией, когда шел в Мадрас» [10, с. 42].

Таблица

Топографические исследования Ориссы, 1763–1790

На запад в направлении Нагпура	1763 / 1764 (?) – г-н Маллок и капитан Эллейн	Посещение Каттака и Самбалпура
	1766 – Томас Мотт	Калькутта – Миднапур – Джалласор – Балласор – Каттак – Бауд – Самбалпур
Береговая линия	1766–1768 – Эдвард Котсфорд	Обследование озера Чилка
	1770–1771 – капитан Джон Ричи	Обследование береговой линии от Мадраса до Балласора
	? – Уильям Кэмпбелл	Обследование береговой линии от Пури до Ганджама, озера Чилка, дороги от озера через Каттак до Балласора
На юг, в направлении Мадраса	? – Энтони Польер	Исследование Ориссы вблизи Каттака (?)
На запад в направлении Нагпура	1778 – Александр Эллиот, Роберт Фаркухар, Джеймс Андерсон, Уильям Кэмпбелл	Калькутта – Миднапур – Джалласор – Балласор – Каттак – Бауд – Сонепур – Сарангарх – Ратанпур – Нагпур
	1782-г-н Томас	Нагпур – Сарангарх – Каттак
	1782-г-н Уайт	Нагпур – Сарангарх – Каттак
На юг, в направлении Мадраса	1781 – полковник Томас Пирс и Патрик Дуглас	Калькутта – Каттак – Мадрас
	1784 – полковник Томас Пирс и Роберт Колбрук	Мадрас – Каттак – Калькутта
На запад в направлении Нагпура	1790 – Джордж Форстер, Дэниэл Леки, Джеймс Дэвидсон	Калькутта – Каттак – Сонепур – Барасамбер – Нагпур

В соответствии с указаниями Рэннела наряду с топографическими исследованиями велся сбор общих сведений о провинции. Объективно этот процесс был также подчинен линейно-сквозному

способу освоения пространства. Сведения об Ориссе складывались из того, что сюрвейеры видели вдоль дороги или с дороги. Пирс по пути в Мадрас писал в 1781 г.: «Мой путь лежал до конца лесов по равнинам, настолько обширным, что я видел, как солнце встает из-за прекрасного горизонта, и я нашел эту местность хорошо культивированной» [10, с. 40]. Субъективно интерес к тому, как устроена Орисса (помимо необходимости проложить маршруты и составить карту, о чем говорилось выше), диктовался в значительной степени политическими целями. Британцам было важно составить представление о соседях, о том, как управляют этими землями маратхи, насколько они богаты и эффективны в экономическом, политическом и военном отношении. Эти два фактора накладывали отпечаток на характер собираемой информации.

В частности, обращает на себя внимание то, что ресурсный и сырьевой потенциал провинции в основном оставался за пределами внимания авторов. С одной стороны, взгляд с дороги обуславливал то, что они видели не столько поля, засеянные какими-то культурами, чаще всего скрытыми в глубине, сколько проезжающие мимо повозки, везущие на продажу товары, и сами базары. Например, Мотт описывал деревню Куло, большой торговый центр, куда купцы из Берара¹ и других районов Индии привозили хлопок и разную продукцию, а возвращались груженные солью и европейскими товарами. С января по апрель они собирались в караваны для безопасности и преодолевали расстояние в 500–600 миль. Мотт никак не мог взять в толк, что мешало им проехать еще 120 миль, чтобы добраться до побережья. Наоборот, оттуда в Куло прибывали торговцы для совершения преимущественно бартерных сделок, денежного оборота почти не было [9, с. 22]. Об этом же месте как о большом базаре писал и Леки. Из товаров, поставляемых сюда из Каттака, он называл сахар, соль, шелк, медь, олово [8, с. 19]. Он тоже сообщал, что серебро и золото практически не циркулировали в провинции, а рента уплачивалась каури [8, с. 13].

С другой стороны, такой избирательный интерес к сельскохозяйственной земле и ландшафту мог объясняться тем, что

¹ Берар – название области, где располагалось Нагпурское княжество. Его правители в английских колониальных документах часто именуются раджами Берара.

Ост-Индская компания в этот период нуждалась в средствах, как для покупки колониального товара, так и для содержания армии и административного аппарата. Учитывая, что во второй половине XVIII в. у колонизаторов был небольшой ассортимент, который они могли предложить местному обществу в обмен на их продукцию, им приходилось расплачиваться за нее в основном серебром и золотом, вывоз которых из метрополии в условиях меркантилистской политики был крайне нежелателен. Поэтому им важно было изыскать источник денег внутри колонии. Получение контроля еще не столько над территорией в качестве источника сырья и ресурсов, сколько над обложенным налогами населением, обрабатывающим землю, открывало такие перспективы. Поэтому британцы испытывали живейший интерес к уровню и источникам доходов маратхов с территорий, оказавшихся под их властью, и к степени платежеспособности населения.

Двигаясь по одной из основных артерий, используемых местным населением, британские наблюдатели воочию могли убедиться, что важным источником маратхской казны были сборы с пилигримов, массово шедших в в г. Пури для поклонения боже-ству Джаганнатху¹ [9, с. 3; 8, с. 13]. В подробностях Мотт описывал путь через Бармул, единственный проход в горах между Ориссой и внутренними районами, который контролировал местный раджа, собиравший со всех налог [9, с. 23–25]. Леки, которому также довелось пробираться через Бермул, писал, что маратхи не смогли подчинить себе этого раджу и заставить его уплачивать им дань, вместо этого они договорились с ним, что он предоставит маратхским подданным право свободного передвижения по проходу [8, с. 20].

Однако маршрутное движение не давало британцам полного представления о территории. Упоминания о границах Ориссы как таковой отсутствовали. Наблюдатели, да и то не все, скорее сообщали о пересечении внутренних границ владений местных раджей, и упоминали их иерархию, кто кому подчиняется и выплачивает налоги. Иногда англичанам удавалось обозначить контуры тех или

¹ Джаганнатх – одна из ипостасей бога Вишну. Храм Джаганнатха в Пури ежегодно собирает десятки тысяч паломников во время Ратха-ятры, Колесничной ятры (шествие, процессия, марш).

иных владений. Мотт описывал *заминдарство*¹ Динканол как «крупное, граничившее с севера с землевладением Тигорея, а с запада с маленьким *заминдарством* Баррамда. Динканол находился на берегу реки Маханади. Напротив, с другой стороны реки, располагалась западная часть страны Бонки» [9, с. 20]. Иногда они выясняли уровень и систему доходов таких землевладений. Мотт подробно раскрывал, как она устроена в Самбалпуре, потому что ему пришлось задержаться там на длительное время: «Регулярные налоги в стране выплачиваются натурой, порядок сбора прост. За каждой деревней закреплено определенное количество мер риса в мякине. Поле делится между жителями следующим образом. Молодой человек, как только он достигает надлежащего возраста, зачисляется в солдаты и получает полмеры (около 6 фунтов) риса в день на пропитание и три рупии в год на одежду. Тогда ему передается столько пахотных земель, сколько предполагается для производства 242 $\frac{1}{8}$ мер риса. Он должен отдать радже 60% мер, а остальное оставить себе. Земля находится в распоряжении его жены, которая кормит его и обеспечивает выплату арендной платы. Если земля производит больше, чем рассчитано, это ее прибыль, а если меньше, то ее убыток. Рента трех или четырех деревень резервируется, одна четвертая часть полученной продукции предназначена для содержания хозяйства раджи, остальное идет его родственникам и главным слугам, которые таким образом держат в зависимости от себя всех жителей. Дополнительные доходы состоят из пошлин на купцов и других лиц, проезжающих через страну, и штрафов. Первые не урегулированы и зависят от совести раджи; в течение последних трех лет, с тех пор как его люди ограбили и убили крупного нагпурского торговца недалеко от этого места, никто не прошел этим путем. Штрафы также совершенно произвольны; в стране, где деньги можно получить только средствами, наносящими ущерб обществу, нет необходимости признавать человека виновным в каком-либо преступлении, чтобы оштрафовать его» [9, с. 37]. Мотт также упоминал, что горы Самбалпура изобилуют золотом и алмазами; но местных жителей удерживает от разработки рудников их леность и страх перед новыми хозяевами — махратами, для которых их богатство станет

¹ *Заминдарство* – надел земли, принадлежащий *заминдару*, землевладельцу.

особенно желанной добычей [9, с. 37]. Вообще британцы то и дело встречались по дороге с местными правителями, которые неизменно жаловались им на жестокость и жадность маратхов.

Активно английские путники интересовались жизнью простого населения, которое они встречали в многочисленных деревнях по дороге. Мотт увязывал процесс их возникновения с дорожной экономикой, хотя следует признать, что он не видел других деревень, расположенных в глубине региона: «Состоятельный человек, пекущийся о своем добром имени и обеспечивающий себе благословения путников, обустроивает для них места привалов на дороге. Тень нескольких деревьев и освежающая порция воды – необходимость в таком мягком климате. Чтобы организовать первое, он сажает рощу манговых деревьев, чтобы обеспечить второе, он выкапывает пруд или колодец и окружает их кирпичным ограждением; два-три человека открывают свечные магазинчики, а он предоставляет небольшую охрану для защиты от жуликов. Еще не покрыв свои дома черепицей местные разбивают огород, где выращивается зелень для соусов, чтобы сдабривать ими рис. Они селятся вместе с семьями и обрабатывают небольшие участки земли для выращивания риса для собственного потребления. Хозяйка ночью замачивает рис в воде, она встает за час до зари, перекладывает его в ступу и сушит. Веселая песня, которую она напевает, пока работает пестиком, и чарующая свежесть утра не раз доставляли мне огромное удовольствие во время переездов из одной деревни в другую; она поджаривает грубый сорт гороха и выкладывает все для продажи. Рис и горох служат путникам завтраком. Местные жители счастливы до тех пор, пока их патрон не впадает в немилость, и тогда, если они не успели обзавестись новым, разбредаются, и их следы вскоре теряются... Но если их покровитель долго сохраняет влияние и власть, в этом месте появляются ремесла, процветает торговля, жители богатеют, и с его смертью они покупают себе нового патрона или просят о протекции самого суверена» [9, с. 7].

Мотт писал, что деревни были преимущественно небольшого размера и незащищенные, так как маратхи, как он объяснял, не допустили бы существование укрепленных поселений на главной дороге из Нагпура в Ориссу [9, с. 19]. При этом он с упорным постоянством повторял, что большая часть деревень, которые он ми-

новал, раньше была процветающей, а потом их разорили маратхи [9, с. 8, 18]. Проезжая по землям Балласора, он обращал внимание, что в результате раздачи земель маратхам появилось много мелких землевладений, что повлекло резкое обеднение живущих на них арендаторов и запустение пахотных угодий [9, с. 5]. Мотт упоминал, что жители одной из местностей (близ перехода Бармул) не выращивали ни зерна, ни гороха, а только те культуры, которые созревали в дождливый сезон, чтобы успеть собрать урожай до прихода маратхов [9, с. 27]. В периоды их набегов крестьяне обычно прятались в горах [9, с. 21]. На нищету и малочисленность населения обращал внимание и Леки, сообщая, что по мере углубления на территории маратхов земли становились менее населенными и культивируемыми [8, с. 2]. Каттак он описывал так: «Груды черепов и костей разбросаны по городу и его окрестностям: жалкое зрелище, от которого человечество содрогается. Улицы полны попрошайек, находящихся на грани смерти. Они часто окружали мою палатку, и я никуда не мог деться от их страдальческих криков. Волей-неволей я проводил сравнение между жалким положением этих людей и тех, кто находится под защитой британского правительства» [8, с. 12–13]. Суммируя увиденное, и Мотт не удержался от сравнения: «Политика махраттов [махратхов. – С.С.] по управлению этой страной представляется очень странной для меня, сына свободы, обученного тому, что правительство учреждается для защиты каждого человека, и самые отверженные и угнетенные имеют право на жалобу, которая обязана быть удовлетворена, если это не ущемляет общего блага. Люди же этой страны, наделенные от природы стоическим безразличием, которое притупляет любую чувствительность, обнаруживают в своих сердцах подлое и жалкое вероломство, оно лишает их доверия к соседям, препятствует союзу с теми, кто мог бы их защитить, подчиняют тем, кому они не в силах противостоять, а сами они в отчаянии взывают к воле бога» [9, с. 27].

Собирая сведения о провинции, британцы старательно выписывали отрицательный образ истощающих землю Ориссы маратхов, неумелых правителей, не пекущихся о благосостоянии жителей, тем самым подготавливая идеологические обоснования своих будущих притязаний на эти территории. Рэннелл упоминал совокупный доход раджи Берара в 108 лакхов в год, из которых 24 –

это доля Ориссы. Но тут же замечал, что раджа, обладающий такой суммой, не должен вызывать опасения у британской власти, потому что «его владения слишком обширны относительно их ценности, чтобы образовать сильное государство» [13, с. sxxx]. При этом точное представление об очертаниях этих владений осталось англичанам до конца неясным. На первых картах Индостана Рэннела Орисса с огромными лакунами и не обладающая собственными границами, оказалась растворенной внутри территории Нагпурского княжества. Эта приблизительность границ хорошо отражена у Рэннела: «Ревность, обыкновенно свойственная соседям, отсутствует в случае с Бенгалией и Бераром из-за природных особенностей той части владений Берара, которая граничит с Бенгалией и представляет собой лесистую и безлюдную местность. Поэтому видимые границы обеих стран разнесены на расстояние друг от друга» [13, с. CXXX–CXXXI].

Собранные об Ориссе знания были линейными, что отражало вынужденную подчиненность обстоятельствам, обусловленным ограничениями политического и научно-технического характера. Они не покрывали территорию целиком, не создавали объемную картину провинции и представляли ее скорее в виде все тех же «осколков и клочков», о которых говорил Пирс. Тем не менее это было знание, организованное по европейским шаблонам, меркам и лекалам, которое отвечало поставленным задачам и формировало *желаемое* для колонизаторов на тот момент времени пространство. Это была фрагментарная репрезентация территории, практически используемой или рационализируемой англичанами в качестве зоны транзита, но теоретически уже осмысляемой как потенциальный источник геополитического удобства (непрерывность британских владений в Индии) и дополнительных доходов.

Список литературы

1. Лефевр Анри. Производство пространства. – Москва : Strelka Press, 2015. – 432 с.
2. Сидорова С.Е. Индийский хлопок и британский интерес. Овеществленная политика в колониальную эпоху. – Москва : Нестор-История, 2016. – 352 с.
3. Сидорова С.Е. Колониальная картография Центральной Индии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2019. – № 2. – С. 140–160.

***Топографическое исследование Ориссы, 1763–1803:
сквозное движение по чужой земле***

4. Banerji R.D. History of Orissa. From the Earliest Times to the British Period : in 2 vols. – Calcutta : R. Chatterjee, 1931. – Vol. 1. – 351 p. ; Vol. 2. – 481 p.
5. Cohn Bernard S. Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. – Princeton : Princeton University Press, 1996. – 189 p.
6. Hunter W.W. Orissa. Vol. 2. – London : Smith, Elder & Co., 1872. – 219 p.
7. Kolarkar S.G. Janoji Bhonsle and His Time (1755–1772). – Nagpur : Shri Mangesh Prakashan, 1984. – 504 p.
8. Leckie D.R. Journal of a Route to Nagpore, by the Way of Cuttae, Burrosumber, and the Southern Bunjare Ghaut, in the Year 1790: With an Account of Nagpore, and a Journal from that Place to Benares, by the Soohagee Pass. – London : John Stockdale, 1790. – 102 p.
9. Mott T. A Narrative of a Journey to the Diamond Mines at Sumbhulpoor, in the Province of Orissa // Early European Travellers in the Nagpur Territories. – Nagpur : Printed at the Government Press, 1930. – P. 1–50.
10. Phillimore R.H. Historical Records of the Survey of India. – Dehra Dun : Office of the Geodetic Branch Survey, 1945. – Vol. 1 : 18th Century. – 420 p.
11. Pradhan A.Ch. British Trade in Cotton Goods and the Decline of Cotton Industry in Orissa // Economic History of Orissa / Patnaik N.R. (ed.). – New Delhi : Indus Publishing Company, 1997. – P. 241–251.
12. Ray B.Ch. Orissa under Marathas (1751–1803). – Allahabad : Kitab Mahal, 1960. – 184 p.
13. Rennell J. Memoir of a Map of Hindoostan; or the Mogul's Empire: With an Introduction, Illustrative of the Geography and Present Division of That Country: And a Map of the Countries Situated between the Head of the Indus, and the Caspian Sea. – London : W. Bulmer and Co. for the Author, 1788. – CXL, 295 p.
14. Sarkar J. Bihar and Orissa during the Fall of the Mughal Empire (with a Detailed Study of the Marathas in Bengal and Orissa). – Patna : Patna University, 1932. – 127 p.
15. Stirling A. Orissa: Its Geography, Statistics, History, Religion, and Antiquities. – London : Published for the Author, by John Snow, 1846. – 416 p.
16. Wills C.U. British Relations with the Nagpur State in the XVIII Century. An Account, Mainly Based on Contemporary English Records. – Nagpur : Central Provinces Government Press, 1926. – 273 p.

МИХЕЛЬ Д.В.*, МИХЕЛЬ И.В.** САНИТАРНЫЕ РЕФОРМЫ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.¹

Аннотация. История санитарных реформ в Индии представляет собой одну из самых затяжных эпопей в мировой истории. Они были начаты еще во времена британского колониального господства, а продолжены во времена обретения независимости. Размер территории, климатические условия, многочисленное население, экономические проблемы – таковы были объективные факторы, препятствующие осуществлению полноценных санитарных реформ в этой стране. Наряду с объективными, существовали и субъективные факторы, ставшие причинами пробуксовки санитарных реформ. При этом одна часть историков считает причинами этого отсутствие должной политической воли у колониальной администрации, тогда как другие делают акцент на культурном сопротивлении реформам со стороны индийского населения и значительной части национальной индийской элиты. Причем первой позиции придерживаются в основном индийские историки, тогда как второй – британские специалисты. В рамках данной статьи предпринимается попытка дать объективную картину хода санитарных реформ в колониальной Индии во второй половине XIX в. Особое внимание уделяется трем сюжетам: санитарным мерам по

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

** Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

защите британских войск; санитарным реформам в контексте изменения методов управления Индией; санитарным реформам в колониальной столице Индии, Калькутте.

Ключевые слова: колониальная Индия; санитарные реформы; управление; Калькутта.

MIKHEL D.V., MIKHEL I.V. Sanitary Reforms in Colonial India in the Second Half of the Nineteenth Century

Abstract. The history of sanitation reforms in India is one of the most protracted epics in world history. It began under British colonial rule and continued during independence. The size of the territory, climatic conditions, large population, economic problems – these were the objective factors preventing the implementation of full-fledged sanitation reforms in this country. Along with objective factors, there were also subjective factors that caused the sanitation reforms to stall. At the same time, one part of historians considers the lack of proper political will on the part of the colonial administration as the reasons for this, while others emphasize the cultural resistance to reforms on the part of the Indian population and a significant part of the national Indian elite. Moreover, the first position is held mainly by Indian historians, while the second is held by British specialists. This article attempts to give an objective picture of the course of sanitary reforms in colonial India in the second half of the nineteenth century. Special attention is paid to three subjects: sanitary measures to protect British troops, sanitary reforms in the context of changing methods of governance in India, and sanitary reforms in the colonial capital of India, Calcutta.

Keywords: colonial India; sanitation reforms; governance; Calcutta.

Для цитирования: Михель Д.В., Михель И.В. Санитарные реформы в колониальной Индии во второй половине XIX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 4. – С. 66–96. DOI: 10.31249/RVA/2023.04.05

В 1858 г. Британская монархия вынуждена была взять дело управления Индией в собственные руки. После целого века грабежа индийских богатств, осуществлявшегося представителями Ост-Индской компании, и Индийского народного восстания 1857–1859 гг., известного в западной историографии как Сипайское восста-

ние, Корона была вынуждена перейти к непосредственному управлению своей самой крупной и самой богатой колонией, отрядив туда не только третью часть всех своих вооруженных сил, но и огромное число администраторов, инженеров, врачей и других специалистов. Подавление восстания повлекло за собой возникновение новых форм административного вмешательства со стороны британцев в жизнь многомиллионного индийского населения – менее грубых, чем прямое насилие, но более настойчивых и решительных, чем когда-либо прежде. Составной частью этой политики мягкого интервенционизма и стали британские санитарные реформы в Индии. Но как и во всех случаях, они проводились не только в интересах государства – в данном случае Британской империи, но и имели своей целью «цивилизовать» туземцев, сгладив явные противоречия между покоренным народом и его властителями. Совершенно очевидно, что их внутренняя логика была обусловлена общими задачами создания эффективной системы управления населением, в том числе и через принуждение к здоровью. Однако на территории колонии перед британцами стояла значительно более трудная задача, чем в метрополии, поскольку прежде чем «цивилизовать» туземцев и предоставить им некоторый минимум заботы в сфере здравоохранения, британской колониальной администрации необходимо было защитить саму себя и собственные вооруженные силы – от холеры, оспы и массы других болезней, которые стали дополнительным «бременем белого человека» на каждом шагу в этой огромной стране. Так и сложилась историческая логика санитарных реформ в Индии. Сначала была создана система санитарной безопасности для британской армии. Затем были выстроены механизмы, обеспечивающие минимум санитарной безопасности для местного населения. Кроме того, был проведен целый ряд санитарных улучшений в больших городах, ставших форпостами британского колониального присутствия в Индии. Наиболее остро эта задача стояла в Калькутте, которая была столицей Британской Индии с 1859 по 1911 г.

Создание колониального здравоохранения и начало санитарных реформ в Индии

После перехода Индии под власть Британской империи (неудачно, может быть под эгиду или сюзеренитет британской Коро-

**Санитарные реформы в колониальной Индии во второй
половине XIX в.**

ны?) в 1858 г. британскому правительству пришлось предпринять экстренные меры по сохранению контроля над взбунтовавшейся страной и обеспечению там своего присутствия. Британская колониальная администрация в Индии опиралась прежде всего на мощь армии, части которой были расквартированы в трех президентствах – Бомбейском, Мадрасском и Бенгальском. Продолжающиеся вплоть до 1859 г. военные действия, сопровождавшиеся перемещениями многочисленных войск и осадой городов, в очередной раз продемонстрировали уязвимость британской армии перед эпидемиями опасных инфекций – холеры, малярии, диареи и др. Но на этот раз сложившаяся, казалось бы, уже привычка к высокому уровню смертности среди солдат дополнилась страхом потерять всю Индию, охваченную еще и восстанием. Комплекс этих двух факторов – высокая смертность в войсках и потрясения, вызванные народным восстанием, – побудил, наконец, британские власти всерьез заняться вопросом об охране здоровья британских войск и приступить к мероприятиям по улучшению санитарной ситуации.

В 1859 г. британскими властями была создана специальная Королевская комиссия по изучению санитарного состояния войск в Индии (Royal Commission on the Sanitary State of the Army in India), которая констатировала, что весь предыдущий период, пока Индией управляла Ост-Индская компания, для охраны здоровья армии сделано было недостаточно. При этом, по данным комиссии, смертность среди британских военных в Индии за первую половину XIX в. составила в среднем 69 человек на тыс. Для сравнения – смертность среди военных за пределами Англии за тот же период составляла 41 на тыс., а для офицеров – 30 на тыс. [27]. Данные об уровне смертности в британских войсках в Индии с 1770 по 1859 г. представлены ниже [27].

Таблица 1

Смертность в британских войсках с 1770 по 1856 г.

	1770– 1799 гг.	1800– 1829 гг.	1804 г.	1830– 1856 гг.	1817– 1855 гг.	1800– 1856 гг.
Смертность на тыс. человек	55	85	134	58	70	69

Средняя цифра смертности среди британских военных в Индии за полувековой период колонизации южноазиатского субкон-

тинента – 69 человек на тыс. – вызвала огромное беспокойство среди британской элиты. Она резко контрастировала с цифрой 12 на тысячу, которая характеризовала смертность в «самых нездоровых городах Англии» и среди «самых нездоровых профессий» [27]. Однако, как уже было отмечено выше, прежнее безразличие к смертности среди британских солдат уступило место серьезному беспокойству не только из-за цифр самих по себе, но и из-за осознания викторианской элитой того, какую жертву приходилось платить Британской империи за свои глобальные амбиции. Главным выразителем этой обеспокоенности в те годы стала Флоренс Найтингейл (1820–1910), которая, посетив госпиталя британских солдат в годы Крымской войны (1853–1856), призвала к проведению санитарных реформ в армии и на флоте. В своем знаменитом отчете, сделанном на собрании Национальной ассоциации в поддержку социальной науки в Норвиче в 1873 г., Найтингейл назвала британских солдат в Индии «постоянно больными». По ее словам, «из каждой тысячи человек 100 всегда лежали больными в постелях», и «округляя цифры, вся британская армия трижды попадала в госпиталь каждый год» [23].

Цифры смертности среди британских военных в Индии за первую половину XIX в. прокомментировала Р. Рамасуббан, отметившая, что из общего числа смертей британцев в армии только 6% были результатом военных потерь, тогда как остальные были следствием инфекционных заболеваний. Причем 40% всех смертей были вызваны лихорадкой, которая, кроме того, давала 75% всех случаев госпитализации. Большинство остальных смертей приходилось на дизентерию, диарею, болезни печени и холеру. Кроме того, наряду с болезнями-убийцами британская армия в Индии также страдала от сифилиса, который был причиной массовой инвалидности среди британских военных [25].

Хотя из отчета Королевской комиссии по изучению санитарного состояния войск вырисовывалась весьма мрачная картина состояния здоровья британских военных в Индии, нельзя не заметить, что работа в этом направлении велась еще и до 1858 г. Так, в 1764 г. Ост-Индская компания учредила Индийскую медицинскую службу, офицеры которой были призваны защищать здоровье европейцев в этой стране. В их обязанности входило управление военными и гражданскими госпиталями, сопровождение кораблей и

войск компании. Кроме того, офицер Индийской медицинской службы Джеймс Ранальд Мартин (1896–1874) предложил, чтобы офицеры службы занимались не только госпитальной работой, но и санитарным делом – собирали санитарную статистику, изучали климат и медицинскую топографию, занимались поиском наилучших мест для строительства военных городков и размещения войск [18].

Из отчета Королевской комиссии за 1864 г. следовало, что к апрелю 1861 г. из 227 тыс. британских войск в Индии находилось более 82 тыс., тогда как за год до этого (1860) их число составляло почти 95 тыс. человек [27]. Высокий уровень смертности от инфекционных болезней, на которые обратила внимание Найтингейл, вынуждал британское правительство осуществлять постоянную ротацию военного контингента, направляя в Индию ежегодно 10 тыс. новобранцев [25]. Поскольку служба в армии осуществлялась на добровольной основе, то рекрутировать новобранцев с каждым годом становилось все труднее. Найтингейл сообщала, что доставка в Индию каждого новобранца обходилась британской казне в 100 фунтов стерлингов, а стоимость ежегодного содержания каждого солдата – 285 фунтов стерлингов [23]. Иначе говоря, ежегодная ротация контингента британских войск обходилась британской Короне почти в 3 млн фунтов. Для привыкшего мыслить меркантильно викторианского общества Великобритании все это было чрезмерными расходами, и потому требовались меры, позволяющие снизить нагрузку на бюджет империи. Одна из возможных стратегий состояла в том, чтобы в значительной мере заменить европейский контингент войск в Индии на «туземный», но до бесконечности двигаться в этом направлении было невозможно. Как показали события с восстанием сипаев, ядро британской армии всегда должны были составлять европейцы, а «туземные части» могли играть лишь вспомогательную роль. Как следует из отчета Королевской комиссии, соотношение европейского и индийского воинского контингентов на обширной территории Бенгалии, северо-западных областей и Пенджаба составляло 46 920 европейцев (из которых офицеров было 2160) и 39 676 индийцев [27]. Но, как свидетельствует Рамасуббан, в большинстве случаев соотношение в британских частях в Индии было другим: на каждого европейского солдата приходилось восемь индийских [25]. Короче говоря,

для того чтобы содержать в Индии ежегодно не менее 80 тыс. европейских солдат и при этом экономить средства на постоянную доставку на субконтинент новобранцев, британской администрации необходимо было предпринять серьезные меры по охране здоровья британских военных, а также и остальной части европейского населения в Индии, представленной правительственными чиновниками, коммерсантами и членами их семей.

Согласно исследованиям М. Харрисона, вплоть до начала 1860-х годов представители британских медицинских служб в Индии свое основное внимание концентрировали на проблемах тяжелого индийского климата, и все их предложения касались того, как обеспечить акклиматизацию британцев к тропикам. Однако после народного восстания был начат поворот в сторону более решительных действий в сфере здравоохранения, и теперь они были направлены на изменение условий окружающей среды [13; 14]. Последнее означало необходимость проведения санитарных улучшений.

Отчет Королевской комиссии 1864 г. сообщает, что теперь британские санитарные службы в Индии основную угрозу видели не столько в климате, сколько в тесном соседстве с коренным индийским населением, которое жило в ужасных антисанитарных условиях. Так, в Бомбее с его населением от 400 до 600 тыс. человек, почти все дома были «зловонными лачугами», а «дренаж находился в дефективном состоянии» [27]. В 1861 г. от так называемых «зимотических болезней» умерло 16 200 человек, причем 1600 – от оспы, 1251 от холеры и 7024 от лихорадки [27]. Особую угрозу здоровью европейских военных городков представляли так называемые «базары» – густонаселенные кварталы с коренным индийским населением, в которых располагались торговые ряды, рынки и бордели. В Бангалоре, коренное население которого на 1861 г. оценивалось в 124 тыс. человек, три четверти его жили буквально за стеной от бараков, в которых размещались 1700 европейских и 2600 «туземных» солдат [27].

Для защиты здоровья военнослужащих авторами отчета было предложено обратить внимание на такие вопросы, как 1) улучшение дренажных систем на территории военных городков; 2) запрещение полива почвы по соседству от казарм; 3) обеспечение военнослужащих чистой водой; 4) строительство казарм, в осо-

бенности обеспечение их надлежащей вентиляцией; 5) охлаждение помещений в казармах и больницах; 6) оборудование бань и купален; 7) обустройство туалетов с заменой системы выгребных ям на систему сплавной канализации, позволяющей регулярно удалять экскременты; 8) строительство тентов и вообще мест, где солдаты могли укрыться от солнца; 9) изменение режима питания и диеты, в частности сокращение количества мясной пищи, особенно в жаркое время суток; 10) использование одежды и головных уборов (шлемов), исключаящих перегрев тела; 11) снижение объемов потребления алкоголя; 12) снижение бремени венерических болезней, вызываемых посещением борделей; 13) организация свободного времени военнослужащих, полезные игры, например, крикет, чтение книг, посещение театра; 14) организация элементарного образования солдат, обучение их чтению, письму, математике, азам местного языка; 15) разбивка садов и огородов, в том числе с целью выращивания собственных фруктов и овощей; 16) организация гимнастических упражнений и т.д. [27]. Особое внимание в отчете было уделено вопросу о строительстве так называемых «горных станций» (hill stations), где в условиях прохладного климата отдельные подразделения могли бы периодически проводить время, избегая постоянного пребывания в условиях вредной для здоровья жары и духоты [27]. Весьма примечательно, что большинство рекомендованных комиссией мер, такие, как улучшение дренажа, водоснабжения и вентиляции, уже хорошо зарекомендовали себя в метрополии, поэтому назначенная правительством санитарная комиссия могла опираться на этот опыт. В то же время отдельные меры, такие как отказ от калорийной пищи в условиях жаркого климата, использование легкой одежды и т.п., были сугубо индийскими по своему происхождению и, как сообщалось в отчете, непосредственно заимствованы из обычаев местного населения [27].

Рекомендации, предложенные Королевской комиссией, в основном совпадали с тем, что высказывали и другие британские санитарные теоретики того времени, такие как уже упомянутые Дж.Р. Мартин и Ф. Найтингейл. Комплексным выражением новых требований к защите здоровья армии стала работа Чарльза Александра Гордона (1821–1899) «Военная гигиена» (1866), в которой он обобщил весь передовой опыт, касающийся заботы о здоровье

военнослужащих в тропических странах – не только в Индии, но и в других частях света [11]. Фактически, все британские санитаристы склонялись к одним и тем же выводам, предлагая предпринять меры по физическому разделению британского и индийского населения в Индии, улучшению условий проживания, созданию более здоровой среды и изменению образа жизни британцев в соответствии с особенностями местного климата.

Как замечает М. Харрисон, в первые годы после восстания 1857 г. британские колониальные власти не решались на серьезные вмешательства в жизнь окружающего военные городки местного индийского населения, поэтому акцент был сделан прежде всего на улучшение санитарного состояния военных городков [15]. В частности, пресловутый Закон о заразных болезнях 1866 г., введенный на территории метрополии для ограничения сифилиса посредством контроля над проституцией, санитарные власти Калькутты в 1870 г. пытались ограничить как весьма строгий и непопулярный среди коренного населения [15].

По утверждению Р. Рамасуббан, внедряемые британской колониальной администрацией санитарные улучшения были изначально адресованы исключительно британскому населению, которое составляло 0,06% от общей численности населения Британской Индии. Британская община в Индии ограничивалась чиновниками и плантаторами с их семьями, а третью ее часть составляли европейские военные. Именно для этого крохотного меньшинства и начала разрабатываться новая политика в сфере здравоохранения [25]. При этом начало санитарных реформ в Индии выросло из уже полученного в Великобритании опыта, связанного с использованием карантина и контроля над окружающей средой. Основные принципы британской санитарной науки, хорошо показавшие себя на территории метрополии, теперь предполагалось использовать на территории колонии, в их числе социальную и физическую сегрегацию, призванную максимально уберечь британских солдат и британское население от нездоровой местной среды и местного населения, способного пагубно влиять на здоровье европейцев.

В целом, санитарные реформы в Индии были начаты в середине XIX в. в связи с необходимостью создания колониальной системы здравоохранения, призванной защитить здоровье британского населения в Индии и в особенности здоровье британских

Санитарные реформы в колониальной Индии во второй половине XIX в.

солдат. Непосредственным поводом к началу санитарных реформ стало Индийское народное восстание 1857–1859 гг., вызвавшее у британцев страх потерять контроль над своей колонией и приведшее к необходимости увеличить постоянный контингент войск в Индии. Начало санитарных реформ было положено работой Королевской комиссии по изучению санитарного состояния войск в Индии, которая с 1859 по 1864 г. провела серию санитарных обследований, выявивших серьезную уязвимость британской армии перед угрозой тропических инфекций. Опираясь на достижения санитарной науки середины XIX в., Дж.Р. Мартин, Ф. Найтингейл, Ч.А. Гордон и другие британские санитаристы рекомендовали британской колониальной администрации улучшить условия размещения британских войск, уделив особое внимание вопросам дренажа и водоснабжения военных городков и госпиталей. Кроме того, забота о здоровье британских военных в Индии предполагала адаптацию их диеты и одежды к условиям местного климата, а также обеспечение физического и социального разделения воинского контингента с местным населением, поскольку, как утверждалось, именно из антисанитарных «туземных» кварталов исходила главная угроза для здоровья европейцев.

Продолжение санитарных реформ в контексте изменения методов управления

Необходимость защиты здоровья британских солдат и сравнительно малочисленного европейского населения в Индии стала причиной начала санитарных реформ в начале 1860-х годов. Опираясь на новые санитарно-медицинские знания, впервые апробированные на территории метрополии в 1840-е годы, колониальные санитарные чиновники считали важным не столько обеспечить акклиматизацию европейцев к тяжелому индийскому климату, сколько изменить окружающую физическую и социальную среду, максимально защитив их от контактов с местным населением. Основным источником опасности для военных городков и анклавов с европейским населением считались окружающие их со всех сторон густонаселенные «базары». Логика вещей подсказывала, что вслед за началом санитарных мероприятий в британских гарнизонах должны были начаться санитарные мероприятия на территории, заселенной индийцами. Между тем сделать решающий шаг в

этом направлении британцы долгое время не решались. Для этого было несколько причин: 1) сохраняющийся страх колониальных властей перед индийцами, еще живой после народного восстания; 2) традиционная нехватка средств; 3) отсутствие политической воли; 4) отсутствие достаточного количества союзников из числа индийцев, которых бы можно было привлечь к осуществлению санитарных реформ на территории Британской Индии.

Тем не менее повод для санитарных вмешательств с необходимостью нашелся. В 1861 г. на севере Индии в очередной раз распространилась холерная эпидемия. В ответ на нее в том же году колониальные власти создали Холерную комиссию, которой было поручено провести масштабное санитарное обследование по всей Индии и по возможности установить причины болезни. Возглавивший комиссию Джон Стрейчи (1823–1907), впоследствии генерал-лейтенант Северо-Западных провинций, представил отчет, в котором проанализировал ситуацию в 21 регионе Индии, изложил представления о возможных причинах болезни и представил перечень санитарных рекомендаций, к которым были отнесены: 1) очищение зданий; 2) прекращение контактов с зараженными территориями; 3) надлежащее погребение мертвых; 4) уничтожение одежды и постельного белья умерших и целый ряд других [32]. Примечательно, что работа Холерной комиссии совпала по времени с работой Королевской комиссии по изучению санитарного состояния войск в Индии, что говорит о чрезвычайной важности событий, связанных с холерой.

Между тем значение холерной эпидемии 1861 г. не ограничилось сказанным выше. Поскольку в течение следующих пяти лет за ней последовали и другие холерные эпидемии, которые в конечном итоге докатились до самой Великобритании, то это вынудило власти британского королевства принять более решительные меры против холеры на территории метрополии и ввести в 1866 г. соответствующее санитарное законодательство [2]. Кроме того, череда этих эпидемий вызвала серьезную обеспокоенность европейских стран, таких как Франция и Турция, заявивших, что территория Индии является источником постоянной опасности для Европы и поэтому во всех портах на Красном море и на Средиземноморье следует ввести карантин. Для обсуждения этого вопроса в 1866 г. в Стамбуле (Константинополе) была созвана Междуна-

родная санитарная конференция. Собравшиеся на ней представители европейских стран потребовали от Великобритании принятия решительных мер по противодействию холере в Индии. На данной конференции, как и после нее, британские представители, защищавшие принцип свободной торговли, решительно высказались против принятия карантинных мер [17]. В результате, вынужденные реагировать на претензии других великих держав, британские власти в Индии встали перед необходимостью перейти к санитарным улучшениям на всей территории страны.

С этой целью ими было принято решение исследовать наиболее передовой европейский опыт профилактики холеры, который мог бы быть созвучен их собственным представлениям. Важную роль в этой истории сыграли два британских санитарных врача – Тимоти Ричардс Льюис (1841–1886) и Дэвид Дуглас Каннингем (1843–1914). После непродолжительного обучения в Мюнхене у М. Петтенкофера в 1869 г. оба они прибыли в Калькутту, где и взялись использовать его санитарную теорию. Их позиция (по вопросу о холере ее в большей степени изложил Т.Р. Льюис) нашла отражение в одном из санитарных отчетов, в котором были представлены аргументы против использования холерных карантинных и предложения о введении санитарных улучшений [29].

В то время как санитарные обследования продолжались, во всех военных городках, тюрьмах и больницах были усилены практические санитарные меры, такие, как: 1) улучшение дренажа; 2) проверка источников воды; 3) эвакуация из зараженных районов; 4) размещение европейских войск на возвышенностях; 5) заразных больных изолировали; 6) казармы и больницы подвергали дезинфекции; 7) более строго соблюдались запреты на посещение солдатами индийских городов или районов, пораженных холерой; 8) в соответствии с рекомендациями Константинопольской санитарной конференции вокруг военных гарнизонов выставлялись карантинные кордоны, призванные предотвратить проникновение лиц, подозреваемых в носительстве холеры, в места размещения британских солдат [9; 33]. Британцы сочетали санитарные и карантинные меры, поскольку объективного знания о причинах распространения холерной инфекции еще не существовало.

Работа Королевской комиссии по изучению санитарного состояния войск в Индии стимулировала работу санитарной полиции на территории военных городков. Уже в отчете за 1864 г. сообщалось, что она была наделена полномочиями вмешиваться в жизнь индийского населения и требовать соблюдения санитарной чистоты в индийских кварталах и даже в жилищах индийцев [33]. Однако, как сообщает М. Харрисон, по-видимому, офицеры медицинской службы делали это неохотно, опасаясь вызвать недовольство местного населения. Поэтому британские санитарные врачи настаивали на создании специальных санитарных комитетов для проверки санитарного состояния индийских деревень, в особенности тех, что располагались вверх по течению рек, вблизи от военных городков. Наконец, в 1877 г. индийское правительство, сознавая важность заботы о здоровье британской армии, дало право таким комитетам проводить санитарные инспекции во всех деревнях, находящихся на расстоянии пяти миль от военных городков. Теперь комитеты могли требовать от местного населения, чтобы проводилась уборка мусора, строились общественные туалеты, ремонтировались колодцы [15].

Деятельность комитетов, сопровождавшаяся организацией санитарных мероприятий, требовала привлечения дополнительных средств. Предполагалось, что они будут взиматься посредством налогов с местного населения. Однако для того чтобы введение таких налогов стало возможным, требовалось позволить местной индийской элите – крупным помещикам и представителям буржуазии – участвовать в местных органах власти. Иначе говоря, расширение масштаба санитарных реформ требовало изменения системы местного управления.

Такие изменения стали возможны после прихода на место премьер-министра Великобритании лорда Уильяма Гладстона (1809–1898), который, будучи членом либеральной партии, всячески выступал за развитие местного самоуправления и был главным инициатором предоставления самоуправления Ирландии. В период его второго премьерства (1880–1885) вице-королем Индии был назначен Джордж Фредерик Робинсон, 1-й маркиз Рипон (1827–1909), который на этом посту (1880–1884) также провел серию административных преобразований, направленных на расширение

полномочий местных органов власти и включение в них представителей индийской общественности.

Созданные в конце 1870-х годов местные органы самоуправления – мофуссильские (mofussil) муниципальные комитеты, в состав которых вскоре были включены представители индийской элиты, стали заметным явлением в истории санитарных реформ в Индии. Согласно М. Харрисону, с 1881 г. с них было снято бремя расходов на содержание полиции, поэтому с этого момента они смогли значительно увеличить расходы на проведение санитарных улучшений – прежде всего на строительство и ремонт колодцев и на уборку мусора [15]. Начиная с 1880/81 фин. г. расходы мофуссильских муниципальных комитетов на санитарную работу постепенно росли, но не линейно, а от случая к случаю.

Наряду с мофуссильскими муниципальными комитетами в решение вопросов санитарии были также вовлечены местные и окружные советы Мадраса, Бенгалии и Бомбея, созданные в соответствии с Законом о местном самоуправлении 1885 г. [5] и функционирующие на провинциальном уровне и в сельской местности. С их стороны отчисления на санитарную работу были скромнее и в целом стали осуществляться позднее, чем со стороны муниципальных комитетов. Для Мадраса они впервые фиксируются с 1889/90 фин. г., а для Бенгалии и Бомбея – с 1891/92 г.

Различия в отчислениях на санитарную работу на муниципальном и провинциальном уровнях проистекали из масштабов экономической деятельности, ведущейся в городах и сельской местности. Города были богаче и стоявший перед ними круг задач в сфере санитарии, несомненно, был значительнее, чем в сельской округе, где к тому же население с меньшим энтузиазмом относилось к санитарным улучшениям в европейском стиле.

Несмотря на заметный прогресс в финансовом обеспечении санитарных улучшений, как в городах, так и в сельской местности, следует отметить тот факт, что речь шла о стране с населением в 6–8 раз превышающей численность населения Великобритании. По расчетам А. Клейна численность населения Индии в XIX в. росла следующим образом. 1800 г. – 120 млн человек, 1834 г. – 130 млн, 1855 – 175 млн, 1867 г. – 194 млн, 1871 г. – 203 млн (по другим оценкам 255 млн), 1881 г. – 250 млн (по другим оценкам 257 млн), 1891 г. – 280 млн, 1901 г. – 284 млн, 1911 г. – 303 млн, 1921 –

306 млн [19]. Неслучайно поэтому, что Харрисон постоянно упоминает о незначительности успехов в санитарной сфере, достигнутых практически на всей территории колонизованной страны, за исключением отдельных достижений в больших городах.

Таблица 2

Доходы мофуссильских муниципальных комитетов трех президентств Британской Индии и их отчисления на санитарию (округленно), 1880–1911 гг.

	Доходы в млн рупий	Отчисления в млн рупий	Процент отчислений
Мадрас			
1880–1881	1,5	0,4	25,5%
1884–1885	1,9	0,6	33,2%
1890–1891	2,1	0,7	33,5%
1895–1896	2,9	1,6	56,2
1900–1901	3,2	1,7	54,3%
1905–1906	4,0	2,5	61,3%
1910–1911	5,6	3,5	63,2%
Бенгалия			
1880–1881	2,8	0,7	24%
1884–1885	3,0	1,2	40,3%
1890–1891	3,1	1,3	42,9%
1895–1896	4,5	2,3	51,5%
1900–1901	5,0	2,2	44,5%
1905–1906	5,0	1,9	38,6%
1910–1911	8,8	3,0	34,6%
Бомбей			
1880–1881	2,1	0,8	35,7%
1884–1885	3,0	0,7	22,1%
1890–1891	3,5	0,7	19,8%
1895–1896	4,7	2,1	45,3%
1900–1901	6,8	1,4	21,1%
1905–1906	6,8	1,7	27,2%
1910–1911	9,2	2,5	27,8%

Таблица 3

**Доходы местных и окружных советов трех президентств
Британской Индии и их отчисления на санитарию
от общего, 1889–1915 гг.**

	Доходы в млн рупий	Отчисления в млн рупий	Процент отчислений
Мадрас			
1889–1890	1,5	0,5	37,7%
1890–1891	8,1	0,5	6,7%
1895–1896	7,5	0,5	6,6%
1900–1901	12,0	0,5	4,0
1905–1906	16,0	0,6	3,8%
1909–1910	21,0	0,8	3,8%
Бенгалия			
1891–1892	6,2	0,2	3,2%
1895–1896	6,7	0,3	4,3%
1900–1901	7,0	0,5	7,0%
1905–1906	6,9	неизвестно	неизвестно
1909–1910	7,5	1,3	17,3%
1914–1915	10,0	1,7	17,2%
Бомбей			
1891–1892	2,5	0,3	13,3%
1895–1896	3,8	0,5	13,6%
1900–1901	4,5	0,3	7,1%
1905–1906	4,3	0,3	6,4%
1909–1910	6,5	0,4	6,4%
1914–1915	7,8	0,4	4,8%

Можно заметить, что в Мадрасе значительный рост вложений в санитарию был достигнут к середине 1890-х годов, после чего он хотя и не с такими темпами, но все равно продолжал набирать обороты. В то же время в Бенгалии и Бомбее, где к середине 1890-х годов также был замечен рост вложений в санитарию, затем наблюдался серьезный спад, причем в Бомбее во второй половине 1890-х годов в 2,5 раза. В самом деле, если учесть постоянный рост доходов мофуссильских муниципальных комитетов трех президентств, то причины резкого снижения расходов на санитарию в Бенгалии и Бомбее следует связать с внешними событиями этих лет. Главным из них была эпидемия чумы, начавшаяся в 1896 г. и

поразившая значительную часть территории Индии. Хорошо известно, что она вызвала панику во всех европейских странах, за которой последовало принятие серьезных мер по обеспечению противочумной безопасности в этих странах, но в самой Индии ситуация была крайне тяжелой. А. Клейн оценил масштаб потерь в Индии за 1897–1920 гг. следующим образом [20].

Таблица 4

Показатели смертности в Индии, 1897–1920 гг.

Год	Число умерших в тыс.	Уровень смертности на тыс. человек	Год	Число умерших в тыс.	Уровень смертности на тыс. человек
1897	48	0,2	1907	1116	5,2
1898	89	0,5	1910	413	1,8
1899	102	0,5	1911	735	3,1
1900	74	0,3	1915	380	1,6
1904	906	4,1	1920	99	0,4

Высокая смертность среди индийцев от эпидемии сопровождалась распространением голода. Бомбей, являвшийся «морскими воротами» Индии на западной части страны, и Бенгалия, где до 1911 г. находилась столица колонии (Калькутта), стали наиболее пострадавшими частями колонизованной страны, как и Пенджаб [20].

Таблица 5

Показатели смертности от чумы в различных частях Индии

Провинция	Население в млн (1911 г.)	Смертность в млн (1896–1920)
Бомбей	16,1	1,87
Бенгалия	85,8	1,00
Мадрас	39,1	0,10
Пенджаб	19,6	2,64

Снижение расходов на санитарию во второй половине 1890-х годов в Бомбее и Бенгалии стало реакцией на чуму и голод в сельской местности. Лишь к середине 1900-х годов вновь начинается рост вложений в санитарное дело. Опыт, накопленный в ходе борьбы с холерой и дизентерией в XIX в., оказался практически неприменим для противодействия чуме. Тем не менее реакцией на чуму стало стремление продолжить санитарные преобразования.

Санитарные чиновники связывали их с необходимостью решения проблемы трущоб – сноса ветхих жилищ и постройки на их месте более комфортабельных зданий, а также продолжения работ по благоустройству водопровода и канализации. Особенно амбициозные планы выдвигались в городах со значительной долей европейского населения – Бомбее, Калькутте, Ахмадабаде (бомбейское президентство, ныне центр штата Гуджарат). В Бомбее в 1905 г. выдвигались планы переселения 300 тыс. человек. Но на практике это было почти невозможно. В результате к 1912 г. в жилищные улучшения затронули только 10% населения из наиболее перенаселенных районов города, причем улучшения осуществлялись не за счет сноса старого жилья, а посредством перестройки уже существующего [15].

Морально-психологическое воздействие эпидемии чумы на колониальную администрацию в Индии, требования других западных стран к Британскому правительству улучшить меры в области санитарии и нераспространения чумы из Индии в Европу в совокупности с благоприятной экономической конъюнктурой первой половины 1900-х годов способствовали относительно успешному продвижению санитарной реформы. В период с 1908 по 1912 г. правительство Индии несколько раз подряд выделяло финансовую помощь провинциальным органам власти на санитарные цели: в 1908 г. – 3 млн рупий, в 1910–1911 гг. – 5,7 млн, в 1911–1912 – еще 5 млн рупий [15]. Но приходится вновь констатировать, что в масштабе огромной страны все это было каплей в море. Санитарные улучшения осуществлялись фрагментарно, в основном в районах с преобладающим европейским населением и в кварталах, где проживали представители новой индийской буржуазии. Для полноценного санитарного прогресса не хватало всего – средств, специалистов, политической воли. Еще хуже была ситуация в сельской местности, где даже самые инициативные британские санитарные чиновники сталкивались с теми же самыми препятствиями, но в еще большем масштабе. Крупные индийские землевладельцы, неся значительные расходы на оказание помощи своим работникам, страдающим от малярии, стремились экономить на санитарии, а местное сельское население не испытывало симпатии к санитарно-инженерным сооружениям, ассоциирующимся с британским вмешательством в их жизнь. Как позже отмечал Дж. Не-

ру, лишь индийская буржуазия, получившая западное образование и проживавшая в городах, была склонна к принятию британских инноваций [1].

Вопрос о том, почему санитарный прогресс в Индии не мог идти столь высокими темпами, как в Великобритании или других западных странах, имеет несколько ответов. Британский историк середины XX в. Х. Тинкер считал, что его сдерживали: 1) нехватка доходов на местах; 2) финансовые трудности индийского правительства; 3) недоверие к санитарии со стороны населения [34]. Представители критической (антиколониальной) истории здравоохранения, Р. Рамасуббан, Ш. Уотс и Д. Арнольд, утверждают, что причины этого лежат в другой плоскости – 1) неготовности колониальных властей поддерживать реформаторскую инициативу с мест [25; 26]; 2) нежелание нести расходы на санитарные улучшения в колонизованной стране [35]; 3) стремление по-настоящему защищать только колониальные анклавы, знать и контролировать здоровье своих подданных [3; 4]. М. Харрисон попытался сгладить противоречия между этими подходами, подчеркивая, что: 1) неготовность британского правительства вмешиваться в жизнь индийской общины с санитарными улучшениями была следствием исповедуемой им политики реформизма; 2) в любом конкретном районе Индии развитие санитарного дела зависело от динамичного взаимодействия с правительством, муниципальными комиссиями, санитарными врачами, местной ситуацией с доходами и местным населением; 3) отношение со стороны индийцев к санитарным улучшениям варьировалось от сочувственного отношения до откровенного неприятия [15; 16]. Представляется, что заслуживает поддержки попытка М. Харрисона занять сбалансированную позицию, но при этом очевидно, что и его суждение, не менее «нагружено ценностями», чем у представителей критической историографии.

В целом, продолжение санитарных реформ в Индии во второй половине XIX в. было связано с попытками колониальных властей предотвратить угрозы для здоровья британских солдат, исходившие из населенных индийцами городских кварталов и соседних деревень. Важными факторами для усиления масштабов такого вмешательства стали холерные эпидемии первой половины 1860-х годов и эпидемии чумы конца XIX – начала XX в. В обоих

случаях этому вмешательству способствовали требования других западных стран к Великобритании о проведении более эффективной санитарной политики и предотвращении распространения эпидемий за пределы Индии. Новые подходы к управлению Индией, связанные с либеральной политикой лорда Рипона, привели к появлению в середине 1880-х годов местных органов самоуправления с участием индийцев. На них были возложены обязанности по осуществлению санитарных улучшений на провинциальном уровне. Деятельность этих органов не была столь же эффективной как в Европе, и среди современных историков продолжается дискуссия о причинах замедления санитарного прогресса в Индии на рубеже XIX и XX вв. Представляется, что причинами этого был масштаб санитарных проблем, с которыми столкнулись британцы, традиционная нехватка средств на санитарные улучшения и неоднозначное отношение большей части населения Индии к британской санитарии, которая ассоциировалась с колониальным господством британцев.

Санитарные реформы в Калькутте

Калькутта была столицей Британской Индии до 1911 г. Именно здесь возникали первые инициативы в области санитарной реформы, городского планирования, строительства больниц и диспансеров. Калькутта была первым в Индии городом, где была основана школа западной медицины (1835) и наблюдался расцвет индийской медицинской профессии. Историю санитарных реформ в Калькутте невозможно рассматривать исключительно в локальном контексте и даже как часть только индийской истории. При британцах Калькутта стала глобальным городом, тесно связанным с остальным миром посредством морской торговли и маршрутами, по которым десятки тысяч паломников двигались из Индии к мусульманским святыням на Аравийском полуострове. Франция, Турция, Россия и другие державы настойчиво требовали от британского правительства в Индии соблюдения карантинного режима в портах Красного моря, Суэцком канале и Средиземном море. Как показывает С. Мишра, эти требования создавали сложности для британской «свободной торговли», порождали финансовые трудности для колониальной администрации в Индии и вызывали постоянные трения между британскими властями и их мусульман-

скими подданными [22]. Британское правительство в Индии вынуждено было соглашаться с решениями международных санитарных конференций, а также было вынуждено проводить санитарные улучшения в портовых городах Индии, прежде всего в Калькутте – городе-порте, расположенном почти в 150 км от Бенгальского залива

Будучи форпостом британского колониализма в Индии, Калькутта возникла как небольшой защищенный форт в Бенгалии в 1690 г. К 1712 г. британцы выстроили на его основе небольшой город, получивший название Форт-Уильямс. После 1757 г., когда британцам удалось низвергнуть власть Бенгальского набоба, Форт-Уильямс превратился в столицу Британской Индии – Калькутту. Уже к концу XVIII в. она была известна как «город дворцов» и самый быстро растущий колониальный город мира. При этом постепенно стала складываться колониальная топография города: британцы расселились в так называемом Белом городе – в южной части Калькутты вокруг старого форта, а прибывающее в город индийское население расселялось в Черном городе, в северной части Калькутты. Между этим двумя частями Калькутты располагались кварталы со смешанным космополитическим населением – персами, греками, армянами, евреями и др. В годы правления генерал-губернаторов Ричарда Уэлсли (1798–1805) в Калькутте были предприняты первые амбициозные попытки по благоустройству города. Вокруг него были осушены болота и снесены местные деревушки, а в самом городе были построены первый водопровод и система канализации. К 1837 г. площадь Калькутты достигла 5 тыс. гектаров, на которых проживало 200 тыс. человек. В 1911 г. площадь столицы Британской Индии выросла до 13 тыс. гектаров, на которых жило уже 900 тыс. человек [10].

А. Гхош отмечает, что в большинстве исследований по истории Калькутты преобладал нарратив, ассоциированный с населявшим ее средним классом. В своем собственном исследовании о Калькутте она сумела представить историю, в которой впервые зазвучали голоса выходцев из социальных низов. Калькутта была городом контрастов. Особняки Белого города в нем тесно соседствовали с трущобами Черного города, и все попытки колониальных властей обеспечить сегрегацию туземного населения наткнулись на сопротивление со стороны последнего. После того как в

1870 г. был построен мост через реку Хугли (приток Ганга), разделявшую южную и северную части Калькутты, город окончательно стал единым целым, и политика сегрегации, проводимая британцами, изжила себя. Если для британцев Калькутта была местом их господства и источником бесконечных богатств, то для растущего индийского населения, особенно для его низов, она была местом их унижения и отчаянной бедности [10].

Одним из важнейших источников богатств Калькутты стал джут, который перерабатывался на местных текстильных фабриках и продавался по всему миру. Джутовые плантации Бенгалии тянулись на многие километры в местах, где прежде царили джунгли. Британцы поощряли вырубку коммерчески ценных пород леса уже в XVIII в. Тысячи вековых тиковых деревьев вырубались для нужд британского флота и вывозились из страны. К середине XIX в. по инициативе британцев вырубка других крупных деревьев усилилась: из них изготавливались шпалы для железных дорог. В. Шива указывает, что эта беспощадная вырубка леса в интересах британской коммерции подорвала традиционную индийскую экономику. По ее словам, лес был источником жизни для сотен тысяч индийских хозяйств, которые жили за счет его даров. Индийские женщины собирали в лесу плоды и воду, кормили скот, заготавливали хворост, получали лекарства. Вырубка лесов в середине XIX в. лишила их источников жизни и пропитания, а в 1878 г., когда было принято лесное законодательство (Forest Acts), индийцы были лишены и самого права на пользование дарами леса [28].

Представляется, что существует строгая корреляция между процессом вырубки лесов в Индии и быстрым ростом населения в таких городах, как Калькутта, которая в этих условиях стала пристанищем для десятков тысяч людей, утративших самую возможность вести прежний образ жизни. Отчасти на этот факт обращают внимание и британские авторы начала XX в., писавшие об истории лесоводства в Индии [30; 31], а впоследствии и индийские исследователи, связавшие между собой вопрос о санитарных реформах в Калькутте и вырубке бенгальских лесов [24]. В отличие от Великобритании, где урбанизация начала XIX в. была обусловлена потребностями быстро растущей промышленности, в Британской Индии она в основном была вызвана вырубкой лесов и возникновением товарных форм землепользования.

Анализируя историю эпидемий в Британской Индии, Ш. Уоттс связывает между собой вспышки холеры, захлестнувшие индийский субконтинент в XIX в., именно с вмешательством британцев в индийскую экологию и навязыванием ими индийцам новых моделей землепользования [36]. Несложно представить поэтому, что для десятков тысяч индийцев, прибывавших в Калькутту, этот город был символом их страданий и местом вынужденного пребывания, который они стали обживать, лишившись родного дома в лесной деревне. В исследовании Гхош большое внимание было уделено как раз этой категории жителей Калькутты – ее отверженным, уличным боснякам, бродячим артистам, проституткам, мелким жуликам. По сравнению с их новой судьбой жизнь домашней прислуги и работников джутовых фабрик выглядела уже более респектабельной [10].

Городское пространство Калькутты к середине XIX в. представляло собой смешение дворцов и трущоб, поэтому британские власти неизменно стояли перед задачей привести к порядку многочисленное индийское население. Первоначально основным средством для этого было полицейское насилие. После Индийского народного восстания конца 1850-х годов и в связи с ускоренным ростом населения эта мера стала выглядеть как неэффективная и несовременная. Как и повсюду в колониальном мире, во второй половине XIX в. британская элита в Калькутте стала склоняться к тому, чтобы передоверить часть управления городом самой индийской общине, а также начать модернизацию городского пространства с помощью санитарии.

В 1866 г. в Калькутте была назначена Санитарная комиссия, которая должна была изучить условия жизни населения и его взаимодействие с военным гарнизоном. В 1868 г. на Калькутту был распространен Закон о заразных болезнях, призванный защитить солдат от венерических заболеваний. В 1875 г. была введена должность портового санитарного врача, который был придан в подчинение санитарному комиссару. С 1881 г. при вице-короле Британской Индии лорде Рипоне в Калькутте началось создание местных органов управления с участием в них представителей местной индийской элиты – индусов и мусульман. В городе были образованы муниципалитеты, а в сельской округе – окружные советы. В их обязанности входили: привлечение средств для обеспе-

чения общей санитарии в городе; забота о дренаже; водоснабжении; содержание больниц и диспансеров. Консультации по вопросам санитарии они должны были получать от офицеров медицинской службы. Взаимодействие тех и других оказалось серьезной проблемой. Рекомендации санитарно-медицинских работников зачастую попросту игнорировались, в то время как сами рекомендации весьма часто носили поверхностный характер. Механизм общественного здравоохранения долгое время оставался слабым как с точки зрения решаемых задач, так и с точки зрения их исполнения [24].

В первой половине XIX в. среди европейцев сложилось мнение, что в силу своих культурных привычек индийцы не способны к тому, чтобы отвечать за состояние общественного здравоохранения. Описывая жизнь и быт индийцев в Калькутте, Дж.Р. Мартин сетовал на то, что большинство из них склонно жить в условиях антисанитарии [21]. После того как в 1880-е годы индийцы были привлечены к участию в органах местного самоуправления, некоторым из них пришлось взяться за те же вопросы, которые стояли и перед европейскими санитарными чиновниками. Однако необходимость привлечения средств для осуществления санитарных улучшений стала настоящим камнем преткновения. Позиции разных групп индийского населения в Калькутте по этому вопросу были совершенно различны. Представители старой и новой индийской земельной знати по-разному смотрели на необходимость санитарных улучшений, а внутри новой земельной аристократии (бхадралок) существовали различия между знатными землевладельцами (абхиджаты) и простыми домохозяевами (грихастхи). Последние, получив европейское образование, были особенно недовольны преобладанием европейцев в местных органах самоуправления и видели свою цель в монополизации власти. Эти социальные различия нашли отражение в политических позициях. В Бенгалии выразителем явных антибританских интересов стали патриотические силы, сосредоточенные вокруг фигуры Сурендранатха Банерджи (1848–1925) – создателя Индийской национальной ассоциации (1876), а затем и одного из лидеров Индийского национального конгресса (1885). Для Банерджи и его соратников британские проекты в области санитарии были прежде всего выражением британского колониализма [12]. Помимо того, что

санитарная проблематика четко ассоциировалась с британским присутствием в Индии, недовольство со стороны антибритански настроенных индусов вызывало и то, что для осуществления санитарных мер требовались значительные финансовые вложения со стороны как индусов, так и мусульман.

Основными проблемами в области санитарии, с которыми с необходимостью столкнулась колониальная администрация Калькутты, были: 1) неудовлетворительная дренажная система; 2) отсутствие полноценного водоснабжения; 3) постоянный сброс нечистот с реку Хугли. Предоставив местным органами самоуправления право самостоятельно разобраться в этом вопросе, британская администрация вынужденно столкнулась с тем, что дело совершенно не движется с мертвой точки. До определенного момента эта стагнация не вызывала реакции с ее стороны, но ситуация всякий раз обострялась, когда Калькутта оказывалась в эпицентре эпидемий. Холерные эпидемии 1860-х годов вызвали всплеск активности в плане улучшения водоснабжения. По данным, которые приводит М. Харрисон, в 1867 г. муниципальная комиссия Бенгалии смогла привлечь кредит в размере 5,2 млн рупий от правительства Бенгалии для строительства огромного резервуара в центре города и прокладки 67 миль водопроводных труб с системой насосов для подачи фильтрованной воды [15]. Несмотря на то что значительная часть индийской общины была недовольна такими большими расходами, значение вновь созданной системы водоснабжения для состояния общественного здоровья в целом было положительным. Как показывает А. Клейн, смертность от холеры и диарейных инфекций в Калькутте после создания водопроводного водоснабжения стала снижаться [19].

Причины, по которым значительная часть европейского населения и британские власти Калькутты были готовы передоверить индийской общине значительную долю ответственности за здравоохранение, тоже имеют свое объяснение. Более комфортные условия проживания в европейских кварталах Калькутты неизменно порождали со стороны британцев стремление отодвинуть вопрос о санитарных улучшениях городского пространства на второй план. Однако, как уже было показано ранее, эпидемия чумы, разразившаяся в 1896 г. заставила британскую администрацию перейти к более настойчивым действиям. Уровень смертности от чу-

**Санитарные реформы в колониальной Индии во второй
половине XIX в.**

мы в Калькутте в 1890-е годы вырос сравнительно невысоко [19], но морально-психологическое воздействие чумы на воображение британской общины было весьма значительным.

Таблица 6

**Показатели смертности от холеры, дизентерии и диарей
в Калькутте**

Годы	Холера	Дизентерия и диарея
1865	4243	3315
1866	5990	3809
1867	2270	2398
1868	4195	2414
1869	3582	2000
1870	1558	1699
1871	796	1488
1872	1102	1365
1873	1105	1351
1874	1204	1358

Таблица 7

**Показатели смертности по районам и группам населения в
Калькутте**

Район	Состав населения	1880– 1889 гг.	1890– 1899 гг.	1899– 1912 гг.
Парк стрит	Европейцы	14	14,5	10,5
Бурра Базар	Индийские коммерсанты	30	30	29
Джорабаган	Индийские торговцы, резиден- ты	31,5	32,5	40,5
Джорасанко	Индийские резиденты, обита- тели бусты (трущоб)	34,5	34,5	35,5
Гастингс	Ласкары (матросы или солда- ты индийского происхожде- ния), кули (разнорабочие), пенсионеры	44	40	38

В 1897 г. в Бомбее от чумы скончалось 48 тыс. человек, а в 1898 г. – еще 86 тыс. [19]. Несмотря на то что не только в Калькутте, но и во всей Бенгалии смертность от чумы была на порядки ниже – около 155 смертельных случаев в апреле-мае 1898 г., известия из Бомбея весьма впечатлили муниципальную комиссию

Калькутты. Еще более впечатляющим, очевидно, был тот факт, что в Бомбее полностью остановилась промышленность и морская торговля. Для британской и индийской элиты Калькутты повторение бомбейской трагедии мыслилось как нечто невыносимое. Немедленно были выделены средства на противочумные мероприятия – надзор и санитарную обработку на железной дороге и в порту, а также организацию противочумных больниц с правом принудительной госпитализации заболевших [7; 8]. Впрочем, власти Калькутты не очень сильно настаивали на принудительной госпитализации заболевших индусов в специально построенную чумную больницу. Чаще они использовали для этих целей уже существовавшие общие больницы. Более того, даже к этой мере прибегали лишь после того, как с заболевшим и его семьей проводились переговоры. Это было вызвано тем, что власти Калькутты не хотели повторения бомбейского опыта, где принудительная госпитализация и сегрегация вызвали протесты и бунты. В итоге серьезных волнений со стороны индийцев удалось избежать. Были даже случаи активного сотрудничества местного населения, включая сельское, с властями, когда деревенские жители следовали рекомендациям санитарных властей в плане профилактики заражения. Что же касается самих властей города, то они вынуждены были активно декларировать о своей готовности проводить санитарные мероприятия и противодействовать эпидемии. Ш. Чаттерджи полагает, что причиной этого была прежде всего международная репутация британцев, которые не могли более придерживаться традиционной либеральной политики невмешательства в сферу общественного здоровья на фоне других западных государств, действующих более решительно и результативно [6].

Постепенное угасание чумы в Бенгалии совпало с назначением лорда Джорджа Натаниэла Керзона (1859–1925) на должность вице-короля Индии (1899–1906). Будучи противником методов самоуправления и одним из самых деятельных британских политиков, Керзон провел реорганизацию Санитарного департамента, обязав санитарного комиссара при правительстве Индии организовывать санитарно-медицинские обследования по всей стране и консультировать правительство по вопросам санитарии и бактериологии. Введенная им система была реорганизована в 1912 г., в результате чего была создана провинциальная служба здраво-

охранения Бенгалии. Постановлением 1912 г. местным органам власти было разрешено выбирать санитарных комиссаров из числа сотрудников провинциального санитарного департамента. В 1912 г. также был создан Трест по улучшению Калькутты, в обязанности которого вошел вопрос о трущобах и благоустройстве города с учетом санитарных требований. В 1914 г. был принят Закон о муниципальном санитарном контроле в Бенгалии, который обязал бенгальский муниципалитет назначать санитарных инспекторов и санитарных врачей в муниципальных городах. Последующие меры были направлены на децентрализацию системы санитарного контроля и усиление ответственности местных властей [15; 24].

Наряду с созданием органов санитарного контроля Калькутта постепенно шла и по пути санитарных улучшений. В 1850-е годы были сделаны первые шаги по созданию городской водопроводной сети и канализации, но они касались лишь респектабельных кварталов Белого города. В Черном городе на севере Калькутты подача воды по трубам практически отсутствовала, а удаление нечистот осуществлялось ручным образом. Лишь в 1869 г. в северных районах города начались работы по прокладке канализационных сетей, но в 1876 г. из-за невозможности решить техническую проблему, связанную с промывкой канализации, пришлось прекратить подключение частных домовладений к канализации. К 1881 г. по всей Калькутте к канализации было подключено не более 20 тыс. домов, т.е. около половины от общего числа домов в городе, а количество частных туалетов, подключенных к канализации в 1885 г. составило 2829 туалетов, т.е. 8% от общего числа туалетов в городе. Помимо технических проблем сложности с подключением домовладений к канализационной сети были вызваны нежеланием домовладельцев, сдающих дома внаем, нести расходы на подключение. Еще одной причиной было нежелание индийцев иметь дело с трубной канализацией, предлагаемой городскими властями. Как показывает А. Гхош, индийцы рассматривали собственные дома как «личные святилища», а муниципальные санитарные законы и сопровождающие их трубы канализации как вторжение в их частную жизнь и диктат в отношении их интимных телесных привычек [10]. Вообще, дело в этом плане двигалось крайне медленно, и если подача воды по трубам в городские кварталы со временем стала приветствоваться, то использование труб, предназначенных для

удаления нечистот, вызывало вопросы у индийцев еще долгие десятилетия. В сущности, даже после Первой мировой войны, когда был достигнут значительный прогресс в благоустройстве города, вопрос о канализации и удалении нечистот еще долго оставался нерешенной проблемой для муниципальных властей.

В целом вплоть до 1911 г. Калькутта оставалась столицей Британской Индии, и британские колониальные власти прилагали большие усилия по благоустройству города. Между тем в течение XIX в. происходил драматический рост численности ее жителей, вызванный притоком в Калькутту наряду с европейским и иным космополитическим населением огромного числа индийцев. Причиной их появления была многолетняя вырубка лесов в Бенгалии, лишившая их возможности вести традиционное хозяйство и привычный образ жизни. Политика сегрегации, проводимая городскими властями, оказалась несостоятельной, и Калькутта превратилась в город, где дворцы соседствовали с трущобами. Во второй половине XIX в. под влиянием эпидемий холеры и чумы городские власти были вынуждены заняться санитарными улучшениями во всем городе. В 1850-е годы сети водопровода и канализации были проложены на юге Калькутты, где были расположены европейские кварталы, а с конца 1860-х годов аналогичная работа была начата в северной части города, где преобладало индийское население. Однако неспособность местных органов самоуправления эффективно решать стоящие перед ними задачи, а также нежелание большей части простых индийцев мириться с санитарными вмешательствами в их жизнь и посягательством на их телесные привычки, способствовали тому, что ни в 1880-е годы, ни после Первой мировой войны массовых санитарных улучшений в жизни индийского населения Калькутты не произошло.

Список литературы

1. Неру Дж. Открытие Индии. Кн. 2. – Москва : Политиздат, 1989. – 507 с.
2. An Act to Amend the Law Relating to the Public Health, 7th August 1866 // *Victoriae Reginae*. Cap. 90. – London : Printed by George Edward Eyre and William Spottiswoode, 1866. – P. 805–828.
3. Arnold D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India. – Berkeley : University of California Press, 1993. – 368 p.
4. Arnold D. Medical Priorities and Practice in Nineteenth-Century British India // *South Asia Research*. – 1985. – Vol. 5. – P. 167–183.

*Санитарные реформы в колониальной Индии во второй
половине XIX в.*

5. Bengal Local Self-Government Act: Being B.C. Act III of 1885, with Election Rules and C. – Durbhanga : The Union Press, 1886. – 47 p.
6. Chatterjee S. Plague and Politics in Bengal 1896 to 1898 // Proceedings of the Indian History Congress. – 2005–2006. – Vol. 66. – P. 1194–1201.
7. Clemow F. The Plague in Calcutta // Lancet. – 1898. – N 152 (3916). – P. 738–742.
8. Cook J.N. Report on Plague in Calcutta // Lancet. – 1899. – N 154 (3982). – P. 1766–1767.
9. Cunningham J.M. Report on the Cholera Epidemic of 1875 in India: (Being Section I of the Annual Report of the Sanitary Commissioner with the Government of India for that year). – Calcutta : Office of the Superintendent of Government Printing, 1876. – 55 p.
10. Ghosh A. Claiming the City: Protest, Crime, and Scandals in Colonial Calcutta, c. 1860–1920. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 329 p.
11. Gordon C.A. Army Hygiene. – London ; Calcutta : John Churchill : R.C. Lepage, 1866. – 532 p.
12. Gordon L. Bengal: The Nationalist Movement, 1876–1940. – New Delhi : Manohar, 1979. – 407 p.
13. Harrison M. «The Tender Frame of Man»: Disease, Climate, and Racial Difference in India and the West Indies, 1760–1860 // Bulletin of the History of Medicine. – 1996. – Vol. 70, N 1. – P. 68–93.
14. Harrison M. Climates and Constitutions: Health, Race, Environment and British Imperialism in India 1600–1850. – Oxford : Oxford University Press, 1999. – 263 p.
15. Harrison M. Public Health and Preventive Medicine in British India, 1859–1914. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 324 p.
16. Harrison M., Pati B. Social History of Health and Medicine. Colonial India // Social History of Health and Medicine in Colonial India / Pati B., Harrison M. (eds.). – New York : Routledge, 2009. – P. 1–14.
17. Howard-Jones N. The Scientific Background of the International Sanitary Conferences, 1851–1938. – Geneva : World Health Organization, 1975. – 110 p.
18. Hume J.C. Colonialism and Sanitary Medicine: The Development of Preventive Health Policy in the Punjab, 1860 to 1900 // Modern Asian Studies. – 1986. – Vol. 20, N 4. – P. 703–724.
19. Klein I. Death in India, 1871–1921 // The Journal of Asian Studies. – 1973. – Vol. 32, N 4. – P. 639–659.
20. Klein I. Plague, Policy and Popular Unrest in British India // Modern Asian Studies. – 1988. – Vol. 22, N 4. – P. 723–755.
21. Martin J.R. Notes on the Medical Topography of Calcutta. – Calcutta : G.H. Huttman, 1837. – 181 p.
22. Mishra S. Beyond the Bounds of Time? The Haj Pilgrimage from the Indian Subcontinent, 1865–1920 // Social History of Health and Medicine in Colonial India / Pati B., Harrison M. (eds.). – New York : Routledge, 2009. – P. 31–44.
23. Nightingale F. Life or Death in India: A Paper Read at the Meeting of the National Association for the Promotion of Social Sciences, Norwich, 1873; With an Appen-

- dix on Life or Death by Irrigation, 1874. – London : Printed by Spottiswoode & Co., New-Street Square, 1874. – 63 p.
24. Palit C., Goswami T. Sanitation, Empire, Environment: Bengal (1880–1920) // Proceedings of the Indian History Congress. – 2007. – Vol. 68, N 1. – P. 731–744.
25. Ramasubban R. Imperial Health in British India, 1857–1900 // Disease, Medicine, and Empire: Perspectives on Western Medicine and the Experience of European Expansion / MacLeod R., Lewis M. (eds.). – New York : Routledge, 2022. – P. 38–60.
26. Ramasubban R. Public Health and Medical Research in India: Their Origins Under the Impact of British Colonial Policy. – Stockholm : Swedish Agency for Research Cooperation with Developing Countries, 1982. – 48 p.
27. Report of the Commissioners Appointed to Inquire into the Sanitary State of the Army in India: With Abstract of Evidence, and of Reports Received from Indian Military Stations. – London : Printed Under the Superintendence of H.M. Stationery Office, 1864. – 581 p.
28. Shiva V. Staying Alive: Women, Ecology and Development. – New Delhi : Kali for women, 1988. – 244 p.
29. Sixth Annual Report of the Sanitary Commissioner with the Government of India. – Calcutta : Office of the Superintendent of Government Printing, 1870. – 423 p.
30. Stebbing E.P. The Forests of India : in 2 vols. Vol. 1. – London : John Lane : The Bodley Head Limited, 1922. – 548 p.
31. Stebbing E.P. The Forests of India : in 2 vols. Vol. 2. – London : John Lane : The Bodley Head Limited, 1923. – 633 p.
32. Strachey J. The Second and Third Sections of the Report of the Commissioners Appointed to Inquire into the Cholera Epidemic of 1861 in Northern India / With an Account of the Epidemic by the President of the Commission. – Calcutta : O.T. Cutter, Military orphan press, 1864. – 301 p.
33. Suggestions in Regard to Sanitary Works Required for Improving Indian Stations Prepared by the Barrack and Hospital Improvement Commission. In Accordance with Letters from the Secretary of State for India in Council, Dated 8 th December 1863 and 20 th May 1864. – London : Printed by George Edward Eyre and William Spottiswoode for H.M.S.O., 1864. – 47 p.
34. Tinker H.R. The Foundations of Local Self-Government in India, Pakistan, and Burma. – London : The Athlone Press, 1954. – 376 p.
35. Watts S. Disease and Medicine in World History. – New York : Routledge, 2003. – 166 p.
36. Watts S. Epidemics and History: Disease, Power and Imperialism. – New Haven : Yale University Press, 1997. – 400 p.

МОЗИАС П.М.* ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПРИРОДО-ОХРАННАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ

Аннотация. За быстрый экономический рост последних десятилетий Китай «заплатил» резким ухудшением состояния окружающей среды. Экологическая политика китайских властей достаточно комплексна и многообразна. Она включает в себя не только правовые и экономические инструменты, но и методы политико-административного воздействия на общество. Однако результативность ее ограничивается влиянием лоббистских группировок, особенно на региональном уровне. Они заинтересованы в наращивании объемов производства промышленной продукции даже в ущерб среде обитания. Некоторое улучшение экологической ситуации в 2010-е – начале 2020-х годов было достигнуто благодаря усилению централизованного начала в природоохранной политике и возрастающему давлению на власть со стороны инициативных групп граждан и неправительственных организаций.

Ключевые слова: Китай; экология; загрязнения; окружающая среда; локальный протекционизм.

MOZIAS P.M. China's Ecological Troubles and Environmental Policy

Abstract. China has «paid» for the rapid economic growth of recent decades with a sharp deterioration of the environment. The environmental policy of the Chinese authorities is quite complex and diverse. It includes not only legal and economic instruments, but also methods of political and administrative influence on society. However, its effectiveness is limited by the influence of lobbying groups, espe-

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

cially at the regional level. They are interested in increasing the volume of industrial production, even to the detriment of the environment. Some improvement in the environmental situation in the 2010s – early 2020s was achieved due to the centralization in environmental policy and increasing pressure on the authorities from initiative groups of citizens and non-governmental organizations as well.

Keywords: China; ecology; pollution; environment; local protectionism.

Для цитирования: Мозиас П.М. Экологическая ситуация и природоохранная политика в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 4. – С. 97–128. DOI: 10.31249/RVA/2023.04.06

Тема конфликтных отношений между Человеком и Природой красной нитью проходит через всю китайскую историю. Ссылки на династийные циклы в традиционном, аграрном Китае обычно приводятся историками для иллюстрации действия мальтузианских закономерностей: растущее антропогенное давление на ограниченные земельные ресурсы периодически приводило к тяжелому социально-экологическому кризису. Учащались стихийные бедствия, эпидемии и случаи массового голода. Локальные восстания перерастали в гражданские войны. Правящая династия, а с ней и государство могли рухнуть как по внутренним причинам, так и в результате завоевания воинственными соседями. На какое-то время численность населения убывала, но затем, уже под властью следующей династии, цикл повторялся заново.

В период рыночных реформ рубежа XX–XXI вв. Китай, вроде бы, вырвался из этого порочного круга. Быстрая индустриализация сопровождалась демографическим переходом, т.е. устойчивый рост подушевого ВВП стал сочетаться с замедлением прироста населения. Однако массивное создание производственных мощностей в промышленности имело обратной стороной резкое ухудшение экологической ситуации. Нельзя сказать, что китайские власти к этому безразличны, их природоохранная политика достаточно комплексная. Однако эффективность ее вызывает большие вопросы. Эта проблематика активно обсуждается китайскими специалистами и их англоязычными коллегами.

Эксперты Всемирного банка [14] констатировали, что по состоянию на 2018 г. только в 11 из 74 китайских городов, где велся

мониторинг качества воздуха, его показатели соответствовали установленным в самом Китае санитарным нормам. Сильно загрязнены были 30% водных масс в крупных реках. Вредные вещества были найдены на 20% земельных площадей, занятых под сельское хозяйство, и 35% земель, отведенных под промышленную застройку. Наибольший уровень загрязнения почв отмечался в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян и в северо-восточных провинциях, т.е. как раз в самых индустриально развитых регионах КНР. Совокупные издержки, связанные с деградацией окружающей среды и истощением ресурсов, специалисты Всемирного банка оценили в 10% ВВП Китая [14, р. 20–21].

Чжэн Сыци (факультет урбанистики и планирования, Масачусетский технологический институт, Кембридж, США) и М. Кан (экономический факультет Университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США) [17] отмечают, что причины столь серьезных экологических проблем – выбросы вредных веществ с предприятий тяжелой промышленности, избыточное применение химических удобрений в аграрном секторе и, главное, использование угля на многочисленных ТЭС и для отопления в быту. Если в конце 1990-х годов Китай использовал угля в объеме около 1/3 от потребления его во всем мире, то в 2012 г. доли КНР и остального мира в глобальном потреблении угля почти сравнялись. Иными словами, быстрый рост китайского ВВП происходил параллельно с увеличением использования самого «грязного» энергоресурса. Соответственно, удельный вес КНР в мировых выбросах углекислого газа вырос с 12,8% в 2000 г. до 23,6% в 2012 г. Увеличились и выбросы двуокиси серы и окислов азота [17, р. 72].

Но прошли времена, когда атмосферное загрязнение периодически усиливалось под воздействием выбросов какого-то одного вредного газа. С 2013 г. в качестве главного индикатора состояния атмосферы в городах Министерство охраны окружающей среды (МООС)¹ КНР стало рассматривать концентрацию в воздухе частиц PM_{2,5} – мелких (диаметром менее 2,5 микрон) твердых частиц, образующихся вследствие комбинированного влияния многих поллютантов. Частицы PM_{2,5} могут проникать в организм

¹ С 2019 г. оно называется «Министерство экологии и охраны окружающей среды».

человека не только через органы дыхания, но и через кожу, вызывая тяжелые болезни.

В результате, полагают Чжэн Сыци и М. Кан, средняя продолжительность жизни в КНР растет медленнее, чем можно было ожидать, исходя из показателей прироста подушевого дохода. Причем эконометрические исследования показывают, что чем выше в том или ином регионе содержание частиц PM_{2,5} в атмосфере, тем больше там распространены сердечно-сосудистые заболевания и меньше средняя продолжительность жизни.

Из-за плохих экологических условий производительность работников и целых предприятий ниже, чем могла бы быть. Кроме того, для привлечения людей на экологически неблагоприятные рабочие места компании вынуждены устанавливать им более высокие зарплаты, а это ведет к разбуханию издержек и, соответственно, снижению конкурентоспособности. Провинции с высоким удельным весом тяжелой промышленности в структуре валового регионального продукта (ВРП) малопривлекательны для проживания и работы, и это сказывается на динамике их экономического роста. В свою очередь, в более благополучные провинции и города стремится больше мигрантов, а потому там выше цены на недвижимость, т.е. состояние среды обитания в условиях либерализации системы прописки и развития рынка жилья стало одним из факторов, определяющих динамику цен на активы.

От загрязнений меньше страдают более обеспеченные люди, имеющие возможность покупать фильтры для очистки воздуха, а также люди умственного труда, работающие в помещениях, а в большей мере испытывают на себе воздействие загрязнений люди бедные, занимающиеся физическим трудом. Состояние окружающей среды стало, таким образом, и фактором углубления социального неравенства в Китае, считают Чжэн Сыци и М. Кан [17, р. 79–81].

И это при том, что власти КНР задействуют широкий набор инструментов природоохранной политики. В Китае сложилось весьма объемное и дифференцированное экологическое законодательство. Его «стержень» – это Закон КНР об охране окружающей среды (принят в 1989 г., радикально изменен в 2014 г.). Его допол-

няет целый ряд правовых актов, касающихся отдельных, конкретных направлений природоохранной деятельности¹.

Задания по уменьшению эмиссии отдельных поллютантов и снижению удельной энергоемкости единицы ВВП включаются в пятилетние планы развития страны. Для их выполнения часто используется традиционный для Китая метод мобилизационных политических кампаний. Экологические показатели присутствуют и в системе оценки деятельности руководящих кадров на местах вышестоящими инстанциями.

С 2003 г. в некоторых регионах отработывался в экспериментальном порядке механизм торговли квотами на выбросы парниковых газов, а в 2021 г. была запущена общенациональная система рыночного перераспределения таких квот. Власти поощряют развитие «зеленых» финансов (внедрение на рынки кредитных, страховых и других финансовых продуктов экологической направленности) и возобновляемой энергетики (особенно солнечной и ветровой).

В 2010-е годы Китай стал более активно, чем раньше, участвовать в международных усилиях по предотвращению глобального потепления. В декабре 2015 г. КНР подписала Парижское соглашение по климатическим изменениям. В нем записаны обещания Китая, что его выбросы парниковых газов достигнут пика в абсолютном выражении к 2030 г., а затем начнут уменьшаться. В сентябре 2020 г., выступая на сессии Генеральной ассамблеи ООН, Си Цзиньпин анонсировал планы Китая достичь к 2060 г. углеродной нейтральности.

В научной литературе вообще достаточно распространено мнение о том, что авторитарные режимы обладают определенны-

¹В их числе: Закон КНР об охране окружающей среды морей и океанов (редакции 1982, 1999 гг.); Закон КНР о противодействии загрязнению водных ресурсов (1984, 1996, 2008); Закон КНР о предупреждении и борьбе с загрязнением водных объектов (2017); Закон КНР о предотвращении загрязнения почв (2019); Закон КНР о противодействии загрязнению атмосферного воздуха (1987, 2000); Закон КНР об охране диких животных (1988, 2004); Закон КНР о предотвращении загрязнения среды твердыми отходами (1995, 2004); Закон КНР о предотвращении шумового загрязнения окружающей среды (1996); Закон КНР о противодействии опустыниванию и контроле над ним (2001); Закон КНР о предотвращении радиоактивного загрязнения (2003); Закон КНР об охране морских островов (2009).

ми преимуществами в эффективности природоохранной политики по сравнению с демократическими государствами. С. Итон (Центр китайских исследований Оксфордского университета, Великобритания) и Г. Костка (Франкфуртская школа финансов и менеджмента, Германия) [7] следующим образом суммируют аргументы в пользу такой постановки вопроса. Авторитарные правительства автономны от социумов, которые даже склонны ценить решительность властей. Им не нужно принимать во внимание соображения, связанные с электоральным циклом, и сопоставлять экологические издержки с возможной утратой части голосов на выборах, т.е. учитывать настроения избирателей, которые одновременно выступают и как потребители, и как соискатели рабочих мест на предприятиях-загрязнителях. Поэтому они, как кажется, могут реализовывать долгосрочную стратегию по защите окружающей среды, в том числе осуществлять и непопулярные меры по ограничению природоразрушительного потребления и инвестиций в экологически «грязных» отраслях [7, р. 359–360].

А. Ахлерс (факультет политологии Университета Осло, Норвегия) и Шэнь Юндун (факультет государственного управления Чжэцзянского университета, Ханчжоу) [5] добавляют к этому, что в странах с авторитарными режимами природоохранные функции обычно сосредотачиваются в немногих правительственных структурах. Кажется относительно легким делом укомплектовать последние компетентными и некоррупцированными представителями элит. Подключение общества к осуществлению экологической политики сводится при этом к найму ученых и технократов в госведомства, а широкие слои населения просто мобилизуются на реализацию поставленных элитами экологических целей [5, р. 299–300].

Но насколько результативны в действительности те или иные конкретные инструменты китайской природоохранной политики?

Чжан Сюэхуа (Институт новой энергетики и низкоуглеродных технологий Сычуаньского университета, Чэнду) [16] описывает процесс экологического планирования следующим образом. Общие установки и сроки их достижения формулируются в пятилетних планах социально-экономического развития, принимаемых Всекитайским собранием народных представителей. На их основе

МООС разрабатывает собственный пятилетний план. Так повелось начиная с IX пятилетки (1996–2000). А с XI пятилетки (2006–2010) плановые показатели по ограничению вредных выбросов стали закладываться в персональные контракты, подписываемые с губернаторами провинций и директорами государственных предприятий (ГП) при их назначении на должности.

Но конкретные количественные задания по улучшению экологической ситуации, закладываемые в такие контракты, не обязательно в точности повторяют прописанные в общенациональных пятилетних планах, они могут быть скорректированы и вверх, и вниз. Контрольные цифры могут быть изменены и при разверстке заданий с провинциального на нижестоящие управленческие уровни (уездов, городов, волостей и т.д.) [16, р. 752–753].

В процессе выполнения пятилетних планов по энергосбережению и ограничению вредных выбросов власти нередко отбирают определенное символическое число предприятий (чаще всего – тысячу) и требуют от них образцового, показательного для других выполнения плановых установок. Шэнь Мэн (экономический факультет Университета экономики и торговли Шоуду, Пекин), Цзэн Яньпин и Цюй Жусяо (факультет экономики и промышленно-торгового менеджмента Пекинского педагогического университета) [4] рассмотрели результаты проводившегося в годы XI пятилетки (2006–2010) пилотного проекта, в рамках которого общенациональный ориентир снижения за пять лет удельной энергоемкости единицы ВВП на 20% реализовывался в приоритетном порядке на 1000 крупных ГП. Фактически Госкомиссия по реформам и развитию и Госстатуправление КНР отобрали для участия в этом эксперименте 1008 ГП девяти отраслей промышленности (черной металлургии, нефтехимии, химической промышленности, электроэнергетики, пищевой, текстильной, целлюлозно-бумажной промышленности, общего машиностроения, добывающих отраслей). В 2004 г. на эти 1008 предприятий приходилось 33% всего энергопотребления в народном хозяйстве и 47% – в промышленности.

Ввиду неполноты данных за период начиная с 2008 г. исследование сосредоточилось на временном интервале с 2005 по 2007 г. Были использованы данные по 389 ГП, базировавшимся в восточных провинциях Китая, 304 предприятиям центральных провин-

ций и 202 ГП западных провинций. Итак, всего их было 895, и 316 из них осуществляли экспортную деятельность. Но поскольку не все предприятия существовали в течение этих трех лет в неизменном виде (происходили остановки производства, переименования предприятий и т.д.), то выборка была уменьшена до 838 предприятий, статус которых не менялся, на 248 из них объемы экспорта были ненулевыми. После того, как были отсеяны еще восемь предприятий с нулевым капиталом, в выборке осталось 240 предприятий-экспортеров [4, с. 44–45].

Расчеты по построенной авторами эконометрической модели выявили существенное позитивное влияние проекта по энергосбережению на экспортную деятельность госкомпаний. Но оно сильно варьировалось по регионам: позитивный эффект был ощутим на предприятиях, расположенных в восточных и центральных провинциях, а в случае с западными предприятиями позитивная корреляция не была достаточно выраженной, статистически значимой. В целом же энергосберегающий проект не только не привел к увеличению издержек ГП, но и поспособствовал росту их экспорта. Однако Шэнь Мэн и его коллеги сделали важную оговорку: в ходе реализации этого проекта речь шла просто об экономии ресурсов. Если же будут применяться такие меры экологического регулирования, которые предусматривают увеличение расходов на мониторинг и установку нового оборудования, то они могут действительно привести к росту издержек и ухудшению ценовой конкурентоспособности предприятий-экспортеров [4, с. 49].

Ван Юйчжэ, Чжао Цзин (факультет государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа, Пекин) и Ч. Чи (факультет экономики и менеджмента Университета Тунцзи, Шанхай) [13] тоже оценили этот пилотный проект как успешный. Намеченных целей большинство предприятий достигло, а в целом по Китаю удельное энергопотребление в 2010 г. было на 19,1% меньше, чем в 2005 г. [13, р. 69]. Но эти исследователи показали, что сам порядок установления заданий по экономии энергоресурсов базировался на столь свойственной китайской управленческой системе еще со времен командной экономики практике «торгов» между выше- и нижестоящими инстанциями.

Конкретные нормативы энергосбережения прописывались в контрактах между предприятиями и провинциальными правитель-

ствами. А последние вырабатывали свои заявки для «торга» с ГП, отталкиваясь от результатов собственных переговоров с пекинскими властями. Реально плановые задания формировались таким образом, что общекитайский Центр сначала собирал с провинций их предложения о снижении энергопотребления, а затем модифицировал их и спускал на места. Линия поведения региональных администраций при этом могла варьироваться от формального следования общенациональным политическим установкам до демонстрации быстрых результатов благодаря внедрению организационных и технологических инноваций и до осуществления мер долгосрочной реструктуризации отраслевой структуры местных экономик (поддержки сдвигов от энергоемких промышленных отраслей к высокотехнологичным).

Выбор местных начальников по поводу цифр энергосбережения, выставлявшихся на «торги», зависел от нескольких факторов:

- структуры активов, контролировавшихся местными элитами (они могли быть не заинтересованы в закрытии предприятий-загрязнителей);

- остроты конкуренции между руководителями различных территориально-административных единиц за служебное продвижение (она могла побуждать их к действиям, приносящим краткосрочные выгоды в ущерб или вместо реальной реструктуризации ресурсоемких отраслей);

- уровня экономического развития провинции и отраслевой структуры ее ВРП (преобладание энергоемких отраслей могло сделать быструю реструктуризацию невозможной).

Ван Юйчжэ и его коллеги констатировали, что местные правительства практически всегда предпочитали тактику действий, обеспечивавших быстрый, показной эффект, а не ориентированных на долгосрочное развитие. Но все же они отметили, что итоги XI пятилетки действительно засвидетельствовали имеющийся у авторитарной политической системы потенциал для проведения эффективной экологической политики. Подтвердилось, что такая система позволяет руководству страны стимулировать различные группы влияния к кооперативному поведению без ущерба для поставленных целей, который мог бы быть нанесен в процессе более сложного согласования интересов [13, р. 73, 75].

Однако по этому поводу есть и другие мнения. Многие исследователи указывают на фрагментированность китайской бюрократической системы, ее децентрализованный характер как на препятствия для осуществления рациональной экологической политики. С. Итон и Г. Костка отмечают, что природоохранная политика на центральном уровне формулируется только в самой общей форме, а конкретные ее интерпретация и исполнение отданы в руки местных правительств. То, что у региональных лидеров есть значительное пространство для маневра при следовании директивам из Пекина, считается питательной почвой для креативных экспериментов, и они поощряются Центром. Но понятно, что при этом существуют и риски игнорирования местными чиновниками непопулярных инициатив центральной власти [7, р. 365].

Несколько по-другому расставляют акценты Т. Хеберер и А. Сенц (Институт Восточной Азии Дуйсбургского университета, Германия) [11]. Они обращают внимание на то, что сами нормы общенационального экологического законодательства формулируются нарочито туманно, и эти правовые положения могут по-разному быть интерпретированы на местах. Уже тем самым создаются условия для «торгов» между различными управленческими уровнями. На деле же на местах экологическая политика проводится исходя из специфики ситуации, в том числе из тех соображений, что закрытие предприятий-загрязнителей может увеличить безработицу в регионе. Такой подход открывает возможности как для учета интересов местного населения, так и для обогащения коррумпированных элит. Но в целом выгоды перевешивают издержки, в том числе и благодаря стимулированию Центром конкуренции между провинциями через ранжирование регионов по результатам исполнения общенациональной экологической политики, отслеживание результатов локальных природоохранных экспериментов и т.п. [11, р. 79–81, 85–86].

Для того чтобы обеспечить послушание кадров на местах вышестоящим инстанциям, и придумана система оценки руководителей по определенному набору количественных показателей, туда имплантированы и экологические индикаторы. От соблюдения установленных количественных ориентиров зависят перспективы карьерного продвижения чиновников, в том числе перевода в Пекин. Изначально экологические показатели в этой системе счи-

тались «мягкими», т.е. обязательными для выполнения, но не критически важными, тогда как показатели прироста производства и инвестиций были «твердыми», их невыполнение обесценивало успехи по всем другим направлениям. Но в начале XI пятилетки (2006–2010) центральное правительство рекомендовало провинциям и экологические показатели считать «твердыми», хотя окончательное решение было оставлено на усмотрение тех местных правительств, которые устанавливают критерии для чиновников нижестоящих уровней.

Эффективность этой системы отдельные специалисты оценивают очень по-разному. Д. Грюнов (Рейн-Рурский институт социальных исследований и политического консультирования, Германия) [10] полагает, что механизм административной конкуренции за более высокое место в экологическом рейтинге не срабатывает, так как в данном случае для оценки достижений нужны специальные знания, тогда как динамику ВРП или инвестиций отследить достаточно легко [10, р. 69].

Напротив, Т. Хеберер и А. Сенц считают систему оценки кадров достаточно эффективной и на экономическом, и на экологическом треках. Она хороша уже просто тем, что в условиях китайского партократического государства это главный механизм «обратной связи», поскольку другие институты передачи информации снизу вверх слабы или вообще отсутствуют. Система побуждает местных руководителей вкладывать средства в экологические улучшения в наиболее экономически преуспевших населенных пунктах, с тем чтобы показать «верхам» быстрые результаты и благодаря этому не только повысить свой персональный статус, но и «выторговать» дополнительное финансирование, которое пойдет на реализацию экологических проектов на остальной территории административного образования. Хотя, разумеется, при этом существуют и риски создания «потемкинских деревень» ради коррупционного расхищения средств [11, р. 96–101, 106–107].

Чжэн Сыци и М. Кан провели исследование факторов, влиявших на служебное продвижение мэров 83 китайских городов в 2004–2010 гг. Выяснилось, что сравнительная важность экономических и экологических показателей разная в отдельных регионах Китая. Вообще говоря, главным для карьеры по-прежнему было поддержание высоких темпов экономического роста на вверенной

руководителю территории. Но в зажиточных городах восточного побережья Китая все более значимыми становились и успехи начальников в снижении атмосферных загрязнений и энергоемкости промышленного производства. А вот мэры относительно бедных городов во внутренних, континентальных провинциях продолжали думать в основном о приросте ВРП и ради него сознательно жертвовали экологией [17, p. 85–86].

Чжан Сюэхуа более категорична. По ее мнению, у системы оценки кадров есть врожденный порок. Система провоцирует выборочное исполнение директив сверху уже просто потому, что ей трудно решать несколько задач сразу, тем более если эти задачи противоречат друг другу, а общественный контроль за деятельностью управленцев, который бы подталкивал их к большей эффективности, слишком слаб [16, p. 755].

Б. Ван Руйж (юридический факультет Калифорнийского университета, Ирвин, США), Чжу Цяоцяо (колледж бизнеса и экономики Австралийского национального университета, Канберра), Ли На и Ван Цилян (юридический факультет Юньнаньского университета, Куньмин) [6] тоже отмечают, что противоречия между экономическими и экологическими показателями не исчезают просто потому, что и те и другие теперь считаются «твердыми». К тому же местные начальники могут фальсифицировать данные, по которым судят об их работе на экологическом фронте, разными путями. Например, установленное очистное оборудование может простаивать из соображений экономии. Устаревшие, «грязные» производственные мощности могут выводиться из оборота только формально, а на самом деле их могут в любой момент снова начать использовать. На каждую попытку более жесткого мониторинга со стороны Центра у местных руководителей находится ответ: асимметрия информации всегда позволит им навести тень на плетень [6, p. 587–588].

С. Итон и Г. Костка настаивают, что и сейчас реализация инвестиционных проектов для повышения по службе важнее, чем природосбережение. Это может приводить и к строительству избыточных очистных сооружений. Пусть от них толку будет мало, рассуждают начальники, но это тоже видимые результаты строительства и возможность освоить дополнительные деньги. В свою очередь, количественные ориентиры по энергосбережению или

устранению источников загрязнений часто достигаются методом «штурма» в последний момент, например, с помощью отключения электричества в жилых домах и даже больницах или временного закрытия энергоемких производств. В результате руководители могут получить нужные им для повышения в должности оценки и по экологическим показателям, но пользы для муниципалитетов от этого немного [7, р. 373–375].

С. Итон и Г. Костка рассматривают эту проблематику в более широком контексте: они выясняют, как влияют на качество экологической политики не только показатели оценки кадров вышестоящими управленческими структурами, но и сама система периодической ротации руководителей. Обычно партийных секретарей и мэров уездного и городского уровней назначают на пять лет. Но мало кто из них остается в должности весь этот срок, большинство перемещается на другие места через три-четыре года. Примерно с такой же частотой меняются и руководители бюро по охране окружающей среды, входящих в структуры местных правительств.

Когда система ротации кадров вводилась в 1980-е годы при Дэн Сяопине, то предполагалось, что она будет решать сразу несколько задач. Чиновников отсылали на работу подальше от родных мест для того, чтобы не допускать формирования в их среде земляческих кланов. Считалось, что руководитель, назначаемый на пост не более чем на пять лет, будет иметь относительно немного возможностей вступать в сговор с местными элитами ради того, чтобы саботировать политические установки, поступающие из Пекина. Подразумевалось, что если управленец поработает во многих местах, то его квалификация повысится, он обретет разнообразный опыт. Делегирование хороших управленцев – это и один из методов поддержки экономически неразвитых регионов страны, характерный пример – перевод чиновников из аппарата центрального правительства и администраций преуспевающих восточных провинций на отсталый Запад.

Другое дело – насколько эффективно работает эта система в действительности. Логика здравого смысла подсказывает, что тот, кто ищет повышения, выстраивает свою линию поведения вокруг неформальных связей с патронами в партийно-государственном аппарате, а также реализации прецедентных, бросающихся в глаза

строительных проектов. Экологические приоритеты при этом могут быть в лучшем случае на втором плане. К тому же сами короткие сроки пребывания начальников на своих постах делают их похожими на тех, кого М. Олсон назвал «блуждающими бандитами»: они стремятся выжать максимум для себя с подведомственной территории, мало заботясь о ее будущем. Между тем экология – это по определению такая сфера, где затраты надо нести здесь и сейчас, а отдача от них наступит очень нескоро. Руководитель, срок контракта с которым заведомо короткий, вряд ли успеет увидеть реальные плоды от своих усилий по охране окружающей среды.

Эти общие предположения С. Итон и Г. Костка проверили, проведя в 2010–2012 гг. полевые исследования в сельских уездах и городах провинций Хунань, Шаньдун и Шаньси. Всего ими было взято 89 интервью у государственных чиновников и менеджеров предприятий [7, р. 360–361]. Подтвердилось, что во влиянии ротации управленческих кадров на экологическую политику есть свои «плюсы». Наличие опыта работы на разных позициях и соответствующих связей действительно помогает руководителю, ответственному за реализацию экологической политики, выработать более комплексное видение проблем и сформировать «зеленую» коалицию из местных чиновников и бизнесменов, т.е. обеспечить координацию усилий многих сторон. Назначение руководителя-«варяга» может способствовать заимствованию чужого опыта энергосбережения или реструктуризации «грязных» производств, культивирования новых, «зеленых» отраслей специализации на данной территории.

Перемещения кадров между правительственными структурами и ГП делают последние более восприимчивыми к мерам природоохранного регулирования, уменьшается асимметрия информационного обмена между управленцами и управляемыми. Это тем более важно потому, что бюджетное субсидирование энергосбережения или штрафы за загрязнения часто не могут сами по себе побудить менеджеров ГП изменить их линию поведения. Такие меры нужно дополнять воздействием через неформальные связи, в том числе и выделением дополнительных финансовых средств на реструктуризацию предприятий «по знакомству».

Но есть и весомые «минусы». Короткие сроки пребывания на должностях не способствуют выработке руководителями дале-

коидущих планов. Карьерные стратегии могут реализовываться ими и путем сбора взяток и других коррупционных доходов в своей «епархии» ради подкупа вышестоящих начальников, от которых зависят возможности повышения по службе. Понятно, что бюрократам, которые так себя ведут, не до экологии, они скорее склонны переключать на себя потоки ренты с «грязных» производств добывающей промышленности, например, с угольной.

Даже некоррупцированные руководители склонны отдавать предпочтение затратным бизнес-проектам, а не выработке долгосрочных программ устойчивого развития. Да и в собственно природоохранной области они скорее будут проводить показушные мероприятия вроде лесопосадок, а не реструктуризацию предприятий-загрязнителей. Кроме того, частая смена руководителей сама по себе затрудняет проведение последовательной экологической политики. Уже начатые мероприятия и стройки «зеленых» объектов легко могут быть остановлены с приходом нового начальника. К тому же и административный аппарат в таких ситуациях склонен занимать выжидательную позицию, «расшифровывая», куда клонит «новая метла».

Краткосрочная ориентация руководителей нивелирует потенциальные преимущества китайского авторитаризма в проведении экологической политики, резюмируют С. Итон и Г. Костка. Руководящие кадры идут по линии наименьшего сопротивления, и хотя формально они следуют общенациональным экологическим установкам, но по сути реализуют только мероприятия «напоказ», а о проведении долгосрочной линии на устойчивое развитие речи не идет [7, р. 379].

Впрочем, дело не только в мотивации руководителей административно-территориальных образований, но и в том, как организационно устроена китайская система природоохранных органов, ей тоже свойственна высокая степень децентрализации. Формально существует административная «вертикаль»: все экологические службы подчинены соответствующему общенациональному министерству. Но фактически провинциальные бюро по охране окружающей среды выступают лишь как его представительства. Основную тяжесть практической работы несут на себе экологические бюро на уровне городов, уездов и волостей.

Они находятся в двойном подчинении – вышестоящему экологическому органу, с одной стороны, и соответствующему местному правительству – с другой. Важно, однако, что две стороны этого «уравнения» не равноценны. Проблема не только в территориальной удаленности местных бюро от их номинального ведомственного руководства, но и в финансовых основах их деятельности. Их функционирование обеспечивается не столько благодаря трансфертам от вышестоящих организаций, сколько за счет поступлений из местных бюджетов. Иначе говоря, не только организационно, но и финансово городские, уездные и волостные бюро являются прежде всего подразделениями местных правительств.

Б. Ван Руйж и его коллеги отмечают по этому поводу, что когда реализация природоохранных установок может создать риски для поддержания экономического роста, создания рабочих мест и сбора налогов на соответствующей территории, то местные правительства используют эту асимметрию в подчиненности для того, чтобы избавить подконтрольные им предприятия от экологических обязательств. Природоохранные бюро просто не назначают штрафы за загрязнения, как могли бы. А в случае их нелояльности главы бюро быстро меняются на послушных людей, которые будут проводить общую линию местного правительства [6, р. 583–584].

Д. Грюнов обращает внимание на то, что не только в назначении глав экологических бюро, но и в комплектовании их персонала активное участие принимают партийные органы. Выдвиженцы опасаются, что в случае чего им могут быть предъявлены политические обвинения, и они тем более избегают конфликтов [10, р. 66]. В саму систему экологического контроля привносится, таким образом, элемент «торга». Единые стандарты подстраиваются под конкретные ситуации, экологические чиновники склонны делать многочисленные исключения для отдельных предприятий.

В целом, поведение местных правительств на экологическом поле вполне вписывается в общую картину *локального протекционизма* – поддержки подконтрольных региональным элитам предприятий бюджетными субсидиями, налоговыми льготами, ограничениями на сбыт товаров из других провинций и на межрегиональное движение факторов производства (труда и капитала).

Сун Малинь (Аньхуэйский финансово-экономический университет, Хэфэй) и Цзинь Пэйчжэнь (факультет экономики и тор-

говли Хунаньского университета, Чанша) [11] разделяют широко распространенное среди специалистов мнение о том, что локальный протекционизм – это и есть главная причина невысокой эффективности экологической политики в Китае. Они исходят из того, что региональный протекционизм вызывает искажения в формировании цен на экономические ресурсы. Такие деформации способствуют поддержанию экстенсивного, губительного для окружающей среды роста региональных экономик. Однако после того как экологические показатели стали считаться «твердыми» в системе оценки местных руководителей, те вынуждены думать и об ограничении вредных выбросов. Поэтому они периодически отдают распоряжения отключить предприятиям электричество и остановить тем самым производство. Но от этого деформации в распределении ресурсов только усугубляются, усиливается волатильность рынков, а после возобновления производства на остановленных предприятиях объемы выбросов резко подскакивают, и экологическая обстановка еще больше ухудшается [11, с. 77].

Сун Малинь и Цзинь Пэйчжэнь выясняют, как вызванная локальным протекционизмом фрагментация региональных рынков сказывается на здоровье людей как составной части благосостояния. Они констатируют, что в исследованиях по проблематике фрагментированности / интегрированности рынков в Китае суждения обычно выносятся исходя из отсутствия / наличия корреляции в движении цен на конечную продукцию в отдельных провинциях. При этом из поля зрения специалистов выпадает собственно рынок факторов производства. А выигрыш в благосостоянии принято измерять величиной ценовой выгоды потребителей, ее увеличение считается свидетельством улучшений в распределении ресурсов.

Однако окружающая среда – это неисключаемое, неконкурентное публичное благо, права собственности на которое не определены, а использование его порождает внешние эффекты (экстерналии). Нельзя оценивать воздействие использования этого публичного блага на общий уровень благосостояния, используя только ценовые параметры. Нужно учитывать и такие невыразимые в деньгах эффекты, как воздействие на здоровье людей и их социальное самочувствие.

В современной экономической науке для оценки таких эффектов используется модель DEA (Data Envelopment Analysis). Ав-

торы используют ее модифицированный вариант DEA-Hybrid-Network. Модель показывает, как использование экономических ресурсов (капитала, труда, энергии) вызывает не только рост выпуска, но и увеличение выбросов парниковых газов и твердых отходов, а также влияет на здоровье как часть человеческого капитала индивидов и на совокупные расходы общества на здравоохранение.

В расчетах по модели были использованы данные по 29 провинциям КНР (без Тибета и Хайнаня, по которым недостаточно информации) за 2002–2014 гг. [2, с. 50]. Затраты ресурсов измеряются стоимостью накопленного физического капитала, занятостью рабочей силы, потреблением энергии (в единицах условного топлива). Состояние здоровья населения оценивается по средним расходам городских и сельских домохозяйств на покупку медицинских услуг, по числу медицинских работников на 10 тыс. жителей, по количеству госпитализаций на 10 тыс. жителей, по показателю младенческой смертности.

Степень локального протекционизма характеризует индекс цен на факторы производства: по наличию или отсутствию корреляции ценовых уровней в отдельных регионах определяется, являются ли рынки фрагментированными, т.е. существуют или нет возможности для ценового арбитража.

Степень искажения в распределении ресурсов в регионе определяется с помощью индекса зрелости рынка, при расчете которого учитываются удельный вес прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ВРП, доля горожан в общей численности населения провинции, удельный вес оборота местного финансового рынка в ВРП, стоимость наукоемкой продукции в расчете на одного занятого в сфере НИОКР в регионе.

В качестве контрольных переменных в регрессию включены:

- удельный вес расходов местного бюджета в ВРП, он характеризует способность властей регулировать экономику;
- доля внешней торговли в ВРП, показывающая степень «открытости» региональной экономики;
- оборот энерго- и других сырьевых ресурсов, показывающий уровень развития логистики в регионе;
- грузооборот в расчете на одного жителя региона, характеризующий уровень развития транспортной системы;

– среднечеловеческая обеспеченность телекоммуникационным оборудованием, по которой можно судить о проникновении информационных технологий в экономику региона.

Для характеристики вклада экологии в благосостояние региона используются следующие показатели: доля ГП в валовой промышленной продукции региона; доля пользователей Интернета в населении региона; число поданных петиций экологического характера в расчете на душу населения, в том числе опубликованных в Интернете; соотношение природоохранных инвестиций и объема промышленного производства в регионе [2, с. 51–53].

По результатам вычислений обнаружилось, что в Северном Китае рынки гораздо более фрагментированы, чем на Юге. Очевидно, связано это с тем, что на Юге либерализация экономики началась раньше. Кроме того, экономикам южных провинций в большей степени свойственна экспортная ориентация, и это благоприятно отражается на движении факторов производства между ними. Но со временем степень интеграции ресурсных рынков все-таки возрастает по всей стране.

Обусловленные локальным протекционизмом и фрагментацией рынков деформации в распределении ресурсов могут быть сглажены благодаря активной фискальной политике властей, распространению Интернета, инфраструктурному строительству. Хотя локальный протекционизм стимулирует экономический рост в регионе, но оборотной стороной является увеличение вредных выбросов, и за такой рост ВРП жители расплачиваются ухудшением состояния их здоровья.

Причем такие эффекты передаются из провинции в провинцию, т.е. имеют место негативные экстерналии. Отрицательное воздействие на экологию тем сильнее, чем выше удельный вес ГП в экономике провинции, так как протекционизм ориентирован прежде всего на их поддержание на плаву. В этом смысле повышение доли частного сектора – через оптимизацию использования ресурсов – может позитивно повлиять и на состояние здоровья местных жителей. На показателях экологического благосостояния позитивно сказывается и рост расходов регионального бюджета, ибо определенная их часть идет на финансирование системы здравоохранения [2, с. 52, 59–60].

Локальный протекционизм затрагивает и привлечение ПИИ. Не секрет, что, стремясь завлечь на свои территории зарубежные компании, местные правительства конкурируют друг с другом в щедрости налоговых льгот и бюджетных субсидий для предприятий с иностранными инвестициями (ПСИИ). Но можно ли утверждать, что одним из средств заманивания инвесторов выступает также сознательное занижение стандартов экологического регулирования? Ответ на этот вопрос ищут Цзинь Чуньюй (НИИ экономики Цзилиньского университета, Чанчунь) и Ван Вэйцян (факультет торговли Цзилиньского университета) [3]. Они отмечают, что в экономической науке гипотеза о «безопасном месте для загрязнителей» (pollution heaven) разделяется далеко не всеми. Эта концепция утверждает, что ради минимизации расходов на очистное и контрольное оборудование ТНК перемещают производства из развитых стран, где экологические нормативы сравнительно жесткие, в развивающиеся страны, отличающиеся слабым природоохранным регулированием.

Те же, кто не разделяет эту точку зрения, считают, что динамика ужесточения природоохранного законодательства и динамика притока ПИИ однонаправлены. Более совершенная защита окружающей среды привлекает больше инвесторов с «чистыми» технологиями, те передаются местным предприятиям через перемещение персонала и другие экстернальные эффекты. В результате состояние окружающей среды улучшается не только усилиями государства, но и спонтанными экономическими механизмами [3, с. 108].

Цзинь Чуньюй и Ван Вэйцян тестируют гипотезу о «рае для загрязнителей» с помощью векторной авторегрессии (т.е. такой, которая позволяет выявить как прямые, так и обратные причинно-следственные связи). В качестве показателя, характеризующего эффективность экологической политики и расходы на ее проведение, в модели используются энергозатраты на производство единицы ВВП. Предполагается, что чем они выше, тем ниже качество природоохранного регулирования в том или ином регионе Китая. Еще один применяемый показатель – это доходы государства от штрафов за загрязнения, исчисленные на единицу производимого ВВП: чем они выше, тем эффективнее экологическая политика. Исследуется корреляция этих параметров с удельным весом ПИИ

в ВРП и долями товарного экспорта и импорта в ВРП. В расчетах были использованы данные за 1995–2012 гг. по 30 провинциям КНР (всем, кроме Тибета).

Расчетами было выявлено, что феномен «безопасного места для загрязнителей» с разной интенсивностью проявляется в отдельных регионах. На уровне страны в целом занижение стандартов экологического регулирования действительно стимулирует создание ПСИИ. Но на региональном уровне эта тенденция нашла подтверждение только применительно к западным провинциям. На Востоке же приросту объемов ПИИ, наоборот, способствует активизация там природозащитной политики. Объяснить это можно тем, что в восточных провинциях многие инвесторы и предприятия-экспортеры применяют современные, «чистые» технологии, а на Западе технологии в основном используются энергозатратные, загрязняющие окружающую среду.

Подтвердилось, что в погоне за высокими темпами экономического роста местные власти ослабляют требования к экологической безопасности проектов с ПИИ, и эту тенденцию подхватывают правительства соседних административных единиц. Этому прямо способствует то, что в число показателей, по которым оценивается работа местных руководителей, входят и объемы привлеченных ПИИ [3, с. 111].

К сходным выводам пришли Ван Сяосун, Ли Бо (экономический факультет Народного университета Китая, Пекин) и Чжай Гуаньюй (финансовый факультет Северо-Восточного финансово-экономического университета) [1]. Построенная ими эконометрическая модель основывается на теории игр. Предполагается, что при одинаковой емкости рынков двух регионов выбор инвестора между ними будет определяться степенью жесткости экологического регулирования в регионе и издержками транспортировки производимой продукции на рынок того региона, где инвестиций сделано не будет. Для принимающего инвестиции региона выгода от привлечения ПИИ измеряется увеличением выгоды потребителей.

В качестве объясняемой переменной в модели выступает душевой объем ПИИ в провинции. Жесткость экологического регулирования оценивается величиной платы за загрязнения, взимаемой в провинции со среднестатистического предприятия. Учитывается, что на объемы привлекаемых ПИИ влияют также

уровень зарплат в регионе, состояние его транспортной инфраструктуры и уровень накопленного человеческого капитала, отраслевая структура ВРП, а также наличие / отсутствие свободных экономических зон. В расчетах были использованы данные за 2005–2013 гг. по 28 провинциям (всем, кроме Нинся-Хуэйского, Синьцзян-Уйгурского и Тибетского автономных районов) [1, с. 52–53, 55].

Расчеты подтвердили, что смягчение экологического регулирования действительно способствует большему притоку ПИИ в провинцию. Причем отдельные регионы в ходе конкуренции за ПИИ копируют практики друг друга. Именно межпровинциальная конкуренция, ставшая следствием административной децентрализации, породила явления, подтверждающие гипотезу о «рае для загрязнителей» [1, с. 59–60].

Впрочем, субъектами губительного для природы протекционизма могут быть и не только региональные власти. В другой своей статье С. Итон и Г. Костка [8] исследуют экологические нарушения, совершаемые госпредприятиями центрального подчинения (ГПЦП). Информационными источниками для статьи послужили как собранная авторами база данных о загрязнениях и нарушениях экологического законодательства, так и более 190 интервью, взятых ими в 2010–2012 гг. в Пекине, Внутренней Монголии, Хунани, Цзянсу, Шаньдуне и Шаньси у чиновников, менеджеров предприятий и представителей гражданского общества.

В базе была информация о 2370 экологических нарушениях, допущенных ГПЦП и их провинциальными подразделениями в 2004–2016 гг. Серьезность инцидентов варьировалась от процедурных несоответствий (например, непредставления заключений об экологической экспертизе при реализации инвестиционных проектов) до крупных техногенных аварий. Наибольшее число случаев (60%) было связано с загрязнениями воздуха, на втором месте были загрязнения воды (26%). 62% нарушений пришлось всего на шесть компаний: четыре электроэнергетические и две нефтегазовые [8, р. 687–689].

По идее, то, что высшие менеджеры ГПЦП – это политические назначенцы, часто выходцы из партийно-правительственных структур, должно способствовать их лояльности приоритетам государственной политики, в том числе экологической. Но на практи-

ке институциональные факторы скорее дают ГПЦП возможность чувствовать себя свободными от жестких природоохранных обязательств.

Дело тут, во-первых, в том, что у местных правительств недостаточно властных полномочий для воздействия на поведение ГПЦП, действующих в регионах. ГПЦП подчиняются бюрократам в Пекине, а не местным чиновникам, тем более из экологических бюро. К тому же менеджеры ГПЦП обычно влиятельны в регионах и как члены местных парткомов. С энергетическими компаниями боятся ряздиться по поводу вредных выбросов еще и из опасений, что те просто будут в отместку отключать региону электричество.

Во-вторых, для ГПЦП существует свой вид протекционизма, параллельный локальному протекционизму местных правительств в отношении подконтрольных им предприятий. ГПЦП защищают от экологических ведомств центральные экономические министерства, прежде всего – Госкомитет по контролю и управлению активами. Он побуждает управленцев ГПЦП ориентироваться прежде всего на показатели рентабельности и доли на рынке, а если выполнение экологических нормативов препятствует расширению компании, то природоохранные меры просто саботируются. Чисто экономические показатели важны и для карьерного роста менеджеров ГПЦП, а за техногенные инциденты, сопровождающиеся вредными выбросами, их наказывают сравнительно легко.

Получается, что на экологические нарушения ГПЦП склонны закрывать глаза и пекинские, и местные инстанции. Два вида протекционизма накладываются друг на друга, так как для местных правительств ГПЦП – это важные источники налоговых поступлений и создатели рабочих мест. Но нельзя отрицать и то, что общекитайский Центр предпринимает определенные меры для уменьшения экологического вреда от деятельности ГПЦП. В реальности, таким образом, сосуществуют и то, и другое, и в этом вся сложность ситуации. А именно: Госкомитет по контролю и управлению активами скорее побуждает ГПЦП в дилемме «экономические показатели – сбережение среды» выбирать первое, а другие пекинские ведомства отстаивают «зеленую» повестку более настойчиво [8, р. 691–696].

В общем, было бы сильным упрощением трактовать существующую конфигурацию интересов так, что на уровне Центра

озабочены состоянием окружающей среды и предлагают вполне разумные меры экологического регулирования, но их реализации препятствует локальный протекционизм. На деле и общекитайские отраслевые министерства в своей поддержке крупных компаний (особенно государственных) склонны закрывать глаза на несоблюдение теми экологических обязательств. В то же время местные правительства могут воспользоваться предоставленными им правами для осуществления природоохранных инноваций в экспериментальном порядке. Местным руководителям это тоже может пойти в «плюс», если возглавляемые ими административные единицы получают статус «модельных», «образцовых» и т.д. и соответствующее дополнительное финансирование из вышестоящих бюджетов.

Негативные последствия протекционизма могут быть отчасти компенсированы общенациональными природоохранными кампаниями. Они могут охватывать как предприятия (например кампания по закрытию небольших предприятий-загрязнителей с устаревшими технологиями или кампания по контролю за «стилем работы» при исполнении экологических законов), так и население (наиболее характерный пример — это ежегодное проведение Дня посадки деревьев, в котором участвуют и подают личный пример руководители партии и государства).

Однако Б. Ван Руйж и его соавторы отмечают, что результаты таких мобилизационных кампаний тоже неоднозначны. С одной стороны, на какое-то время они действительно позволяют нивелировать протекционистские усилия местных администраций в отношении предприятий-загрязнителей; вовлечь в процесс защиты окружающей среды большое количество людей, так как это выглядит как нечто политически безопасное и достойное; развернуть природоохранные эксперименты на местах.

Но, с другой стороны, политические кампании дезорганизуют исполнение экологических законов на повседневной, рутинной основе, делают его чем-то чрезвычайным. Утрачивается последовательность экологического курса, а сами основы конфликта интересов между Центром и местами по поводу проведения природоохранной политики никуда не деваются [6, р. 586].

Э. Икономи (Совет по международным отношениям, США) [9] показывает «плюсы» и «минусы» мобилизационных кампаний

на примере искусственного лесонасаждения. По площади искусственных лесопосадок КНР занимает первое место в мире, на нее приходится 40% всех искусственных лесов на планете. Но в ходе массовых мероприятий часто высаживаются импортные растения без учета их потребностей в воде и местных возможностей водоснабжения; деревья сажаются слишком близко друг к другу, а уход за саженцами не осуществляется [9, р. 188].

Напрашивается вывод, что предпосылки для преимущественного внимания государственной политики к экономической, а не экологической проблематике проистекают из самого системного устройства современного китайского хозяйства. Но важно и то, как осуществляется контроль за исполнением уже принятых природоохранных решений. В демократических странах важнейшую роль и в их инициировании, и в мониторинге их эффективности играют представители гражданского общества в лице экологических неправительственных организаций (НПО), которые в случае необходимости решают вопросы через суды. В Китае элементы такого «внешнего» контроля тоже уже появились, но деятельность НПО поставлена в жесткие рамки, а судебная система не является действенным противовесом влиянию государства и корпоративных структур.

Преобладает «внутренний» контроль верхних звеньев системы управления над нижними. Фактически это означает, что за тем, как реализуется политика по отношению к предприятиям-загрязнителям, следит то самое государство, которое связано с ними экономическими интересами. И это обстоятельство, и общая слабость «обратных связей» между обществом и государством не могут не сказываться на эффективности тех или иных инструментов экологической политики.

Тем не менее исследования последних лет фиксируют, что в течение 2010-х годов некоторое улучшение экологической обстановки в Китае все же было достигнуто. Эксперты Всемирного банка констатировали, что в наиболее густонаселенных городских районах концентрация PM_{2,5} снизилась к 2018 г. на 42% по сравнению с уровнем 2013 г., хотя нормы, установленные Всемирной организацией здравоохранения, концентрация PM_{2,5} в 2017 г. превышала в Пекине в 6 раз, а в Шанхае – в 4 раза [15, р. 49]. Улучшилось и качество воды на поверхности рек и озер. По официаль-

ным данным Министерства экологии и охраны окружающей среды КНР, в 2021 г. в семи крупнейших реках Китая было пригодно для использования в быту: в реках Янцзы и Чжуцзян – более 90%, а в Хуанхэ, Хуай и Ляо – более 80% массы воды, но в реке Хай этот показатель не достигал 70%, а в Сунцзян он составлял чуть больше 60%, и ситуация там продолжала ухудшаться. При этом состояние подземных вод остается очень плохим: до 15% их не пригодно для какого бы то ни было использования [12].

В принципе такое развитие событий вполне соответствует разделяемой многими специалистами гипотезе об «экологической кривой Кузнецца» (ЭКК). Согласно этой концепции, на ранних стадиях индустриализации страны загрязнения и деградация окружающей среды усиливаются, но после прохождения «поворотного пункта» (turning point), т.е. при достижении определенного уровня душевого ВВП, тенденция меняется на противоположную. Однако это не означает, что уменьшение загрязнений после прохождения «поворотного пункта» происходит автоматически. Для этого нужны осознанные действия общества и государства, не склонных далее мириться с нарастанием экологических угроз.

Чжэн Сыци и М. Кан оценили применимость к китайским реалиям концепции ЭКК, построив модель, где объясняемой переменной является концентрация в воздухе частиц PM_{2,5}, а объясняющей – душевой ВВП. В качестве контрольных переменных в модель были включены: численность населения в городе; удельный вес обрабатывающей промышленности в его ВРП; среднее число лет обучения у местного населения; индексы, характеризующие динамику влажности и температуры воздуха в городе. В расчетах были использованы данные по 83 китайским городам за 2003–2012 гг.

Расчетами подтвердилось, что уровень загрязнения воздуха выше в более крупных городах, где много промышленных предприятий. Но оказалось, что с достижением порогового значения душевого ВВП в 100 000 юаней (около 15 000 долл.) экологическая ситуация в городе начинает улучшаться. Причем «поворотный пункт» наступает быстрее, т.е. при несколько меньших значениях душевого дохода, в тех городах, где население более образованное. Тем самым подтверждается, что думающие люди склонны действовать ради улучшения среды обитания – или под-

бирая жилье в менее загрязненном районе, или участвуя в деятельности экологических движений, а может быть и в протестных действиях [17, р. 82].

За счет чего конкретно были достигнуты улучшения? Отчасти они связаны с тем, что в системе природоохранных служб произошла некоторая централизация. Министерство охраны окружающей среды в 2007 г. учредило механизм верификации выполнения обязательных заданий по снижению загрязнений, заложенных в пятилетние планы. Для этого были задействованы созданные в 2006–2007 гг. шесть межпровинциальных центров контроля за охраной окружающей среды, они были поставлены в качестве промежуточного управленческого звена между МООС и местными экологическими бюро¹.

Ставилась задача сузить поле для возможных фальсификаций отчетности, поступающей с мест. До этого местные власти и предприятия могли уклоняться от установки контрольного оборудования или просто не включать его, но с 2007 г. информация о загрязнениях должна была поступать непрерывно в учрежденную МООС систему электронного мониторинга. С 2008 г. МООС стало проводить проверки данных по провинциям раз в полгода (в январе и июле). Межпровинциальные центры и провинциальные экологические бюро проверяют нижестоящие природоохранные службы в текущем режиме.

Насколько эффективна процедура верификации? Чжан Сюэхуа в поиске ответа на этот вопрос проанализировала соответствующие нормативные акты и в 2010–2015 гг. провела серию интервью с госчиновниками, учеными и менеджерами предприятий в двух провинциях Китая: более развитой и менее развитой (конкретные названия не уточняются) [16, р. 750–751]. В ходе опросов менеджеры компаний говорили, что работники экологических структур того или иного уровня теперь появляются у них на предприятиях через каждые три-пять дней. Они проверяют работу сооружений по очистке сточных вод; устаревшего оборудования, предназначенного к выводу из оборота; контрольного оборудова-

¹ Восточный центр расположен в Нанкине, Южный – в Гуанчжоу, Северо-Западный – в Сиане, Юго-Западный – в Чэнду, Северо-Восточный – в Шэньяне, Северный – в Пекине. К тому или иному из этих центров приписана каждая из 31 административной единицы провинциального уровня.

ния. Чжан Сюэхуа констатировала, что мониторинг действительно ужесточился, возможностей для приписок стало меньше.

Но остаются и фундаментальные проблемы. Нет гарантий, что если предприятие обеспечило соответствие своей деятельности природоохранным нормам на момент проверки, то оно это делает и всегда, т.е. позитивный эффект может быть очень кратковременным.

Местные экологические бюро стали в большей степени чувствовать контроль сверху, но они придумали новые стратегии адаптации к нему. Они приспособились проталкивать через проверяющие инстанции бумажную отчетность так, чтобы показатели там более или менее соответствовали плановым наметкам. Но это не более чем «игра цифрами», а в реальной жизни серьезных усилий по ограничению вредных выбросов может и не предприниматься.

Проверки, проводимые МООС и межрегиональными центрами, сосредоточены на провинциальном уровне, они редко доходят до низовых природозащитных бюро. Недоверие к тем со стороны Центра сохраняется, проверяющие предвзято относятся к подаваемой им информации. «Торг» по поводу того, какие сведения о динамике загрязнений считать достоверными, а какие нет, никуда не делся. Одна и та же отчетность может быть отвергнута проверяющими в ходе более ранней проверки, но одобрена в результате более поздней.

По сути все это проявление многократно описанной в экономической и политологической литературе проблемы отношений «принципал – агент», констатирует Чжан Сюэхуа. Но в данном случае важно не только то, что принципал не доверяет агенту ввиду использования тем асимметрии информации. Агент тоже не доверяет принципалу потому, что у того в руках орудие дискретного воздействия, использование которого никак не ограничено демократическими механизмами [16, р. 751–752, 757–771].

Б. Ван Руйж и его соавторы отмечают существенный рост числа предпринимаемых местными экологическими бюро мер против загрязнителей. В 1999 г. был 53 101 случай использования административных санкций, а в 2013 г. – 139 059 [6, р. 590–591]. Выросли и средняя величина штрафов и количество закрытых или передислоцированных предприятий.

Однако проведенный этими исследователями регрессионный анализ взаимосвязи мероприятий по исполнению природоохранных законов, с одной стороны, и загрязнений воздуха и воды, а также накопления твердых отходов – с другой, дал противоречивые результаты. Оказалось, что закрытия и перемещения предприятий действительно существенно способствуют уменьшению загрязнений, но частота наложения санкций сказывается на загрязнениях намного слабее. Величина же штрафов на поведение загрязнителей вообще не влияет. Это может объясняться тем, что штрафы все еще слишком малы, да и их взимание не выглядит неотвратимым [6, р. 592–593].

С. Итон и Г. Костка тоже заметили, что в 2010-е годы экологические бюро в некоторых регионах стали более настойчиво штрафовать загрязнителей, лишать их госсубсидий, подавать на них судебные иски. Во многом активизации деятельности экологических бюро способствовало появление у них новых административных возможностей. Вступившие в силу с начала 2015 г. поправки в Закон КНР об охране окружающей среды сняли ограничения на частоту штрафов для предприятий-загрязнителей, их теперь можно накладывать хоть каждый день. Но С. Итон и Г. Костка подчеркивают, что реально природозащитные органы добиваются успеха только тогда, когда, апеллируя к прописанным в законодательстве нормам, они в то же время подключают к воздействию на нарушителей и неформальные связи своих руководителей внутри партийно-государственного аппарата [8, р. 697, 699–700].

Все эти авторы так или иначе отмечают, что в первые десятилетия XXI в., наряду с усилением административной централизации, стал проявляться еще один фактор, ограничивающий влияние отраслевого и регионального протекционизма, – давление со стороны общества. Б. Ван Руйж и соавторы пишут, что объединения граждан и НПО подключаются к контролю за соблюдением экологического законодательства и мониторингу деятельности не только предприятий-загрязнителей, но и природоохранных бюро, а последние и сами теперь бывают склонны полагаться на таких добровольных помощников. Китайские НПО поддерживают жертв техногенных аварий в органах арбитража или сами подают иски против загрязнителей. Сложился и круг журналистов, которые не

боятся проводить расследования деятельности экологически «грязного» бизнеса и его поддержки местными властями.

И бывает так, что действия «снизу» перевешивают усилия окол властных лоббистов. Но создание НПО по-прежнему затруднено, их все еще немного. Местные власти пользуются установками Пекина на «поддержание стабильности» и во многих случаях успешно блокируют передачу экологических требований граждан на более высокие управленческие уровни. В результате люди убеждаются, что протест может быть результативным, только если он достаточно силен для того, чтобы побороть влияние местных чиновников. Но это чревато скорее общей дестабилизацией ситуации, а не налаживанием планомерной работы по контролю за состоянием среды обитания [6, р. 588–589].

А. Ахлерс и Шэнь Юндун уточняют, что консультации с обществом скорее допускаются там, где острой необходимости в решительных природоохранных мерах еще нет, а там, где ситуация ждать особо не позволяет, выбор делается в пользу авторитарных методов. В качестве иллюстрации они приводят пример г. Ханчжоу (административный центр провинции Чжэцзян). Там с апреля 2014 г. новые автомобильные номера стало возможно получить только через лотерею или аукцион. При этом ставилась цель ограничить движение на автодорогах и, соответственно, рост выхлопов, способствующих формированию частиц PM_{2.5}.

До этого подобные процедуры регистрации авто были введены в Шанхае (2000), Пекине (2011), Гуанчжоу (2012) и Тяньцзине (2013). Но в Ханчжоу это было сделано без предварительного обсуждения с населением. Более того, власти публично опровергали информацию, что такие меры готовятся. Жесткость, с которой осуществлялись нововведения, во многом объяснялась тем, что эта инициатива исходила от провинциального парткома. Но практика показала: рост автопарка в городе действительно замедлился, меньше стало «пробок» и вредных выбросов, и недовольство публики ослабло, людям удалось внушить понимание необходимости этих мер для их же блага.

Напротив, планы вывода из Ханчжоу промышленных предприятий разрабатывались с участием эоактивистов. Причем многие предприятия-загрязнители были ГП, пользовавшимися поддержкой чиновничьих кланов. Но их релокации требовали

инициативные группы жителей, купивших дорогие квартиры в престижных районах, но испытывавших дискомфорт из-за соседства химических заводов. В этой ситуации местное экологическое бюро запустило в действие в августе 2011 г. «платформу диалога» между предприятиями и жителями. Благодаря ей были выработаны и реализованы планы выноса за городскую черту целого ряда промышленных и энергетических предприятий.

А. Ахлерс и Шэнь Юндун также призывают не обольщаться и не ожидать, что соотношение авторитарных и демократических элементов в экологической политике будет теперь устойчиво меняться в пользу последних. Их комбинация в Китае складывается под воздействием экстремально тяжелой экологической ситуации, когда растущее общественное недовольство плохой средой обитания уже выливается в появление протестных групп. Но в то же время партократическое государство остается на своем месте, и КПК по-прежнему не склонна отказываться от права решать, какие инструменты общественной мобилизации для борьбы с загрязнениями приемлемы, а какие нет [5, р. 305–316].

Список литературы

1. Ван Сяосун, Ли Бо, Чжай Гуаньюй. Конкуренция за привлечение инвестиций и экологическое нормотворчество местных правительств = Иньцзы ичжэн юй дифан чжэнфу хуаньцзин гуйчжи // Гоцзи маои вэньти. – 2015. – № 8. – С. 51–61. – Кит. яз.
2. Сун Малинь, Цзинь Пэйчжэнь. Локальный протекционизм, искажения в распределении ресурсов и эффективность экологической политики = Дицзюй баоху, цзыюань цопэй юй хуаньцзин фули цзисяо // Цзинцзи яньцзю. – 2016. – № 12. – С. 47–61. – Кит. яз.
3. Цзинь Чуньюй, Ван Вэйцян. Подтверждается ли китайской практикой гипотеза о «безопасном месте для загрязнителей»? Эмпирическая проверка с помощью пространственной векторной авторегрессии = «Ужань бинаньсо цзяшо» цзай Чжунго чэнли ма – цзюй кунцзянь VAR мосин дэ шичжэн цзяньянь // Гоцзи маои вэньти. – 2016. – № 8. – С. 108–118. – Кит. яз.
4. Шэнь Мэн, Цзэн Яньпин, Цюй Жусяо. Экологическое регулирование и экспорт предприятий : микроэкономический анализ поведения 1000 предприятий, осуществлявших программы энергосбережения = Хуаньцзин гуйчжи юй цие чукоу : лайцзя цянй цзя цие цзэнэн синдун дэ вэйгуань чжэнцзюй // Гоцзи маои вэньти. – 2015. – № 8. – С. 43–50. – Кит. яз.

5. Ahlers A., Shen Yongdong. Breath Easy? Local Nuances of Authoritarian Environmentalism in China's Battle against Air Pollution // *China Quarterly*. – 2018. – N 234. – P. 299–319.
6. Centralizing Trends and Pollution Law Enforcement in China / Van Rooij B., Zhu Qiaoqiao, Li Na, Wang Qiliang // *China Quarterly*. – 2017. – N 231. – P. 583–606.
7. Eaton S., Kostka G. Authoritarian Environmentalism Undermined? Local Leaders' Time Horizons and Environmental Policy Implementation in China // *China Quarterly*. – 2014. – N 218. – P. 359–380.
8. Eaton S., Kostka G. Central Protectionism in China : The “Central SOE Problem” in Environmental Governance // *China Quarterly*. – 2017. – N 231. – P. 685–704.
9. Economy E. Environmental Governance in China: State Control to Crisis Management // *Daedalus*. – 2014. – Vol. 143, N 2. – P. 184–197.
10. Grunow D. Structures and Logic of EP Implementation and Administration in China // *Journal of Current Chinese Affairs*. – 2011. – N 3. – P. 37–75.
11. Heberer T., Senz A. Streamlining Local Behavior Through Communication, Incentives and Control: A Case Study of Local Environmental Policies in China // *Journal of Current Chinese Affairs*. – 2011. – N 3. – P. 77–112.
12. Ministry of Ecology and Environment. 2021 State of Ecology and Environment Report Review. – URL: <http://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/soe/SOEE2019/202204/P020220407417638702591.pdf> (дата обращения : 20.04.2023).
13. Wang Yuzhe, Zhao Jing, Chi Ch. China's Energy Reduction Policy System: Outcomes and Responses of Local Governments // *China & World Economy*. – 2014. – Vol. 22, N 3. – P. 56–78.
14. World Bank. China Economic Update : Investing in High-quality Growth, May 2018. – Washington, DC : International Bank for Reconstruction and Development – The World Bank, 2018. – 25 p.
15. World Bank. China Economic Update : Cyclical Risks and Structural Imperatives, December 2019. – Washington, DC : International Bank for Reconstruction and Development – The World Bank, 2019. – 59 p.
16. Zhang Xuehua. Implementation of Pollution Control Targets in China : Has a Centralized Enforcement Approach Worked? // *China Quarterly*. – 2017. – N 231. – P. 749–774.
17. Zheng Siqi, Kahn M. A New Era of Pollution Progress in Urban China? // *Journal of Economic Perspectives*. – 2017. – Vol. 31, N 1. – P. 71–92.

САМСОНОВА В.Г.* МЕЖКОРЕЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI в.

Аннотация. Экономическое сотрудничество КНДР и РК в настоящее время фактически находится в стадии заморозки, остановлены торговые взаимоотношения, не работает совместный проект – Кэсонский промышленный комплекс. При этом, по мнению автора, администрация РК при президенте Юн Сок Ёле не готова идти на сближение и вести конструктивный диалог с КНДР в любых сферах, в том числе экономической. В статье автор дает хронологию развития экономических взаимоотношений КНДР и РК, анализирует вызовы и противоречия, возникшие во взаимодействии двух государств, исследует санкции СБ ООН по отношению к КНДР, анализирует возможные экономические перспективы при нормализации отношений между КНДР и РК.

Ключевые слова: КНДР; Республика Корея; межкорейские экономические отношения; Кэсонский промышленный комплекс; санкции.

SAMSONOVA V.G. Inter-Korean economic relations in the XXI century

Abstract. Economic cooperation between the DPRK and the ROK is currently in the process of freezing, trade relations have been stopped, and the joint project – the Gaeseong industrial complex – is not working. At the same time, according to the author, the administration of the Republic of Korea under President Yoon Suk Yeol is not ready to move towards rapprochement and conduct a constructive dialogue with the DPRK in any areas, including economic. The author

* © Самсонова Виктория Георгиевна – кандидат экономических наук, руководитель Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН.

gives in the article a chronology of the development of economic relations between two countries, analyzes the challenges and contradictions that have arisen in the interaction between the two states, researches the UN Security Council sanctions against the DPRK, analyzes possible economic prospects under condition of normalization of relations between the DPRK and the ROK.

Keywords: the DPRK; the ROK; Inter-Korean economic relations; Gaeseong Industrial complex; sanctions.

Для цитирования: Самсонова В.Г. Межкорейские экономические отношения в XXI в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 4. – С. 129–142. DOI: 10.31249/RVA/2023.04.07

В XXI в. межкорейские экономические отношения претерпели различные фазы – от взлетов до падений – и в результате ознаменовались значительным ухудшением после прихода в 2022 г. новой администрации Южной Кореи Юн Сок Ёля, который фактически свел двусторонний диалог к навязыванию КНДР схемы: экономическая помощь в обмен на денуклеаризацию КНДР. В своей инаугурационной президентской речи Юн Сок Ёль заявил: при условии что Северная Корея прекратит разработку ядерного оружия и перейдет к практической денуклеаризации, Южная Корея подготовит «смелый план» по развитию экономики КНДР и улучшению качества жизни северокорейцев [23].

В дальнейшем «смелый план» перерос в «смелую инициативу», которую представил Юн Сок Ёль во время выступления 15 августа 2022 г. Данный документ предполагает шесть основных направлений помощи КНДР от Южной Кореи:

1. Крупномасштабная программа по снабжению продовольствием.
2. Поддержка инфраструктуры, производства, передачи и распределения электроэнергии.
3. Техническая поддержка для повышения производительности сельского хозяйства.
4. Модернизация морских портов и аэропортов для осуществления международной торговли.
5. Модернизация больниц и медицинской инфраструктуры.
6. Реализация международных инициатив по инвестированию и финансовой поддержке [29].

Вряд ли, однако, президент Юн Сок Ёль, завязывая экономику и политику в единый узел, сможет (а может он и не хочет) добиться позитивных результатов в двустороннем экономическом партнерстве. Более перспективен принцип «отделения экономики от политики», предложенный бывшим президентом Республики Корея Ким Дэ Чжуном. Курс последнего, названный «политикой солнечного тепла», и продолженный его преемником Но Му Хеном курс сближения в «политике мира и процветания» [5] способствовали сближению двух стран и оказались выгодными как для Юга, так и для Севера Корейского полуострова.

В результате сложилась своеобразная схема диалога в экономических вопросах, реализовавшаяся в поэтапном углублении двустороннего партнерства. И такая поэтапность, в частности для КНДР, расширила возможности поиска компромиссного решения, при котором она смогла бы, «сохранив лицо» и идеологический режим, выйти из трудной экономической ситуации, сложившейся в стране [14].

Важнейшим совместным проектом КНДР и РК стал Кэсонский промышленный комплекс, первая партия продукции которым была выпущена в 2004 г. В Кэсоне были развернуты крупные трудоемкие производства с использованием капитала, новейших технологий, техники и менеджмента Республики Корея, с одной стороны, и дешевой рабочей силы и земли – КНДР. Продукция Кэсона представлена преимущественно товарами текстильной промышленности, а также машиностроения, электроники, пищевой, химической и ряда других отраслей. Текстиль составлял примерно 40% всей продукции, это продукция машиностроения – 25, электротовары и электроника – 21, химические товары – 15% [24].

Уже в 2006 г. количество северокорейских рабочих на этом проекте превысило 11 тыс. человек, увеличившись до 55 тыс. человек в 2015 г., а количество участвовавших южнокорейских предприятий выросло за 2005–2015 с 18 до 125 (табл. 1) [22], [28]. Средний возраст северокорейских работников – 31 год при соотношении мужчин и женщин один к четырем. Их минимальная месячная базовая заработная плата составляла 50 долл. США (или 57,5 долл., включая социальное страхование) [24].

Таблица 1

Кэсонский промышленный комплекс

Годы	Количество компаний-резидентов	Количество северо-корейских работников	Количество южнокорейских работников
2005	18	6013	507
2006	30	11 160	791
2007	65	22 538	785
2008	93	38 931	1055
2009	117	42 561	935
2010	121	46 284	804
2011	123	49 866	776
2012	123	53 448	786
2013	123	52 329	757
2014	125	53 947	815
2015	125	54 988	820

Источник: 개성공단 입주기업 수 및 근로자 현황 (на кор. яз.). Количество компаний в Кэсонском промышленном комплексе и текущий статус работников. Korean Statistical Information Office (KOSIS). (дата обращения: 08.05.2023).

URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?mode=tab&orgId=101&tblId=DT_1_ZGAB6&vw_cd=MT_BUKHAN&list_id=101_001_010&conn_path=MT_BUKHAN&path=%252Fbukhan%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do

Однако политика на экономическое сближение с КНДР была свернута при администрации президента РК Ли Мен Бака и не получила развития при президенте Пак Кын Хе. При последнем в 2016 г. была остановлена работа Кэсонского промышленного комплекса, следствием чего стало резкое падение товарооборота (табл. 2).

Таблица 2

Межкорейская торговля (в млн долл.)

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экспорт из КНДР в РК	1,452	186	0	11	0	0	0	0
Экспорт из РК в КНДР	1,262	147	1	21	7	4	1	0
Всего	2,714	333	1	31	7	4	1	0

Источник: Ministry of Unification of the ROK. Data and statistics. – URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/exchanges/ (дата обращения: 07.05.2023).

Попытка сближения с КНДР и возобновления экономического диалога была сделана при президенте РК Мун Чжэ Ине, однако существенных результатов добиться не удалось. Как отмечает А.З. Жебин, «выдвинув в качестве одной из своих программных задач улучшение межкорейских отношений, он, к сожалению, не сумел закрепить и развить позитивные тенденции в связях с Севером, появившиеся после проведения трех межкорейских саммитов в 2018 г.» [4].

Позитивных результатов добиться не удалось во многом, как считают в российском экспертном сообществе, из-за неспособности РК выполнить взятые на себя обязательства, а именно: «начать подготовку к подписанию мирного договора между официально воевавшими сторонами во время Корейской войны 1950–1953 гг., приступить к реализации планов по соединению автомобильных и железных дорог Севера и Юга, развитию других проектов экономического сотрудничества, в том числе по возобновлению работы Кэсонского промышленного комплекса» [7, с. 48].

В тексте Пханмунчжомской декларации, подписанной по итогам межкорейского саммита 27 апреля 2018 г., содержался также пункт о «практических мерах по соединению, модернизации и использованию железнодорожной линии и автостреды на восточном и западном побережьях» Специальный пункт касался Кэсонского проекта «Север и Юг договорились учредить в районе Кэсон совместное бюро межкорейских связей» с участием руководителей двух стран [16]. Было решено нормализовать работу в Кэсонском индустриальном комплексе и развивать туристические проекты на горах Кымган [12].

Однако планы, указанные в совместной Пханмунчжомской декларации, не были реализованы. В дальнейшем из-за продолжающегося внешнего негативного давления со стороны США и их союзников, в том числе ужесточения санкционной политики по отношению к КНДР, приход к власти новой администрации Юн Сок Ёля, не настроенной на конструктивный диалог, оборвал двусторонние связи.

Более того, введение жестких санкций еще более усложняет экономическую ситуацию в КНДР и сокращает возможности позитивного воздействия на Северную Корею. Впервые международные санкции в отношении Пхеньяна были введены в 2006 г. резо-

люцией Совета Безопасности ООН 1718. За период с 2006 по 2017 г. был принят целый ряд резолюций Совбеза, которые последовательно ужесточали ограничения на деятельность КНДР, в том числе в экономической области (табл. 3).

В 2016–2017 гг. США добились принятия секторальных санкций, ограничивавших экспорт продукции ключевых отраслей экономики и сокращавших доходы страны от внешнеторговых операций, которые, как считается, играют ключевую роль в обеспечении ядерной программы КНДР. В условиях режима жестких санкций, введенных в 2017 г., Северная Корея практически была лишена возможностей реализации экспортного потенциала, так как под запретом оказались 90% номенклатуры вывоза и ввоза. Также после серии санкций в отношении финансовых операций стало гораздо труднее обслуживать внешнюю торговлю, были введены запреты на прием северокаорейских рабочих и требование депортировать тех, кто работал в странах – членах ООН [18, с. 9].

Эти меры затронули важные экономические отрасли, работающие на экспорт. Причем список предметов, запрещенных для экспорта в КНДР и импорта из нее, в соответствии с резолюцией 1718 (2006) Совета Безопасности расширялся в значительных объемах, достаточно упомянуть, что Перечень дополнительных связанных с обычными вооружениями предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий от 02 октября 2017 г. включает 59 страниц [10].

Таблица 3

Ключевые резолюции Совета Безопасности ООН по КНДР

Год	Резо- люция	Основное содержание
1	2	3
2006	1718	Создание Комитета по санкциям Совета Безопасности (Комитет 1718). Введение оружейного эмбарго, замораживание активов и запрет на поездки в отношении лиц, причастных к ядерной программе КНДР, и запрещение целого ряда импортируемых и экспортируемых товаров для запрещения КНДР проводить ядерные испытания или запуск баллистических ракет.
2009	1874	Распространяет меры, касающиеся экспорта и импорта оружия, на все виды оружия и связанные с ним материалы (за исключением импорта стрелкового оружия или легких вооружений и связанных с ними материалов).

Межкорейские экономические отношения в XXI веке

1	2	3
2013	2087	Расширяет меры, касающиеся прав государств-членов изымать и уничтожать материалы, в отношении которых имеются подозрения, что они связаны с разработками и исследованиями КНДР в области вооружений; расширяет меры, введенные в отношении физических лиц, подозреваемых в причастности к ядерной программе КНДР.
2013	2094	Вводит целенаправленные финансовые санкции; расширяет список запрещенных предметов, касающихся ядерного оружия, баллистических ракет и других видов ОМУ. Представляет неполный список запрещенных предметов роскоши.
2016	2270	Вводит новые процедуры досмотра грузов и морских судов. Распространяет финансовые меры, включая замораживание активов, на структуры правительства КНДР и ее Трудовой партии, связанные с запрещенными программами и деятельностью; обязывает государства закрыть имеющиеся отделения банков КНДР на своей территории. Вводит секторальные санкции (эмбарго в отношении угля, полезных ископаемых и топлива) и запрещает закупку и (или) передачу этих товаров со стороны государств-членов.
2016	2321	Ужесточает меры, касающиеся морского транспорта, вводя запрет на следующие виды деятельности: любой лизинг, фрахт или предоставление касающихся экипажа услуг для КНДР; регистрацию судов в КНДР, получение разрешений на использование судном флага КНДР и владение, лизинг, эксплуатацию, предоставление любых услуг по классификации, сертификации судов или связанных с этим услуг или страхование любого судна, плавающего под флагом КНДР. Запрещает поставку, продажу или передачу в КНДР новых вертолетов и судов. Пересматривает и расширяет секторальные санкции, устанавливая предельный количественный / стоимостный лимит на экспорт угля из КНДР и вводя систему предоставления отчетности и отслеживания такого экспорта в реальном масштабе времени. Добавляет в перечень материалов, осуществлять поставку, продажу или передачу которых КНДР запрещено, медь, никель, серебро и цинк и запрещает государствам-членам осуществлять их закупку и / или передачу.
2017	2371	Предусматривает полный запрет на поставки угля, железа и железной руды и добавляет в список запрещенных товаров, попадающих под действие секторальных санкций, свинец и свинцовую руду. Запрещает нанимать и оплачивать труд новых работников из КНДР, которые служат источником экспортных поступлений из-за рубежа.

		Запрещает КНДР экспортировать морепродукты (в том числе рыбу, ракообразных, моллюсков и других водных беспозвоночных во всех формах). Расширяет действие финансовых санкций, вводя запрет на открытие новых или расширение существующих совместных предприятий и кооперативных коммерческих предприятий с КНДР.
2017	2375	<p>Предусматривает полный запрет на поставку, продажу или передачу КНДР всех видов конденсата и газоконденсатных жидкостей.</p> <p>Предусматривает лимит в отношении всех продуктов переработки нефти в плане разрешенного объема (в том, что касается поставки, продажи или передачи КНДР). Предусматривает ограничения на поставку, продажу или передачу КНДР в любой 12-месячный период после принятия резолюции какого-либо количества сырой нефти сверх того количества сырой нефти, которое государства-члены поставили за 12-месячный период до принятия резолюции (11 сентября 2017 года).</p> <p>Предусматривает запрет на экспорт КНДР текстильных изделий (включая ткани и полуфабрикаты и полностью готовые швейные изделия). Запрещает государствам-членам предоставлять разрешения на работу гражданам КНДР, помимо тех, письменные контракты на которые были окончательно оформлены до принятия резолюции (11 сентября 2017 г.).</p>
2017	2397	<p>Предусматривает сокращение максимально допустимого объема поставок таких продуктов до 500 000 баррелей из расчета на 12-месячный период начиная с 1 января 2018 г. (и в последующие 12-месячные периоды). Устанавливает максимально допустимый совокупный объем поставки, продажи или передачи сырой нефти государствами-членами КНДР 4 млн баррелей, или 525 000 т из расчета на 12-месячный период с 22 декабря 2017 г. Расширяет сферу действия секторальных санкций, вводя запрет на экспорт из КНДР продовольственных и сельскохозяйственных товаров, машинного оборудования, электрооборудования, земель и камня, включая магнезит и магнезито, древесины и судов. Резолюция также запрещает КНДР продавать или передавать права на рыболовство.</p> <p>Вводит запрет на поставку, продажу или передачу КНДР всех видов промышленного оборудования, автотранспортных средств, железа, стали и других металлов, за исключением запасных частей для обслуживания находящихся в эксплуатации коммерческих пассажирских самолетов КНДР. Ужесточает запрет на выдачу разрешений на работу гражданам КНДР, обязывая государства-члены репатриировать всех граждан КНДР, используемых для получения дохода на их территории, и всех</p>

		атташе КНДР по государственному надзору за охраной труда, осуществляющих надзор за работниками из КНДР в юрисдикции соответствующего государства-члена, в течение 24 месяцев с 22 декабря 2017 г. В резолюции уточняется, что положения резолюции не распространяются на перевозку российского угля в другие страны железнодорожным и морским транспортом в рамках российско-северокорейского проекта «Хасан-Раджин».
--	--	---

Источник: Официальный сайт Совета Безопасности ООН. Комитет по санкциям 1718 (по КНДР). Резолюции. – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/resolutions> (дата обращения: 23.05.2023)

Согласно мнению некоторых экспертов, санкции привели к тому, что внешнеэкономическая деятельность КНДР ушла в нелегальную сферу, с использованием обходных путей для ввоза и продажи необходимых товаров. Например, в докладе группы экспертов, учрежденной резолюцией 1874 (2009) от 2 марта 2020 г., утверждается, что КНДР нарушает резолюции, незаконно импортируя нефть, уголь, товары роскоши с приложением фото судов, техники и др. Под подозрение попала швейцарская АБВ, трех белых промышленных роботов которой эксперты разглядели на фотографии в рыбоперерабатывающем заводе в Тхончоне [3, с. 50]. Ведутся расследования в связи с поставкой отдельных видов напитков из России и т.д. Делается все, чтобы партнеры прекратили экономические взаимоотношения с КНДР дабы избежать возможных проблем.

При этом Северная Корея продолжала вести торговую деятельность с разными странами. В числе ее стабильных партнеров Китай и Россия. Также торговые связи существуют с Малайзией, Таиландом, Сингапуром, Индией, рядом африканских стран [1]. Внешняя торговля продвигалась в том числе в рамках деятельности Торговой палаты КНДР, которая заключила соглашения о взаимном сотрудничестве с торговыми палатами и организациями более десятка стран из различных регионов: России, Китая, Кубы, Сингапура, Индии, Таиланда, Польши, Белоруссии, Чехии, Монголии, Египта, Замбии [17].

После сворачивания связей с Южной Кореей внешняя торговля КНДР завязана практически целиком на КНР. В 2019 г. на долю Китая пришлось 95,4% общего объема северокорейской внешней торговли [15]. В 2022 г. объем торговли между Китаем и КНДР

вырос еще на 225,9% и составил 1,028 млрд долл. По данным Главного таможенного управления КНР, Китай экспортировал в КНДР товаров и услуг на 894 млн долл., за 2022 г. этот показатель взлетел на 247,5%. Поставки в обратном направлении в 2022 г. выросли на 130,2%, до 133,7 млн долл. КНР поставляет в КНДР соевое масло, автомобильные шины, медикаменты, сахар, пшеничную муку, соду, глутамат натрия, продукцию из пластика, сигареты. КНДР экспортирует в Китай вольфрам, электроэнергию, ферросилиций, углеродистый кремний, листовое стекло и шелковые нити [19].

Несмотря на множество негативных моментов, социально-экономическая ситуация в КНДР остается стабильной: расширяется жилищное строительство, предпринимаются усилия для улучшения жизни населения: построена новая улица Сонхва с домами на 10 тыс. квартир в Пхеньяне, строятся дома в районе Хвасон [2].

Укрепляется материально-техническая база сельского хозяйства, которая была объявлена одной из приоритетных задач нового пятилетнего плана экономического развития страны на 2021–2025 гг. Для решения продовольственной проблемы перед сельским хозяйством ставится задача увеличения производства, а ирригация и механизация вновь выдвигаются в качестве важных стратегических задач в аграрном секторе. Построен Рёнпхоский тепличный комплекс площадью 280 га в провинции Южная Хамгён (рядом с г. Хамхын), в котором имеются 850 с лишним гидропонных и почвенных теплиц [2].

Предполагается систематически увеличивать государственные ассигнования на развитие сельского хозяйства, чтобы добиться решения продовольственного вопроса, как самой насущной проблемы страны на современном этапе. Для этого будет необходимо повысить урожайность зерновых, что непосредственно связано как с успехами селекции, так и с увеличением количества удобрений (особенно фосфорных и калийных), техники и топлива. Кроме того, для сокращения колоссальной нехватки овощей, являющихся важным источником витаминов, планируется строительство масштабных тепличных комплексов. Одновременно для улучшения жизни людей ставится задача модернизации сельских поселений путем масштабного строительства современного жилья и социальных объектов [6].

При этом, по нашему мнению, при возобновлении межкорейского сотрудничества результаты могут быть взаимовыгодными. Преимуществами могут стать:

1. Человеческие ресурсы. Главный вызов, стоящий перед Южной Кореей – нехватка молодых трудовых ресурсов, старение населения и дороговизна рабочей силы. В КНДР особенно на фоне других стран Восточной Азии демографическая ситуация позитивна. Страна обладает сравнительно молодой и дешевой рабочей силой (в 2021 г. население Северной Кореи составило 25,97 млн человек [25]), использование которой может принести выгоду потенциальному иностранному инвестору. Более того, северокорейские трудовые кадры характеризуются не только молодым возрастом, но и высокой грамотностью, быстрой обучаемостью, дисциплинированностью. Достаточно отметить, что ИТ специалисты из КНДР (Политехнический университет им. Ким Чака) занимают лидирующие места на международных соревнованиях, например, серебряную медаль в чемпионате мира по программированию ICPC 2019 [7]. Специалисты в анимации из SEK Studio выполняли заказы для европейских, южнокорейских, китайских предприятий, выйдя вперед, как отмечал Доминик Буашо, президент французской кинокомпании Les Films de la Perrine, с точки зрения соотношения между качеством и ценой [21]. Если в 2023 г. средняя зарплата в РК составляла 3,280 [26], то средняя зарплата северокорейца в Кэсоне составляла от 60 до 168 долл. (в 2015 г.) [27].

2. Богатые природные ресурсы, суммарная стоимость которых по разным оценкам достигает от 2,8 до 6 трлн долл. [13]. По мнению южнокорейских экспертов, на территории КНДР имеются крупные месторождения около 20 видов полезных ископаемых. Это магнезит – 2-е место в мире (4 млрд тонн), графит – 3-е место (2 млн т), вольфрам – 6-е место (160 тыс. т) [11]. Российские геологи отмечают также запасы меди, золота, свинца, цинка, молибдена, железа, пирита, флюорита. Интенсивно ведется промышленная разработка руд цветных металлов (цинка, свинца, меди, никеля, вольфрама и молибдена) [9].

3. Качественная и недорогая продукция товаров народного потребления, в том числе косметика, шелковые изделия, продовольствие, керамика, картины, текстиль и др. Интересным являет-

ся производство экологически чистых продуктов питания, например, компанией Хвангымсан [2].

4. Оригинальные туристические проекты.

5. Возобновление совместных инвестиционных проектов, реализация которых играет не только важное экономическое значение, но и даёт возможность обеспечения стабильности на Корейском полуострове и укрепления мира в этом регионе.

Список литературы

1. Булычев Г.Б., Коргун И.А. Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 5. – С. 64–75.
2. Внешняя торговля КНДР 2023 // Внешняя торговля КНДР. – URL: <http://korean-books.com.kp/ru/search/?page=periodic-trade> (дата обращения: 13.04.2023).
3. Доклад группы экспертов, учрежденной резолюцией 1874 (2009) от 02 марта 2020 г. Корейская Народно-Демократическая Республика // Совет Безопасности ООН. – 2020. – 2 марта. – URL: <https://undocs.org/ru/S/2020/151> (дата обращения: 03.04.2023).
4. Жебин А.З. В поисках прочного мира в Корее: декларация об окончании войны // Современные проблемы Корейского полуострова 2022 / Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии, РАН. – Москва : ИКСА РАН, 2022. – С. 14–23.
5. Захарова Л.В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. – Москва : ИДВ РАН, 2014. – 250 с.
6. Захарова Л.В. Состояние сельского хозяйства и современные попытки решения аграрного вопроса в КНДР // Современные проблемы Корейского полуострова 2022 / Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии, РАН. – Москва : ИКСА РАН, 2022. – С. 104–114.
7. Ким Ен Ун. Тенденция развития межкорейских отношений в 2022 г. Аналитические записки ИКСА РАН. Выпуск 2. – Москва : ИКСА РАН, 2022. – 76 с.
8. Команда МГУ победила в чемпионате мира по программированию ICPC 2019 // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – 2019. – 4 апреля. – URL: <https://www.msu.ru/press/smiaboutmsu/komanda-mgu-pobedila-v-chempionate-mira-po-programmirovaniyu-icpc-2019.html> (дата обращения: 10.05.2023).
9. Корея. КНДР // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/2096962?ysclid=lf3yqsoxj600282171> (дата обращения: 06.05.2023).
10. Перечень предметов, запрещенных для экспорта в Корейскую Народно-Демократическую Республику и импорта из нее, в соответствии с резолюцией 1718 (2006) Совета Безопасности // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/prohibited-items> (дата обращения: 26.04.2023).

11. Природные ископаемые КНДР оценили в 6 трлн долл. // Российская газета. – 2013. – 19 сентября. – URL: <https://rg.ru/2013/09/19/iskopaemie-site-anons.html?ysclid=li44n52gmi188773545> (дата обращения: 13.05.2023).
12. Пхеньянская сентябрьская совместная декларация // ЦТАК. – 2018. – 20 сентября. – URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/c3ed7fd5dfc5f1843fa0422e6c9f76a1.kcmsf> (дата обращения: 03.05.2023).
13. СМИ: запасы полезных ископаемых в КНДР оцениваются почти в \$2,8 трлн // РИА Новости. – 2017. – 01 октября. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4606819> (дата обращения: 13.05.2023).
14. Суслина С.С. Межкорейский экономический диалог и южнокорейский крупный бизнес // Поиск. – URL: <https://poisk-ru.ru/s6783t11.html?ysclid=li08c812ky172284265> (дата обращения: 26.05.2023).
15. С января по август товарооборот между КНДР и КНР сократился на 70% // KBS World radio. – 2020. – 2 октября. – URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=IK&Seq_Code=63330 (дата обращения: 11.05.2023).
16. Текст Пханмунчжомской декларации о мире на Корейском полуострове // КНДР: все о Северной Корее. – 2018. – 28 апреля. – URL: <https://dprk.ru/nkmedia/tekst-phanmunchzhomskoy-deklaratsii-o-mire-na-koreyskom-poluostrove.html> (дата обращения: 26.04.2023).
17. Торговая палата КНДР // Foreign trade od DPR Korea. – URL: <http://kfrtrade.com.kp/index.php/investment/agency/10439?lang=ru> (дата обращения: 11.05.2023).
18. Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачёва В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки : научный доклад. – Москва : Институт экономики РАН, 2020. – 46 с.
19. Торговый оборот Китая и КНДР в 2022 г. вырос на 226%, до \$1 млрд – таможня // News. – 2023. – 18 января. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/277828597> (дата обращения: 11.05.2023).
20. A Short History of North Korea's Animation Industry // Cinema Escapist. – 2018. – 6 июня. – URL: <https://www.cinemaescapist.com/2018/06/short-history-north-korea-animation-sek/> (дата обращения: 10.05.2023).
21. Axis of animation // Forbes. – 2003. – 3 марта. – URL: <https://www.forbes.com/global/2003/0303/014.html?sh=50f0a9723a60> (дата обращения: 21.04.2023).
22. Chronology of Gaeseong Industrial Complex // The Korea Herald. – 2013. – 9 апреля. – URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20130409000681> (дата обращения: 08.05.2023).
23. Inaugural Address by President Yoon Suk Yeol // Office of the President Republic of Korea. – 2022. – 10 мая. – URL: <https://eng.president.go.kr/speeches/kJDwcanX?page=3> (дата обращения: 26.04.2023).
24. Jeong Hyung-gon. Economics of the Kaeson Industrial Complex // North Korea's Economic Development and External Relations. P. 71. – 2011. – 25 мая. – URL: <https://keia.org/publication/economics-of-the-kaeson-industrial-complex/> (дата обращения: 24.05.2023).
25. Korea, Dem. People's Rep. // World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/country/korea-dem-peoples-rep?view=chart> (дата обращения: 26.05.2023).

26. The highest wages in the world // Wagecentre. – 2023. – URL: <https://wagecentre.com/immigration/country/the-highest-wages-in-the-world> (дата обращения: 06.05.2023).
27. The values of Gaeseong Industrial Complex // Gaeseong Industrial District Foundation. – Сеул : Министерство объединения Республики Корея, 2015. – Р. 10.
28. 개성공단 입주기업 수 및 근로자 현황 = Количество компаний в Кэсонском промышленном комплексе и текущий статус работников // Korean Statistical Information Office (KOSIS). – 2023. – Кор. яз. – URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGAA&vw_cd=MT_BUKHAN&list_id=101_001_010&seqNo=&lang_mode=ko&language=kor&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_BUKHAN (дата обращения: 08.05.2023).
29. 제77주년 광복절 경축사 = Поздравительная речь по случаю 77-й годовщины Дня освобождения // 대통령실 = Официальный сайт Президента РК. – 2022. – 15 августа. – Кор. яз. – URL: <https://www.president.go.kr/president/speeches/GQ0XfcPy> (дата обращения: 10.05.23).

ФИЛИППОВ Д.А.* ВЛИЯНИЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НА ДЕБАТЫ В ЯПОНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СТРАНЫ В 1990-х годах

Аннотация. В статье анализируются изменения условий безопасности в Восточной Азии после окончания холодной войны и их влияние на принципы внешней политики Японии, а также дискуссии в японских политических кругах относительно новой дипломатической стратегии, которая бы лучше отвечала новым угрозам и вызовам. В течение холодной войны Япония следовала на международной арене так называемой «доктрине Ёсида», основанной на зависимости от США в области национальной безопасности, акценте на внутреннюю политику и экономическое развитие и скромной роли в международных делах. Хотя данная стратегия позволила Японии достичь статуса второй экономики мира, она в недостаточной степени отвечала геостратегическим реалиям, сложившимся после окончания холодной войны, таким как экономическое и военное усиление Китая и сравнительное снижение военного присутствия в Восточной Азии США. В течение 1990-х годов в Японии велись дебаты относительно новой глобальной роли страны, приведшие к появлению ряда внешнеполитических концепций и инициатив, имевших различные и зачастую противоречащие друг другу параметры, все из которых были направлены на активизацию японской дипломатии и символизировали постепенный отход от принципов «доктрина Ёсида». Данные концепции вошли в политический дискурс Японии и оказали влияние на внешнюю политику страны в последующие десятилетия.

* Филиппов Дмитрий Александрович – PhD; научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Ключевые слова: внешняя политика Японии; «доктрина Ёсида»; Итиро Одзава; Ёити Фунабаси; холодная война; человеческая безопасность.

FILIPPOV D.A. The end of the cold war's effect on debates in 1990 s Japan regarding its grand strategy

Abstract. This article analyses the changes in East Asian security environment after the end of the Cold War and their effect on the foundations of Japan's foreign policy, as well as the debates among Japanese political elites regarding a new grand strategy that would better address the new threats and challenges. During the Cold War Japan's diplomacy was guided by the so-called Yoshida doctrine based on relying on the US for national security, focusing on domestic politics and economic development, and a modest role in international affairs. While such strategy enabled Japan to become the world's second economy, it proved insufficiently suited to the new geostrategic realities, such as China's economic and military rise and a relative draw-down of US military presence in East Asia. Throughout the 1990s, debates were going on in Japan with regards to its new global role, which gave rise to a number of foreign policy concepts and initiatives that had disparate and often contradictory parameters yet were all aimed at invigorating Japan's diplomacy and symbolised gradual departure from the Yoshida doctrine. These concepts became part of Japan's political discourse and influenced its foreign policy in the following decades.

Keywords: Japanese foreign policy; Yoshida doctrine; Ichiro Ozawa; Yoichi Funabashi; Cold War; human security.

Для цитирования: Филиппов Д.А. Влияние окончания холодной войны на дебаты в Японии внешнеполитической стратегии страны в 1990-х годах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 4. – С. 143–155. DOI: 10.31249/RVA/2023.04.08

На протяжении холодной войны внешняя политика Японии развивалась на основании принципов так называемой «доктрины Ёсида», названной по имени премьер-министра Сигэру Ёсида, который возглавлял правительство в 1946–1947 гг. и позже в 1948–1954 гг. Суть данной стратегии заключалась в зависимости от США в вопросах национальной безопасности, акценте на экономическом развитии, а также пассивной, сдержанной дипломатии.

Хотя Япония оказалась почти полностью зависима от США в вопросах внешней и оборонной политики, японская политическая элита полагала, что только так страна могла вновь стать частью международного сообщества. По сути, «доктрина Ёсида» позволила Японии достичь статуса экономической супердержавы в обмен на отказ от попыток добиться высокого международного статуса и самостоятельности в сфере безопасности. Помимо общих принципов доктрины, послевоенная японская внешняя политика основывалась на трех ключевых элементах, закрепленных в Синей книге МИД Японии в 1957 г.: ориентация в дипломатических вопросах на ООН, поддержание статуса Японии как азиатской державы и сотрудничество со «свободным миром» [1].

Окончание холодной войны привнесло перемены во все вышеуказанные элементы японской дипломатии и ознаменовало для страны период поиска своей роли в новых международных реалиях. Распад СССР и исчезновение советской угрозы нанесли удар по самому смыслу существования японо-американского союза безопасности. Между тем Китай, который в годы холодной войны был противником СССР и не представлял угрозы безопасности Японии, становился все более значительным фактором в дипломатии Токио [2].

Для Японии было необходимо выработать сбалансированный подход, который бы представлял собой компромисс между послевоенным пацифизмом и более активным участием в международных делах, между союзом с США и отношениями с Восточной Азией, между дипломатией, основанной на общих ценностях, и политикой, ведомой экономическими интересами [5]. На протяжении 1990-х годов в японских политических кругах велись дискуссии относительно новой стратегии, которая бы заменила «доктрину Ёсида», становившуюся все менее актуальной на фоне радикальных изменений в системе международных отношений и условиях безопасности на глобальном и региональном уровнях. Многие японские лидеры пытались сформулировать и реализовать альтернативные внешнеполитические инициативы и доктрины в новой геополитической обстановке.

Первый принцип послевоенной внешней политики Японии – ориентация на ООН – был испытан на прочность во время Войны в Заливе 1990–1991 гг. Тогда международная коалиция, выступив-

шая против режима Саддама Хусейна в Ираке, ожидала, что Япония окажет содействие, соразмерное ее статусу как второй экономики мира, однако японские лидеры оказались совершенно не готовы к подобному сценарию: вместо того, чтобы отправить в Кувейт части Сил самообороны, правительство Тосики Кайфу прибегло к проверенной послевоенным временем «дипломатии чековой книжки» и лишь предоставило финансовую поддержку.

В течение холодной войны даже гипотетическая отправка Сил самообороны за пределы Японии была немыслима, поскольку воспринималась как возвращение страны в эпоху милитаризма, а также могла вовлечь Японию в чужую войну. Поэтому неудивительно, что сразу после окончания холодной войны, когда в японском обществе был все еще очень силен антимилитаризм, использование Сил самообороны за рубежом представлялось не столько обязательством Японии как члена международного сообщества, сколько угрозой Девятой статье Конституции. Тем не менее за пределами Японии такой осторожный подход называли безответственным, и международному престижу страны был нанесен удар. Недовольство Вашингтона было очевидно – был отменен визит в Токио Джорджа Буша-старшего, запланированный на апрель 1991 г. Министр иностранных дел Японии даже не был приглашен на прошедшую в Мадриде мирную конференцию. Об отношении к Японии со стороны Кувейта свидетельствовал тот факт, что правительство страны выкупило целую страницу в газете *The New York Times*, на которой поблагодарило всех стран – участниц коалиции, кроме Японии.

Именно чувство стыда и «абсолютного унижения», которое в результате ощутили как японские политики, так и обычные граждане, дало импульс к трансформации внешнеполитической стратегии страны и более активному ее участию в международных делах [10].

Окончание холодной войны и сопутствующие ему геополитические изменения не могли не оказать влияние и на отношения Японии с Китаем. Стоит отметить, что в конце 1980-х – начале 1990-х годов японская политическая элита рассматривала отношения с Пекином в весьма позитивном ключе и всячески старалась избегать напряжения в двусторонних связях. Япония крайне неохотно ввела санкции против Китая после протестов на площади

Тяньаньмэнь в 1989 г., а премьер-министр Кайфу стал первым крупным мировым лидером, посетившим Китай после этих событий в 1991 г. Когда китайские корабли открыли огонь по японским рыболовным судам в 1993 г., японское правительство оставило этот инцидент без ответа.

Экономическое и военное усиление Китая в течение 1990-х годов привело к формированию в Восточной Азии трехсторонней системы региональных отношений между Китаем, Японией и США [8]. С распадом СССР у этих трех государств исчез стратегический противник, и если международная позиция США лишь укрепилась, а Китай находился на подъеме, то Япония в те годы страдала как от экономических проблем, так и от политической нестабильности.

При этом со временем у Японии накопились претензии к позиции Китая по ряду вопросов, и японские политики стали пересматривать прежнюю стратегию в отношении своего соседа. Токио негативно воспринял подземные испытания Пекином ядерного оружия в 1994 г., а серия ракетных испытаний и военных учений в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг. лишь укрепило мнение Японии о неблагоприятном влиянии Китая на региональную безопасность. Дополнительной проблемой для Японии было и то, что ее влияние на политику Китая стало ослабевать вследствие как его стремительного экономического подъема, так и перехода к более активной внешней политике в регионе.

Наконец, японо-американский союз, на который Токио полностью полагался в обеспечении национальной безопасности, также прошел после окончания холодной войны через период неопределенности, заставив как Японию, так и США переосмыслить параметры двусторонних отношений. С исчезновением советской угрозы пропала и функция союза безопасности как сдерживающего фактора распространения коммунизма, в связи с чем важность двустороннего стратегического партнерства США и Японии стала менее значимой [7]. Вашингтон объявил о снижении военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и между 1990 и 1994 гг. число американских военнослужащих сократилось с 134 тыс. до 100 тыс. человек.

Следует отметить, что, хотя Токио в рамках «доктрины Ёсида» фактически передавал функции по защите своей страны Ва-

шингтону, японо-американским отношениям была присуща так называемая дилемма союза. С одной стороны, существовал риск того, что Япония окажется втянута в потенциальный китайско-американский конфликт, например на почве Тайваня, к которому она будет не готова в силу минимальных расходов на оборону и формального отсутствия вооруженных сил. С другой стороны, была опасность и того, что США посчитают улучшение отношений с Китаем важнее сохранения крепких связей с Японией, в результате чего Токио может оказаться изолирован как в политическом смысле, так и в военном [6]. Подобное опасение появилось среди японской политической элиты после быстрого и неожиданного потепления отношений между США и Китаем в 1972 г.

Тем не менее условия безопасности в Восточной Азии в 1990-х годах, характеризующиеся развитием ядерной программы КНДР, напряжением в Южно-Китайском море и появлением новых, нетрадиционных угроз безопасности, делали целесообразным сохранение крепкого японо-американского союза. В этом смысле примечателен доклад «Стратегия безопасности Соединенных Штатов для Азиатско-Тихоокеанского региона», который представил в 1995 г. заместитель министра обороны США по вопросам международной безопасности Джозеф Най. Данный доклад, в котором Най называл японо-американский союз ключевым элементом не только восточноазиатской безопасности, но и американской внешнеполитической стратегии, стал вехой в развитии двустороннего союза, подтвердив решимость США поддерживать военное присутствие в регионе [11].

Все эти события и тенденции – потеря престижа вследствие недостаточного вклада в действия международной коалиции во время Войны в Заливе, возрастающие подозрения в отношении Китая и период неуверенности относительно прочности союза с США – подчеркивали для японских лидеров несостоятельность «доктрины Ёсида» в новых геостратегических реалиях.

Тем не менее три принципа японской дипломатии – ориентация на ООН, восточноазиатская идентичность и сотрудничество со «свободным миром», олицетворяемым США, – оставались важны для Японии и после окончания холодной войны, при том, что каждый из них требовал переосмысления. Большинство японских лидеров в 1990-е годы пытались модифицировать или перестроить

внешнеполитическую стратегию страны, по-разному сочетая данные принципы и делая акцент на том или ином направлении дипломатии. Как уже было сказано, Война в Заливе оказала сильнейшее влияние на представления японских политиков о роли Японии в меняющемся мире, и уже к началу 1990-х годов сформировались две преобладающие точки зрения по этому вопросу. Согласно одной, Япония должна активизировать свою внешнюю политику, чтобы приумножить свой престиж на международной арене. Согласно другой, ей следует сохранять скромную роль в традиционных рамках союза с США, но при этом взять на себя роль «пацифистского государства», оказывая финансовую и гуманитарную помощь в целях поддержания мира и процветания.

Сторонники первого подхода зачастую говорили о том, что Япония должна стать «нормальной нацией». Данный термин ввел в оборот политик Итиро Одзава, на тот момент принадлежавший к Либерально-демократической партии Японии и имевший репутацию «серого кардинала» японской политики. Одзава впервые выдвинул предложение о необходимости проведения более активной внешней политики в 1992 г. в докладе особого комитета по роли Японии в международном сообществе, который Одзава и возглавлял. В этом документе, более известном просто как «доклад Одзава», текст которого был опубликован в апрельском номере журнала *Бунгэй Сюдзю*, говорилось, что поскольку Япония является глобальной экономической державой, то ее международная роль должна быть соразмерна ее статусу, а потому японская внешняя политика должна быть «фундаментально пересмотрена». В докладе также критиковались как «пассивный» пацифизм, характерный для послевоенной Японии, так и «доктрина Ёсида», поскольку та уделяла первостепенное внимание внутренней политике, отказываясь при этом от достаточного вклада в международную безопасность. В качестве альтернативы авторы доклада предлагали концепцию «активного пацифизма», в рамках которого Япония признавала бы законным применение вооруженной силы и могла бы принимать военное участие в гипотетической армии ООН или международных коалициях.

Концепция Японии как «нормальной нации» получила развитие в книге Одзава «План реформы Японии», вышедшей в 1993 г. и ставшей бестселлером. В книге Одзава выступал за внесение из-

менений в Конституцию с тем, чтобы позволить Японии принимать участие в международных миротворческих операциях. По его мнению, Япония станет «нормальной нацией», когда возьмет на себя те же международные обязанности, что и другие государства, вместо того чтобы «получать и не отдавать». По замыслу Одзава Япония должна иметь право на участие в коллективной системе безопасности и проводить более решительную внешнюю политику, добиваясь тем самым большего престижа и могущества. Одзава не просто ввел в японский политический дискурс концепцию «нормальной нации», но и стал ее лицом: в 1993–2006 гг. в трех крупнейших японских газетах вышло 39 редакционных статей, посвященных «нормализации» Японии, и 30 из них упоминали Одзава по имени.

Другой же взгляд на пути развития японской дипломатии, подчеркивающий уникальный статус Японии как пацифистского государства, был популяризирован журналистом Ёити Фунабаси, который стал автором концепции «глобальной невоенной державы». Как считал Фунабаси, именно поддержание и распространение пацифизма станет той глобальной ролью Японии, которая в итоге создаст условия, наиболее отвечающие ее национальным интересам. Концепция «невоенной державы», делающая акцент на мягкой силе, была довольно близка к образу Японии как пацифистского торгового государства, созданного на основе «доктрины Ёсида». По мнению Фунабаси, задачей Японии на международной арене должно быть создание «либерального международного порядка» экономическими средствами, такими как свободная торговля и программа официальной помощи в целях развития. Любопытно, что внешняя политика «глобальной невоенной державы» должна была строиться на общих западных ценностях и распространять идеи демократии и верховенства закона, а не ограничиваться лишь экономическими интересами.

Как Одзава, так и Фунабаси выступали за то, чтобы Япония вносила больший вклад в поддержание глобального мира и процветания, однако между их концепциями было два ключевых различия, которые делали «нормальную державу» и «глобальную невоенную державу» несовместимыми стратегиями. Первым различием было их отношение к использованию военной силы. Одзава выступал за конституционную реформу, которая бы позво-

лила Японии принимать участие в многосторонних военных операциях, санкционированных ООН, тогда как Фунабаси поддерживал понижение оборонного бюджета и использование в дипломатии лишь экономических методов. Вторым различием были их взгляды на японо-американские отношения. Одава считал одностороннюю ориентацию на США после окончания холодной войны неразумной, выступал против тотальной зависимости от Вашингтона в вопросах безопасности и видел в двустороннем союзе будущее, только если роль Японии в нем повысится. Между тем Фунабаси воспринимал японо-американские отношения более положительно, но считал, что Япония должна играть «вспомогательную» роль в глобальной стратегии США.

В контексте дебатов о роли Японии в меняющейся системе международных отношений следует также отметить, что в 1990-е годы в стране наблюдалось снижение числа прокитайских политиков. К концу десятилетия Пекин потерял большинство своих защитников среди членов правящей Либерально-демократической партии, тогда как новое поколение политиков все громче высказывало недовольство в отношении китайской политики, а также уступок, на которые, по их мнению, шло японское правительство. В те же годы среди политической элиты появились и новые мнения относительно того, как Япония должна отвечать на растущую мощь Китая [9]. С одной стороны, как левые, так и правые силы считали, что усиление Китая будет играть важную роль в будущем самой Японии. С другой, со стороны малочисленных, но активных ультраправых националистов все чаще слышались призывы к более жесткой политике по отношению к Пекину, и даже в целом прокитайское деловое сообщество Японии стало куда менее охотно высказываться за дальнейшую активизацию двусторонних связей.

В результате этих дискуссий первая попытка японского правительства сформулировать новую внешнеполитическую доктрину была предпринята администрацией Рютаро Хасимото в июле 1997 г., когда премьер-министр выступал с речью перед Ассоциацией корпоративных руководителей Японии. Целью новой стратегии под названием «Евразийская дипломатия» было поддержание мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе путем укрепления японо-американского союза и создания многосторонних инициатив на базе Азиатско-Тихоокеанского экономического сотруд-

ничества (АТЭС). Особое внимание в концепции Евразийской дипломатии уделялось отношениям с Китаем и Россией. По замыслу Хасимото, в регионе должен был сформироваться квадрат сил и влияния между Японией, США, Китаем и Россией, который создаст безопасные и стабильные условия для процветания Японии. В своей речи Хасимото подчеркнул необходимость радикального улучшения отношений с Россией, чтобы найти выход из территориального спора вокруг Северных Курильских островов. Что касается Китая, то целью Хасимото было достичь общих взглядов на международные проблемы и способствовать становлению Китая рациональным, конструктивным актором на мировой арене. В целом доктрина Евразийской дипломатии отражала желание Японии и сохранять прочный союз с США, и проводить независимую политику в отношении России, Китая и региона в целом.

Другое видение японской внешнеполитической стратегии было обнародовано правительством Кэйдзо Обути в 1998 г. под названием «Человеческая безопасность». Авторами данной концепции были дипломат Цуруока Кодзи и заместитель министра иностранных дел Кэйдзо Такэми, которые полагали, что Япония должна взять на себя большую ответственность по поддержанию международной безопасности, влиянию на глобальный экономический порядок и помощи развивающимся странам. Новые обязательства должны были выполняться посредством сочетания как традиционных невоенных методов, например программы официальной помощи в целях развития, так и новой деятельности в сфере безопасности, такой как миротворческие миссии ООН.

В то же время сторонники «Человеческой безопасности» выступали против ремилитаризации Японии, полагая, что повышение расходов на оборону не обязательно создаст более безопасные условия для страны и может вызвать опасения среди восточноазиатских соседей Японии. Вместо повышения оборонного бюджета они предлагали скромную модернизацию Сил самообороны, которая облегчит координацию международных усилий по обеспечению мира и процветания. Более актуальной концепцию «человеческой безопасности» сделал Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., результатом которого стало усиление интеграционных процессов в регионе. Новая инициатива была представлена самим премьер-министром Обути на саммите в Ханое в декабре 1998 г.

По словам Обути, «Человеческая безопасность» всеобъемлющим образом отвечает на все угрозы выживанию, повседневной жизни и человеческому достоинству. На практическом же уровне администрация Обути выделила 500 млн иен на создание «Фонда человеческой безопасности» под эгидой ООН.

Тем не менее ни Евразийская дипломатия, ни «Человеческая безопасность» не смогли стать адекватными альтернативами «доктрины Ёсида» и не являлись всеобъемлющими внешнеполитическими стратегиями, выработка которых представляла бы собой консенсус большинства политических акторов Японии. Тем не менее если Евразийская дипломатия фактически не пережила выдвинувшую ее администрацию Хасимото, то базовые принципы «Человеческой безопасности» актуальны для Японии и по сей день, хотя и не совсем в той форме, в которой они были выдвинуты правительством Обути (последующие премьер-министры признавали роль военных методов в обеспечении безопасности, а с начала 2010-х годов стала актуальна и постепенная ремилитаризация страны).

Что касается выдвинутых в начале 1990-х годов идей Одзава и Фунабаси о «нормальной нации» и «глобальной невоенной державе», то обе оказали заметное влияние на выработку новой внешнеполитической стратегии в 2000-е годы. В особенности много сторонников появилось в это время у концепции «нормальной нации», которые выступали за усиление военного потенциала Японии и использование Сил самообороны за пределами страны, как под эгидой ООН, так и в рамках союза с США. К числу политиков, поддерживавших «нормализацию» Японии (хотя они могли и не использовать этот конкретный термин), относились, например, премьер-министры Дзюньитиро Коидзуми и Синдзо Абэ. Именно Одзава одним из первых использовал в своем докладе формулировку «активный пацифизм», которую впоследствии популяризовал и сделал центром своего стратегического видения Абэ [3].

Между тем концепция «глобальной невоенной державы» была в несколько измененной форме принята в качестве внешнеполитической программы Демократической партии Японии, которая руководила страной в 2009–2012 гг. Демократы выступали за более активную роль Японии в мировом сообществе, однако не

путем усиления военно-политического сотрудничества с США, а при помощи невоенных методов, таких как экономическая и гуманитарная помощь или укрепление государственных институтов [4].

Заключение

В целом проходящие в 1990-е годы в Японии дискуссии относительно новых дипломатических стратегий и инициатив отражали поиск страной новой роли в изменившихся геополитических реалиях. Распад СССР, снижение военного присутствия в регионе США и усиление Китая существенно изменили условия безопасности в Восточной Азии и заставили Японию пересмотреть основы своей послевоенной внешней политики. Война в Заливе показала Токио, что традиционная «дипломатия чековой книжки» уже не отвечает глобальным вызовам, а конфликты далеко за пределами Японии также влияют на ее безопасность. Окончание холодной войны означало для Японии отход от «доктрины Ёсида», поскольку страна уже не могла изолировать себя от глобальных событий и фокусироваться исключительно на внутренней политике, и японским лидерам пришлось искать новые подходы к трем ключевым элементам послевоенной дипломатии.

Список литературы

1. Гаймусё. Вага тайко: но кинке = Министерство иностранных дел Японии. Обзор дипломатии. – Токио, 1957. – Яп. яз.
2. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. История Японии. XX век. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2007. – 528 с.
3. Akimoto D. The Abe Doctrine: Japan's Proactive Pacifism and Security Strategy. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 261 p.
4. Funabashi Y. Tokyo's Trials: Can the DPJ Change Japan? // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88, N 6. – P. 106–117.
5. Hosoya Y. Japan in Search of a New International Identity. – URL: <https://www.nippon.com/en/features/c00201/japan-in-search-of-a-new-international-identity.html> (дата обращения 06.07.2023).
6. Hughes C. Japan's Response to China's Rise : Regional Engagement, Global Containment, Dangers of Collision // International Affairs. – 2009. – Vol. 65, N 4. – P. 837–856.
7. Purrington C. Tokyo's Policy Responses During the Gulf War and the Impact of the "Iraqi Shock" on Japan. – Pacific Affairs, 1992. – Vol. 65, N 2. – P. 161–181.

***Влияние окончания холодной войны на дебаты в Японии
относительно внешнеполитической стратегии страны в 1990-х годах***

8. Pyle K. Japan Rising : the Resurgence of Japanese Power and Purpose. – New York : Public Affairs, 2007. – 448 P.
9. Smith S. Intimate Rivals : Japanese Domestic Politics and a Rising China. – New York : Columbia University Press, 2015. – 384 P.
10. Soeya Y. Japanese Security Policy in Transition : the Rise of International and Human Security // Asia-Pacific Review. – 2005. – Vol. 12, N 1. – P. 103–116.
11. Yamaguchi N. Redefining the Japan-US Alliance. – URL: <https://www.nippon.com/en/features/c00204/redefining-the-japan-us-alliance.html> (дата обращения 02.07.2023).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2023 – № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Подписано к печати 05.09.2023

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 9,75	Уч.-изд. л. 8,1
Тираж 300 экз.	Заказ № 189
(1–100 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У